

ВЛАСТЬ ДОЛЛАРА

Энтони Саттон

THE FEDERAL RESERVE CONSPIRACY

By Antony Sutton

Энтони Саттон (1925 – 2002)

СОДЕРЖАНИЕ

- П. Тулаев. Памяти Энтони Саттона
- Д. Карев. Крах доллара?
- Глава 1. Центральный банк
- Глава 2. Томас Джефферсон и финансовый клан
- Глава 3. Эндрю Джексон против клана
- Глава 4. Социалистический манифест Рузвельта
- Глава 5. Манифест Карла Маркса
- Глава 6. Авраам Линкольн бросает вызов
- Глава 7. Денежный трест создает ФРС
- Глава 8. Сговор на острове Джекиль
- Глава 9. Трест манипулирует конгрессом
- Глава 10. ФРС сегодня

ПРИЛОЖЕНИЯ

- 1) Скрытая власть Америки Э. Саттон
 - 2) Перл-Харбор 2 В.С. Герасимов
 - 3) Ротшильды и развал СССР А. Невский
 - 4) Россия и рынок А. Цикунов (Кузьмич)
 - 5) Кто правит Россией (Financial Times)
 - 6) Евро против доллара? Н. Крейтор
 - 7) Заявление МОПЧ В.С. Барышенко
-

ПАМЯТИ ЭНТОНИ САТТОНА

Еще десять лет тому назад имя Энтони Саттона (1925-2002) ничего не говорило русскому читателю. Его исследования о скрытых механизмах власти, написанные на английском языке и изданные малыми тиражами в США, читали считанные единицы наших соотечественников.

Сегодня Саттона знают в России десятки тысяч людей. Благодаря предыдущим публикациям на русском языке его трудов «Как Орден организует войны и революции» (М., «Паллада», 1995), «Уолл-стрит и Большевицкая революция» (М., «Русская Идея», 1998) и «Кто управляет Америкой» (М., «ФЭРИ-В», 2002), выдающийся американский ученый стал широко популярен.

Эта вполне закономерная популярность связана с тем, что Саттон отвечает на самые актуальные, жгучие вопросы современности: почему происходят мировые войны, как формируется власть в крупнейших государствах планеты, случайно ли происходят революции и региональные конфликты, откуда берутся деньги и какова их роль в международных отношениях. При ответе на эти непростые вопросы ученый опирается на документы и серьезные исследования, согласно требованиям точной науки и духу объективности.

В Америку Энтони Саттон приехал из Великобритании, где он родился и получил образование. После окончания Лондонского университета молодой англичанин избрал научную карьеру, став сначала докторантом, а затем – профессором экономики Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Оттуда он перешел на работу в Гуверовский институт войн и революций, где в 1968-1973 годах написал фундаментальный труд «Западная технология и советское экономическое развитие» (в трех томах). В данной монографии Саттон доказал, что определенные круги предпринимателей США всегда были заинтересованы в контроле экономических и политических процессов в СССР.

Одновременно с известностью к начинающему ученому пришла опала. Под давлением Белого дома Саттон был лишен финансирования и должности. Такая оценка научной деятельности не испугала автора, а лишь усилила его любознательность.

В 1970-е годы Энтони Саттон публикует серию исследований, посвященную трем вариантам социализма: «Уолл-стрит и большевицкая революция», «Уолл-стрит и приход Гитлера к власти», «Уолл-стрит и Франклин Рузвельт». Результат их оказался интригующим: за кулисами международных банковских операций аналитик обнаружил тайную деятельность Ордена.

Дело стало приобретать детективный характер. Углубившись в забытые архивы, выходец из Европы реконструировал по имеющимся документам историю Ордена иллюминатов в Америке. Каждой из изученных тем он посвятил отдельную книгу: «Введение в Орден», «Тайный культ Ордена», «Как Орден контролирует образование» и «Как Орден организует войны и революции».

Опальный ученый «свободной» Америки, печатавший свои труды полулегально, на личные средства, мизерными тиражами, был необыкновенно обрадован, когда узнал, что его открытия дошли до русского народа. В авторской газете «Письмо Феникса» (1996, №9, выпуск 15) Саттон с восторгом сообщил своим читателям, что тираж только одной его книги «Как Орден организует войны и революции», выпущенный в России издательством «Паллада» тиражом 10 тысяч экземпляров, превысил общее количество его проданных книг за предыдущие 15 лет. А когда он узнал о состоявшейся презентации книги и ее обсуждении на «круглом столе», не без досады заметил: «Публичные дебаты в Москве основывались на более точных данных, чем подобные в Вашингтоне и Нью-Йорке».

Вслед за «Письмом Феникса» Саттон стал издавать бюллетень, посвященный секретным и запрещенным технологиям. В это же время, в конце 1990-х годов, выходят его новые книги о ключевых экономических сферах: «Война за золото», «Алмазная связь», «Энергия и организованный кризис», «Заговор Федеральной резервной системы», «Трехсторонняя комиссия над Америкой».

Две последние книги автор прислал нам вскоре после их выхода в США с пожеланием переиздать на русском языке.

«Trilateral over America» вышла у нас под названием «Кто управляет Америкой». Она целиком посвящена истории и роли Трехсторонней комиссии: от ее создания Дэвидом Рокфеллером до скандального периода президентского правления Билла Клинтона. Следуя академическому стилю Саттона, московские издатели приложили к основному тексту список членов ТК и несколько документов, касающихся России.

«The Federal Reserve Conspiracy» в русской версии тоже имеет более простое название – «Власть доллара». Она шаг за шагом излагает историю Федеральной резервной системы (ФРС), главной международной финансовой структуры Америки, контролирующей хождение доллара во всем мире. Оказывается, что ФРС – не государственное учреждение США, а сугубо частное предприятие, созданное тайно и незаконно. Свободолюбивые американские президенты Томас Джефферсон, Эндрю Джексон, Авраам Линкольн пытались не допустить монополизации финансов в руках банкиров, но денежной мафии удалось навязать свою власть.

После тайного совещания в 1910 году на острове Джекиль (штат Джорджия), где в условиях строгой секретности был выработан план захвата финансовой монополии,

группа крупных капиталистов во главе с Дж. П. Морганом добилась принятия исключительно благоприятного для себя закона о ФРС. Этот закон, полностью противоречащий американской конституции, который Саттон называет «одной из наиболее бесчестных фальсификаций за всю историю США», был принят под давлением, с помощью подкупа, в 1913 году, как раз накануне Первой мировой войны. Штурм Белого дома банкирами в Вашингтоне оказался подготовлен гораздо лучше и конспиративнее, чем последовавший за ним большевистский штурм Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

С этого времени «денежный трест», прикрываясь фасадом ФРС, начинает фактически бесконтрольно печатать долларовые купюры. В Европе разгораются войны и революции, рушатся и восстанавливаются национальные хозяйства, гибнут и страдают миллионы людей, а на этом драматическом фоне американские банкиры из-за океана решают свои корыстные и личные проблемы с помощью станка, печатающего деньги, не обеспеченные золотом.

Денег, сделанных с помощью махинаций и авантур, хватило на многие проекты. Одним из первых подопечных Ордена был идеолог коммунистической революции (и враг Российской империи) Карл Маркс. Его поддержали финансовые круги Америки и Германии. Без больших проблем банкиры обмундировали грозного преемника Маркса – Льва Троцкого (Бронштейна). Вместе с «соратниками по партии» его отправили из ссылки обратно в Россию на комфортабельном корабле (Ленин, как известно, возвращался в революционный Петроград в менее удобных условиях, в «пломбированном вагоне», под патронажем германского генерального штаба). Нужное количество долларов напечатали и в качестве «помощи» советской экономики.

После Второй мировой войны, начавшейся с американской провокации на Перл-Харбор, а завершившейся уничтожением Третьего Рейха руками истощенного в кровопролитных сражениях СССР, доллары полились в «свободную зону» Европы широкой рекой. «Денацификация» и значительная часть реконструкции Запада под названием «план Маршалла» были осуществлены на американские деньги.

Об этой эпохе в книге не написано. От момента создания незаконного «денежного треста» Саттон сразу переходит к теме «Федеральная резервная система сегодня», где раскрывается роль Трехсторонней комиссии как политического инструмента финансового клана для государственного регулирования.

Чтобы восполнить данный пробел и более наглядно показать связь событий начала XX века с современностью, мы решили добавить к основному тексту несколько приложений: «Скрытая власть Америки» Энтони Саттона, «Перл-Харбор 2» Валерия Герасимова, «Ротшильды и развал СССР» Алексея Невского, «Россия и рынок» Александра Цикунова, «Евро против доллара?» Николая фон Крейтора, а также заявление русской секции Международного общества по правам человека (МОПЧ) о государственном праве на эмиссию рубля. Общая оценка роли доллара в России и его перспективы проанализированы во вступительной статье Дениса Карева.

Книга «Власть доллара» выходит в России вскоре после смерти ее автора. Пусть она станет памятником его дерзкому уму, бескомпромиссному характеру и свободолою-

бию. Энтони Саттон навсегда останется в сознании русских людей как истинный ученый, сумевший бесстрашно постоять за торжество правды и закона.

Павел Тулаев

КРАХ ДОЛЛАРА?

Забываясь о благе последующих поколений, советские граждане закупали в качестве фамильных ценностей: золотые украшения, серебряную посуду, дорогую мебель, электротехнику и прочую домашнюю утварь. Сегодня легальным и наиболее распространенным способом обезопасить свои финансовые риски является сбережение в «баксах», то есть приобретение доллара США как резервной валюты. Банкноты государственного казначейства США незаметно вошли в жизнь рядового горожанина и зажиточного провинциала, в их бытовой лексикон, а главное – в сознание того и другого.

Степень безопасности наших долларовых резервов, как спрятанных в доме, так и отданных во временное распоряжение финансовым учреждениям, полностью зависит от степени нашего же доверия к доллару США. Данное явление сопоставляется с так называемой фидуциарной эмиссией. Это когда обеспеченность выпускаемой валюты базируется не на совокупном производстве товаров и услуг (золото здесь выступает таким же стандартным товаром), а на уверенности инвесторов в прочности финансово-экономических механизмов государства-эмитента. Здесь играют более значительную роль Голливуд и информация Си-Эн-Эн, нежели все американские активы вместе взятые. И в итоге мы доверяем правительству США больше, чем нашему. Для США не важен рост собственной экономики как таковой. Цель американского государства – убедить нас посредством пропагандистской машины в наличии предполагаемого роста, заставить поверить в него с учетом долгосрочной перспективы.

В 1992 г. Российская Федерация приняла финансовую модель Международного валютного фонда (МВФ), приведя собственную денежную массу к объемам, равным экспортному потенциалу государства, выраженному в долларах США. Вот уже более десяти лет доллар США является основополагающим фактором функционирования отечественной экономики. Именно модель МВФ – по сути инструмента США (17,2% голосов) – определяет экономическую жизнь российских граждан до последнего времени. Для того, чтобы не быть голословным, давайте рассчитаем объем денежной массы, обращающейся в российской экономике, и посмотрим, к чему применение модели МВФ на практике успело привести, и к чему оно может привести в дальнейшем.

В настоящее время, по данным Центрального Банка России (ЦБ РФ), сумма вкладов населения в финансовых институтах страны достигла пика в канун августовского кризиса 1998 г. и составила при ВВП, равном на конец 1998 г. 2696,4 трлн. руб., 155,8 млрд. руб. и 6 млрд. долл. (31,1 млрд. долл. в совокупности). В частности, за период с января по июль 1998 г. количество рублей в банках возросло со 141,8 млрд. (24 млрд. долл.) до указанных 155,8 млрд. (25,1 млрд. долл.), валюты – с 4,8 млрд. долл. до указанных 6 млрд. долл.

После августа 1998 г. ситуация изменилась: с октября 1998 г. по апрель 1999-го почти в два раза сократились валютные вклады – с 4,5 млрд. долл. до 2,9 млрд., в то время как рублевые возросли на 30% – со 123,7 млрд. до 152 млрд. (правда, в переводе в твердую валюту они также уменьшились – с 7,7 млрд. до 6,3 млрд. долл.).

На основе имеющихся данных приступим к расчету двух важных экономических показателей: уровня монетизации ВВП (отношения денежного агрегата М2 к ВВП, где М2 это наличные деньги плюс рублевые депозиты) и степени «финансовой глубины» (отношения М2Х к ВВП, где М2Х это М2 плюс валютные депозиты, или так называемые деньги в широком смысле). Таким образом, на 1 января 1998 г. при денежной массе, равной 137 млрд. руб., первый показатель составил 10,4%, второй – 11,4%. Данные цифры говорят о многом, но только специалисту. Поэтому проведем некоторые сравнения.

Подобные размеры монетизации наблюдаются исключительно в таких странах, как Армения, Туркменистан, Гвинея-Бисау или Конго, в то время как экономики развитых стран и большинства стран с переходной экономикой функционируют с показателем монетизации ВВП в 50-100% и с показателем «финансовой глубины» в 70-120%. Это означает, что демонетизация российской экономики составляет, как минимум, 400% агрегата М2. Другими словами, экономику России моят денежным голодом и обеспечивают ее потребности в живых деньгах только на 10-20%. Следовательно, модель МВФ приводит к тому, что недостающие 80-90% российская экономика получает в виде сыворотки – долларов США. Данный механизм и обеспечивает постоянный приток долларовой массы в нашу экономику. Даже если рубль когда-либо окрепнет, и мы станем делать сбережения в национальной валюте, то при использовании финансовой схемы МВФ, страна окажется в положении замедления оборота рублевой массы, которое, в конечном счете, может вызвать в стране кризис неплатежей уже не только в государственном секторе.

Предложения увеличить денежную массу хотя бы в два раза вызывают у российской финансовой олигархии и политической «элиты» нескрываемое раздражение – особенно в кругах, представляющих интересы МВФ. Они парализуются тезисом, что это автоматически вызовет инфляцию, хотя данное представление, не соответствует действительности. При достаточном уровне монетизации ВВП и стабильном курсе национальной валюты, а также более эффективном контроле над обращением доллара и евро, население начнет делать сбережения в рублях.

Что касается инфляции, то она в России вызвана деятельностью «естественных монополий» и влиянием различных рисков. Все это отражается на стоимости продукции (как отечественной, так и импортируемой) и услуг. Наблюдаемое постоянное увеличение стоимости продукции и услуг никак не связано с ростом денежной массы на руках у населения (инфляцией спроса). Оно имеет прямое отношение к инфляции издержек – рост железнодорожных тарифов, стоимости электроэнергии и т. п.

Данная политика именуется абсолютным монетаризмом – своеобразным экстремизмом в рамках экономической активности, трансформирующимся в масштабе мировой экономики в своеобразный глобализм. Самое печальное, что современные официальные российские экономисты не могут предложить вместо монетаризма никакой иной концептуальной альтернативы, да и не хотят этого.

Но как бы то ни было, основная часть домашних хозяйств и предпринимателей используют в качестве резервной валюты доллар, страхуя тем самым возможные финансовые риски (порядка 100 млрд. долл. находится на руках частных владельцев плюс 28 млрд. – в резервах государства). Следовательно, каждый субъект национальной экономики, страхующийся таким образом от валютного риска, будь то предприятие либо частное лицо, тем самым кредитуют США, не требуя возврата долга и выплаты процентов. Себестоимость долларовой банкноты по разным данным составляет от 4 до 25 центов, обеспеченность ее активами традиционной (производственной) экономики равна 5%, а активами «виртуальной» – 30-40% в лучшем случае. При данном положении вещей кроме прибыли, американское государство получает абсолютную монополию по страхованию валютных рисков. Правда, это не является основной предпосылкой наводнения долларами мировой финансовой системы.

Американская модель финансово-экономической глобализации предполагает использование доллара как главной и единственной мировой расчетной единицы без соответствующего обеспечения и, более того, без контроля со стороны иных участников мировой экономики за осуществляемой Федеральной резервной системой эмиссией. Данная модель является схемой решения внутренних экономических проблем США. Она была разработана и затем претворена в жизнь при Франклинe Рузвельте в результате целенаправленного слома изоляционистских настроений в американском обществе. Не надо забывать, что они в США до Второй мировой войны были настолько высоки, что Штаты не имели до 1942 г. даже своей службы внешней разведки. Финансовая модель Рузвельта предполагала, в свою очередь, превращение доллара в мировую валюту и сброс образующейся инфляционной массы (излишков долларовой массы) за пределы США, то есть перекладывание инфляции на плечи менее развитых стран, или, по сути, их эксплуатацию.

Удобным подспорьем для крушения изоляционизма стало начало Второй мировой войны. Потребовалось изыскать средства на армию и флот, а также на вооружение союзников. Для этих целей было приостановлено действие антитрестовских законов, взята под контроль банковская система страны и усилено государственное регулирование экономики. США пошли по пути строительства государственного социализма, только под камуфляжным прикрытием пуританских ценностей. Об этом прямо говорит в своей книге «Власть доллара» Энтони Саттон, утверждая, что «Манифест Коммунистической партии» стал важнейшим экономическим документом двадцатого столетия, и что он – путеводная звезда в дебрях экономики для американского политического руководства.

За счет займов у частных банков США развернули строительство частных предприятий, которые даром (!) под гарантированный военный заказ были переданы в частные руки. Приватизация в России оказалась куда более выгодным для общества предприятием (если не учитывать «приватизацию» 1917 г., закончившуюся к 1929 г. распродажей иностранцам всего, что можно было продать).

Основной опасностью для США в условиях глобализации является снижение привлекательности доллара как мировой резервной валюты и возможности его массового обмена на национальные валюты. Следует отметить, что воплощение мечты о моментальном вытеснении доллара из экономического пространства России не даст никакого отрицательного эффекта для США, поскольку евродоллары (доллары за преде-

лами США) обслуживают в первую очередь международные валютные операции, а не розничные покупки. Главная угроза доллару исходит не от вытеснения его из национальных экономик, а от региональных валют (сейчас – это евро, впоследствии к нему могут присоединиться йена либо юань), способных занять нишу в трансфертных операциях.

В настоящее время ведущие промышленно развитые страны Западной Европы (Франция, Германия, Италия) постепенно приходят к осознанию собственных глобальных экономических и политических интересов, которые невозможно реализовать без помощи сильной региональной валюты. Поэтому основной целью США на мировой арене становится все более очевидная конфронтация с Европейским союзом (ЕС). Война в Югославии, стимулируемый наплыв неквалифицированной рабочей силы в Западную Европу, а также навязывание давно исчерпавшего себя либерализма (современной болезни России) являются всего лишь наиболее видимыми проявлениями данного столкновения глобальных интересов.

В настоящее время внешняя экспансия доллара постепенно начинает снижать обороты – дополнительных территориальных ресурсов для сброса все возрастающей инфляционной массы после распада мировой социалистической системы не предвидится, а обеспеченность доллара сократилась до минимума. Вспомним, что сначала в качестве единой меры стоимости выступало золото, потом – доллар, обеспеченный золотом (Бреттон-Вудская система), потом – «долговая расписка», напоминающая о том, что трудовую теорию стоимости за 150 лет до Маркса сформулировал не кто иной, как Бенджамин Франклин.

Приемлемым выходом из сложившейся ситуации становится периодическая организация финансовых кризисов, поскольку любая национальная экономика имеет тенденцию впитывать дополнительные объемы мировой резервной валюты именно в результате последних. Причем не следует уповать на то, что какой-либо управляемый региональный кризис вдруг возьмет и перерастет в неуправляемый мировой. Ведь на долю США приходится порядка 30% мирового ВВП, а американским гражданам и корпорациям принадлежит 55% всех выпущенных в мире акций. Таким образом, США являются локомотивом не только мировой экономики, но и мировой финансовой системы. Следовательно, кризис может стать глобальным только после того, как он поразит США и тем самым отправит весь состав под откос.

Фундаментом, на котором основывается экономика США, является обычная долговая пирамида. Она характеризуется высокими постоянными темпами роста денежной массы, потребительского и корпоративного кредитов, внешнеторгового дефицита и зависимости экономики США от притока иностранного капитала. Например, в 1997 г. США привлекли инвестиций на сумму в 91 млрд. долл. Существование финансовой пирамиды обусловлено не внутренними факторами, а внешними обстоятельствами: в первую очередь – это уровень доверия к ней крупных инвесторов, а также частных лиц, использующих доллар США в качестве резервной валюты. Но в формировании этого доверия задействованы не американское трудолюбие или инновационные технологии, а правительственные статистические органы и, частично, бухгалтеры крупных американских корпораций.

Энтони Саттон свидетельствует: «Современные экономисты настолько пристрастились к математической манипуляции (под надуманным предлогом скрупулезности), что они полностью пренебрегают основными экономическими аксиомами». На самом деле это не «надуманный предлог скрупулезности», а общепринятая (особенно в период правления администрации Клинтона) в США практика, целенаправленно идущая в разрез с традиционными методиками расчета экономических показателей. Ее цель – формирование доверия к экономике США со стороны крупных и мелких инвесторов.

Есть все основания полагать, что впечатляющие показатели экономического роста и инфляции, а также высокие прибыли американских корпораций не соответствуют действительности, поскольку система национальных счетов, применяемая статистическими службами США, характеризуется математическими искажениями, маскируемыми специфичностью расчетов ряда макроэкономических показателей. Главным индикатором инфляции является индекс потребительских цен, рассчитываемый по составу корзины товаров. В настоящее время в США подавляющая часть рабочей силы (порядка 70%) занята в сфере услуг. Поэтому индекс потребительских цен следовало бы рассчитывать преимущественно по услугам, а не по товарам. Более того, использование данного индекса в качестве дефлятора ВВП приводит к завышению реальных темпов роста экономики. Также мало кто знает, что США включают в состав ВВП «приписную ренту» (арендную плату, которую должны были бы платить собственники домов и квартир, если бы они жили в сдаваемой недвижимости, то есть фиктивную арендную плату). Данная манипуляция приводит к завышению ВВП порядка на 10%.

Современный американский политический деятель Лин-дон Ларуш утверждает: «Статистические отчеты периода с 1955-го по 2002 г., якобы свидетельствующие о чистом росте американской экономики, все до одного основаны на обмане. Сегодняшняя волна банкротств представляет собой проявление скрыто вызревавшей в течение последних семи лет несостоятельности американских фирм».

Кстати, никто уже не замечает того, что одной из самых избитых, но в то же время неестественных «аксиом», является постоянное снижение цен на золото при устойчивом на него спросе, превосходящем объемы добычи. Здесь мы имеем дело с монополией («золотым трестом») центральных банков (в первую очередь Федеральной резервной системы), ведь повышение цен на золото вызовет отток средств с фондового рынка и дальнейшую цепную реакцию банкротств. Кроме того, низкие цены на золото позволяют скрывать инфляцию фондовых активов, которая в любой момент может перекинуться на рынок потребительских товаров, и снизить процентные ставки. Также постоянно снижающиеся цены на золото обеспечивают максимальную прибыльность от спекуляции с ним на бирже. Здесь основными монополистами выступают «Чейз Манхаттан банк» (финансовый центр Рокфеллеров) и «Дж. П. Морган». Этим двум кредитным учреждениям уделено особое внимание в работе Саттона.

Конечно же, вышеизложенное не означает, что американская экономика в чем-то уступает экономике ЕС. Однако она находится в весьма уязвимом положении, поскольку реальные процессы, происходящие в ней, не соответствуют ожиданиям даже самых рядовых инвесторов, которые, в свою очередь, об этом не подозревают.

Поэтому для сохранения статуса доллара может потребоваться очередной мировой военный конфликт, необходимость которого уже назрела, но целесообразность, по понятным причинам (наличие ядерного вооружения), еще нет. Во время предвыборной гонки финансовую поддержку Джорджу Бушу-младшему оказал американский ВПК. В свою очередь новоизбранный президент не остался в долгу.

В 2003 г. на военные нужды планируется выделить почти 400 млрд. долл., что может стать крупнейшим увеличением бюджета Пентагона с 1966 г. Военное министерство США планирует направить данные средства на следующие цели: разработку беспилотных летательных аппаратов и «самолетов-невидимок» нового поколения, создание национальной системы ПРО (7,8 млрд. долл.), закупку оружия (73,4 млрд. долл.), военное строительство (4,8 млрд. долл.), помощь военным инвалидам (5,8 млрд. долл.). Примечательно, что значительные ассигнования предусмотрены на экологические программы. Таким образом, дальнейшая эскалация военных конфликтов в период срока президентства Буша-младшего гарантирована.

После Первой мировой войны США увеличили свой экспорт втрое, а страны Европы превратились из кредиторов Америки в ее должников. После холодной войны в должников США превратился практически весь цивилизованный мир. Давать кредиты для США более жизненно важно, чем получать их обратно. Этим достигается постоянный спрос на долларовую массу. Именно поэтому США превратились не только в крупнейшего кредитора, но и в лидера по объему внешнего долга. США обладают показателем внешней задолженности примерно в 700 млрд. долл. К слову, внешний долг Германии, обладающей вторым после США показателем, равен 350 млрд. долл.

Правда, стоит отметить, что сам по себе уровень внешней задолженности – показатель относительный. Наиболее универсальным индикатором является отношение внешнего долга к ВВП. Оно определяет возможность обслуживания внешней задолженности. Поэтому говорить об отрицательном воздействии внешнего долга на экономику государства можно только тогда, когда его удельный вес в ВВП достигает предельных значений. В частности, в России отношение внешнего долга к ВВП достигло к концу 1999 г. 85%. В других странах первой пятерки должников показатели были следующими: в США – 9%, в Германии – 13,5%, в Бразилии – 28,1%, в Мексике – 35,5%. Таким образом, даже если вычесть все заложенные в валовой продукт манипуляции, то США в настоящее время, более или менее, эффективно могут обслуживать свой внешний долг. Следовательно, для обострения проблемы внешней задолженности, требуется не как таковое ее увеличение, а расширение отношения задолженности к ВВП.

То, что кредитование уже давно превратилось в элементарную профанацию, отягчающую долговое бремя государства, и приносящую народу не пользу, а только вред, доказывает официально признанный факт расхищения самого крупного из предоставленных России МВФ кредитов.

Еще 19 марта 1999 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» министр финансов США Р. Рубин заявил, что «заем в размере 4,8 млрд. долл., выделенный МВФ России 14 августа 1998 г., расхищен окружением президента Ельцина». Согласно газете в тот же день вся эта сумма была переведена со счета № 9091 Федерального резервного банка Нью-Йорка в отделение «Кредитанштальт-Банкфэрайн» (Лугано, Швейцария) в

пользу АО «Ост-Вест Хандельсбанк» (Франкфурт-на-Майне). Дальнейшее расследование показало, что 2 млрд. 350 млн. долл. из Франкфурта были переведены в «Бэнк оф Сидней». Оттуда 235 млн. были зачислены на счет некоей австралийской компании. Оставшуюся сумму конвертировали в фунты стерлингов и перевели в Национальный Вестминстерский банк в Лондоне. «Прибыль» распределили так: 1,4 млрд. долл. получил «Бэнк оф Нью-Йорк», 780 млн. – «Креди Сюис» (Швейцария), а 270 млн. получило лозаннское отделение «Кредитанштальт-Банкферайн».

Теперь подытожим те факторы, которые могут вызвать предполагаемый крах мировой долларовой системы и, как следствие, уход доллара США с позиций мировой резервной валюты.

1) Американское благосостояние держится на притоке иностранного капитала, компенсирующего колоссальный по своим масштабам внешнеторговый дефицит США. Однако в последние годы Уолл-стрит перестает быть главным центром притяжения капиталов. На первые позиции выходят европейские и азиатские фондовые рынки.

2) Стабильный доллар стимулирует падение уровня конкурентоспособности и прибылей американских промышленных компаний, что вызывает недовольство у внутренних производителей. Вот что заявил Джордж Буш 17 июля 2001 г.: «Рынок предпочитает сильный доллар. На самом деле, сильный доллар создает нам не только преимущества, но и проблемы. В первую очередь он затрудняет американский экспорт». Данная реплика Буша сразу вызвала небольшое падение доллара.

Не исключен вариант мягкой девальвации доллара, что может привести к кризисным явлениям в азиатских странах, живущих за счет экспорта в США, а также в России, которой некому будет продавать нефть и сталь. Правда, некоторые специалисты полагают, что ослабление доллара пойдет на пользу всей мировой экономике. Но здесь присутствует только доля истины, поскольку мнения насчет того, что является стержнем мировой экономики, сильно разнятся.

Все сектора американской экономики перегружены долгами (агрегированная задолженность ее – 32 трлн. долл.).

Рост «виртуальной» («новой») экономики приводит к повышению издержек в промышленности, оттоку специалистов из секторов традиционной («старой») экономики.

Прибавим к этому рассмотренные выше факторы возможного: 5) укрепление альтернативной доллару региональной резервной валюты; 6) повышение роли золота в системе мировых финансов.

Каковы в этих условиях шансы геоэкономического проекта «евро»?

Можно утверждать, что рынок евро уже успел сформироваться, и в настоящее время создает определенную конкуренцию доллару США. Например, в поддержку евро высказался Китай, 45% выпускаемых на мировых рынках облигаций номинируются в евро, а Ирак в 2000 г. потребовал перевести в евро всю свою выручку от экспорта нефти. В то же время, евро, как альтернативная международная валюта, будет набирать силу еще достаточно долго, поскольку смена резервных валют никогда не про-

исходит моментально. Вспомним, что фунт стерлингов потерял свою роль основной резервной валюты только после Второй мировой войны, хотя становление доллара США началось на рубеже веков.

Введение евро уже ликвидировало колебания валютных курсов на европейском континенте и несколько снизило себестоимость товаров и услуг (риск, связанный с колебаниями, закладывается в себестоимость продукции). Данные, которые ежедневно поступают с мировых бирж, свидетельствуют о хронических трудностях, испытываемых американской экономикой. Финансовый рынок США падает и по всей видимости будет падать и далее. Отрицательно на курс доллара влияют также крупные финансовые скандалы внутри США (Enron, WorldCom).

Доллар будет еще достаточно долго доминировать на рынках сырья также и потому, что сильный евро способен подорвать конкурентоспособность европейских товаров. Поэтому в данный момент мы не наблюдаем политического единства стран Западной Европы (особенно Франции и Германии) и какого-либо желания у США уступить свои позиции. К тому же, из-за резкого роста курса евро по отношению к доллару Россия может понести дополнительные расходы, связанные с обслуживанием государственного долга, ведь основная часть долгов Парижскому клубу кредиторов рассчитывается в евро.

Наконец, стоит отметить, что американская политика имеет первостепенное значение не только для политологов, крупных инвесторов или предпринимателей, но и для рядовых граждан России. Причины лежат на поверхности: российская экономика встроена в финансовую модель МВФ, а сбережения домашних хозяйств в своей массе конвертированы в доллары США.

Многие обозреватели уверенно говорят о неизбежной девальвации доллара. Однако, не исключено, что западный мир переживет ее за счет третьих стран, а также посредством технологического отрыва от всего остального мира, включая Россию, которая и далее будет заниматься перераспределением собственности (на современном этапе – землей).

Вряд ли следует также ожидать того, что экономическая конфронтация внутри «цивилизованного сообщества» перерастет в ближайшее время в крупный политический или даже военный конфликт. Еще осталось достаточно много «врагов» американского образа жизни, объединяющих его приверженцев в единую силу.

Денис Карев

Глава первая

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК

Вот уже около столетия политики и средства массовой информации относятся к Федеральному резервному банку как к некоему неприкосновенному, запретному полубожеству. Никому, кроме невменяемых оппозиционеров и политических экстремистов, не позволено критиковать Федеральную резервную систему. Общепринятая

точка зрения гласит, что любой человек, подвергающийся нападкам Федеральную резервную систему, обречен на провал, а ее проверка со стороны конгресса приведет к хаосу в экономике и губительному росту спекуляции на фондовой бирже.

Недавно президент Клинтон назначил Алана Блайндера на должность члена Совета управляющих Федеральной резервной системы, состоящего из семи представителей. Блайндер пустился в критику действий Федеральной резервной системы. По его мнению, процентные ставки слишком высоки и разнятся с установкой, утвержденной председателем Аланом Гринспеном.

Несчастный Блайндер был поставлен на место прессой, контролируемой влиятельными кругами. Он, без сомнения, получил совет держать язык за зубами, поскольку после озаглавленной речи Блайндер неоднократно заявлял, что никаких разногласий между ним самим и председателем Гринспеном не существует, и отказался идти дальше своего курьезного прегрешения.

Распространено искаженное представление о Федеральной резервной системе. Президент США и конгресс если и имеют влияние на ее политику, то совсем незначительное. В 1913 г. конгресс передал все денежно-кредитные полномочия Федеральной резервной системе. Федеральная резервная система – это частный банк, которым владеют банки, она выплачивает дивиденды по акциям, принадлежащим только банкам. Федеральная резервная система – это частный центральный банк.

До сих пор политика Федеральной резервной системы (политика вовсе не государства) является доминирующим фактором в экономическом росте. Федеральная резервная система может создавать рабочие места, отпуская кредит. Правительство много говорит о создании рабочих мест, но в действительности в состоянии плодить только государственных чиновников, которые больше ограничивают, нежели поощряют предпринимательскую активность. В то же время, частный сектор создает производительные рабочие места и сильно зависит на этом поприще от политики Федеральной резервной системы.

Конгресс никогда не расследовал деятельность Федеральной резервной системы и весьма вероятно, что мы этого не дождемся. Никто не видел ее счетов, они не ревизуются. Балансовые отчеты не выпускаются. Никто, кто бы то ни был, просто не уцелее, если он отважится критиковать Федеральную резервную систему.

В чем причина всей этой секретности и осмотрительности? В том, что Федеральная резервная система обладает законной денежной монополией, предоставленной конгрессом во время заседания 1913 г., которое было неконституционным и мошенническим. Большинство конгрессменов не имели никакого представления о содержании законопроекта о Федеральной резервной системе. Президент Вудро Вильсон, задолжавший Уолл-стрит, подписал законопроект.

Федеральная резервная система обладает правом выпускать деньги в обращение. Эти деньги – фикция, созданная из ничего. Это могут быть деньги в форме созданного через «учетное окно» **[Заемные средства, предоставляемые центральным банком кредитным институтам. – Прим. перевод.]** кредита, посредством которого другие банки берут займы под учетную ставку процента. Это могут быть банчно-

ты, напечатанные государственным казначейством, проданные Федеральной резервной системе и оплаченные созданным ею капиталом.

Одним словом, упомянутая частная группа банкирских домов обладает монополией на печатный станок. Данное исключительное право никем не контролируется и является источником беспроектной прибыли. Кроме того, монополия не обязана отвечать на вопросы, выпускать исследования или ежегодные отчеты.

Это неподвластная никому денежная монополия.

Книга, которую Вы держите в руках, объясняет, как появилась данная монополия. Очевидно, когда проблема Федерального резервного банка обсуждалась, конгресс и широкая общественность были введены в заблуждение и отошли от дел. Если монополия сохраняется, так это потому, что люди преисполнены невежества. При условии, что их личная жизнь более или менее налажена, у них не возникнет желания поставить под вопрос действия Федеральной резервной системы. Но даже если причина появится, они найдут ничтожно мало источников, раскрывающих реальные факты. Многие слишком заинтересованы в защите монополии Федеральной резервной системы. Академический труд, критикующий Федеральную резервную систему, в США никогда не найдет издателя, а автору-экономисту, вероятно, откажут в занимаемой должности.

Перед Вами первая книга, подробно раскрывающая час за часом события, приведшие к утверждению закона о Федеральной резервной системе 1913 г. Она детализирует многие десятилетия работы и скрытого планирования, профинансированного банкирскими домами с целью заполучить денежную монополию.

Глава вторая

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН И ФИНАНСОВЫЙ КЛАН

В современном научном мире модно не обращать внимания на веские доводы «отцов-основателей»: мнения президентов Томаса Джефферсона (его портрет помещен перед заголовком – ред.), Джеймса Медисона и в особенности Эндрю Джексона. В действительности, их доводы состоят в том, что Республика и Конституция постоянно находятся в опасности, исходящей от так называемого «финансового клана» – группы автократов, или «элиты», как бы мы выразились сегодня, которая оказывает влияние на политическую власть государства с целью получения монополии на эмиссию денежных знаков.

Современные исследователи игнорируют даже главное соображение Томаса Джефферсона – оградить новорожденные Соединенные Штаты от той части верхушки, которую он именовал «монократами» и «монополистами». Это была банковская монополия, которую Джефферсон рассматривал как величайшую угрозу для существования республики.

Идеалом Джефферсона была республика мелких собственников с чувством гражданской осведомленности и уважением к правам своих ближних – то, над чем насмеха-

ются современные члены элиты и марксисты. Маркс позже назовет их буржуазией, а Нельсон Рокфеллер некогда именовал их «крестьянами». Лучшим государством для Джефферсона была наименьшая по размерам формация, где граждане-единоличники берут на себя защиту прав ближних. Несмотря на то, что Джефферсон чуждался социалистических убеждений, он в равной степени не признавал монопольную власть банковских кругов и опасался того, что она могла бы отрицательно повлиять на американские свободы.

Вот слова самого Джефферсона:

«Если американский народ когда-либо позволит банкам контролировать эмиссию своей валюты, то вначале посредством инфляции, а затем – дефляции, банки и корпорации, которые возникнут вокруг них, лишат людей всего имущества, а их дети окажутся беспризорными на континенте, которым завладели их отцы. Право выпускать деньги должно быть отнято у банков и возвращено конгрессу и народу, которому оно принадлежит. Я искренне полагаю, что банковские институты более опасны для свободы, нежели регулярные армии». [The Writings of Jefferson, vol. 7 (Autobiography, Correspondence, Reports, Messages, Addresses and other Writings) (Committee of Congress Washington, D. C., 1861) p. 685.]

Первая частная банковская монополия

Мнения «отцов-основателей» по поводу банков и «финансового клана» отражают столкновение политических воззрений ранних американцев: Александра Гамильтона, с одной стороны, и Джефферсона, Медисона и Франклина – с другой. Гамильтон представлял характерную более для Европы автократическую традицию. Там, где политические методы были бездейственны, автократия рассчитывала на победу посредством банковской монополии. Именно Гамильтон внес в декабре 1790 г. на рассмотрение в Палату представителей законопроект, предоставлявший концессию находившемуся в частном владении Банку Соединенных Штатов. И таким образом учредил первую частную денежную монополию в США – предшественницу частной Федеральной резервной системы. Именно Александр Гамильтон всего лишь за несколько лет до этого написал устав Банка Нью-Йорка – первого банка в городе. Исаак Рузвельт – прапрадед Франклина Делано Рузвельта – с 1791 по 1796 гг. был вторым за всю историю председателем правления этого банка.

Предложение Гамильтона о национальном банке сводилось к предоставлению конгрессом привилегированному меньшинству концессии на частную монополию. Банк Соединенных Штатов имел бы тогда исключительное право эмитировать валюту, он был бы освобожден от налогообложения, а правительство Соединенных Штатов, в конечном счете, несло бы ответственность за все его действия и долги.

Вот как это описывает Джордж Банкрофт [Банкрофт (Bancroft) Джордж (1800-91) – американский дипломат, историк; в 1845-46 морской министр. Основной труд – «История США» (т. 1-10). – Прим. перевод.]

«Гамильтон рекомендовал создать национальный банк с акционерным капиталом в десять или пятьдесят миллионов долларов, оплаченным на одну треть металлическими деньгами, а на другие две трети европейскими денежными фондами или зе-

мельным обес-печеньем. Его должны были возвести в статус легального акционерного общества в течение тридцати лет. За это время никакой другой банк – государственный или частный – не мог бы получить этот статус. Его капитал и депозиты должны были быть освобождены от налогообложения, а Соединенные Штаты, в общем и в частности, должны были сообща нести ответственность за все его экономические операции. Статьей его дохода должно было стать исключительное право на эмиссию валюты для Соединенных Штатов, равной по сумме всему акционерному капиталу банка». **[The History of the Constitution of the United States, (D. Appleton & Co., New York, 1893) p. 31]**

Реакция общественности на предоставление конгрессом частной банковской монополии группе отдельных граждан была язвительной.

Джеймс Медисон признавал:

«В случае мирового обращения банкнот, предложенного банка, прибыли будут настолько велики, что правительству следует получить весьма значительную сумму для предоставления данного преимущественного права.

Существуют другие недостатки, и право учреждать второстепенные банки не должно быть предоставлено какой-либо группе людей». **[Gaillard Hunt, Writings of James Madison, (Geo. P. Putnam's Sons, New York) vol. 6, p. 371]**

В Сенате выступил с резким осуждением Уильям Мак-Клей:

«17 января (1790), понедельник. Я сказал прямо, что не являюсь защитником банковской системы; что я считаю их машинами для стимулирования доходности сектора непродуктивной рабочей силы; что вся прибыль банка должна принадлежать обществу. В этом случае, в общественных интересах было бы возможным увеличить совокупную стоимость акционерного капитала.

Однако я должен заметить, что по данным требованиям общественность грубо провела. Она (общественность – ред. автора) кредитовала только монетой; отдельные лица (банковские устроители – ред. автора) кредитовали на три четверти сертификатами, в которых обеспечения ценности со стороны банка было не более, чем в жнивье. К тому же, сертификаты не представляли уже никакого интереса, и было крайне несправедливым, что другие бумажные ценности (деньги) должны были выпускаться в кредит, отягощенный процентом, и действовавшим на государство как дополнительный налог». **[Journal of Wm. McClay, United States Senator from Pennsylvania, 1789. Edited by Edgar S. McClay (D. Appleton & Co., New York, 1890) p. 371]**

Предложение Гамильтона было направлено в сенатскую комиссию. Но в нее входил Филип Шилер (тесть Гамильтона), а все ее члены разделяли политические взгляды Гамильтона. Одним словом, комиссия была сформирована из подставных лиц.

Позже президент Вашингтон направил законопроект Томасу Джефферсону (государственному секретарю) и Эдмунду Рэндольффу (министру юстиции и генеральному прокурору). Оба нашли законопроект противоречащим Конституции. Точка зрения

Джефферсона по поводу неконституционных действий банка содержала следующий веский аргумент:

«Я полагаю, что фундамент Конституции заложен на следующем принципе: все полномочия, не переданные Соединенным Штатам Конституцией и в равной степени не запрещенные ею штатам, сохранены за штатами, или за народом.

Выйти за эти рамки, очерченные специально для полномочий конгресса, – значит овладеть беспредельной сферой власти, не поддающейся более какому-либо определению.

Законопроект передает наши права национальному банку, который волен, на своих условиях, отклонять любые соглашения. Общество же не обладает подобным правом – правом воспользоваться услугами любого другого банка». [**The Writings of Jefferson, vol. 7, Joint Committee of Congress, op cit.**]

Банк Нью-Йорка

Это был далеко не первый проект Александра Гамильтона, направленный на предоставление привилегий банкам в угоду собственной корысти. Пятью годами ранее, в 1784 г., Гамильтон присоединился к Исааку Рузвельту и иным лицам для того, чтобы организовать Банк Нью-Йорка.

Удивительно, что исследователи не придавали особого значения связи семьи Рузвельтов с Банком Нью-Йорка – первым банком, основанным как в городе, так и в штате Нью-Йорк, а также одним из первых банков США. Только Банк Северной Америки и Банк Пенсильвании, образованные во время войны за независимость, являлись его предшественниками.

Первое совещание директоров Банка Нью-Йорка прошло 15 марта 1784 г. На нем присутствовали следующие лица: [**Henry W. Dommet, Bank of New York 1784-1884, (Putham's Sons, New York, 1884) p. 9**]

Александр Макдугал,
Самуэль Франклин,
Роберт Боун,
Комфорт Сэндз,
Александр Гамильтон,
Джошуа Уоддингтон,
Томас Б. Стоугтон,
Уильям Максвелл,
Николас Лоу,
Даниель Мак-Кормик,
Исаак Рузвельт,
Джон Вандербилт,
Томас Рэндалл.

Александр Гамильтон, который, как мы убедились, решительно противостоял Томасу Джефферсону и джефферсоновской демократической традиции в американской по-

литике, был связан с Банком Нью-Йорка с самого начала. Устав Банка Нью-Йорка фактически был написан Александром Гамильтоном. И поскольку большинство из новоизбранных членов правления банка не были знакомы с банковским делом, именно Александр Гамильтон предоставил рекомендательное письмо в Банк Северной Америки, который снабдил его нужной информацией и руководством.

Первым президентом Банка Нью-Йорка стал Джеремайя Уодсворт. Его пребывание на должности было недолгосрочным, и в мае 1786 г. президентом был избран Исаак Рузвельт, а вице-президентом при нем стал Уильям Максвелл. Банковские помещения располагались в старом Уолтон-Хаусе. Напротив, по улице Квин-стрит, 159, находился рафинировочный завод Рузвельта.

Злоупотребление служебным положением со стороны Александра Гамильтона более чем очевидно. Ведь в 1789 г., когда Конституция Соединенных Штатов вступила в силу, он стал министром финансов США. Кроме того, как директор Гамильтон не принимал активного участия в работе Банка Нью-Йорка. Он консультировал кассира банка Уильяма Ситона. В итоге в 1790 г. Банк Нью-Йорка выступил посредником правительства Соединенных Штатов при продаже двухсот тысяч гульденов. Одновременно Гамильтон изложил в конгрессе идею руководства Банка Соединенных Штатов о частной банковской монополии.

Более того, Гамильтон использовал свое влияние члена правительства с целью не допустить Банк Соединенных Штатов в Нью-Йорк. Банку Нью-Йорка не нужны были конкуренты.

Также выяснилось, что Гамильтон пытался сделать Банк Нью-Йорка единственным представителем правительства Соединенных Штатов в городе. В январе 1791 г. Александр Гамильтон писал Уильяму Ситону следующее:

«Я постараюсь придать благоприятную окраску новому союзу, уместность которого ясно проиллюстрирована текущим положением вещей. Я хочу, чтобы Банк Нью-Йорка, во что бы то ни стало, продолжал принимать вклады от инкассирования бумаг Банка Соединенных Штатов. Также желательно, чтобы банк мог получить выплату по голландским векселям теми же бумагами». [H. W. Dommet, op. cit., p. 41]

Далее в этом же письме Гамильтон сообщает: «Доверьтесь мне. Если на вас окажут давление, то любая посильная помощь будет вам предоставлена. Что касается ответственности, то она материально заинтересована в содействии такому важному учреждению, как Банк Нью-Йорка. Наша общая задача – выдержать атаки безумной клики мошенников, беспринципных по целому ряду требований».

Предложение о создании в Нью-Йорке в 1791 г. альтернативного банка Александр Гамильтон тоже воспринял болезненно. Он выразил крайнее неодобрение, когда услышал об этом проекте. Вот что Гамильтон писал Уильяму Ситону 18 января 1791 г.:

«С беспредельной болью я узнал о том, что в вашем городе появился новый банк. Последствия данной инициативы в любом случае могут быть только пагубными. Я искренне надеюсь, что Банк Нью-Йорка не вступит в коалицию с этим новоиспечен-

ным чудовищем. Я склонен полагать, что все это вызовет к жизни более выгодный альянс. Единая сила двух сплоченных обществ без особого напряжения и насилия сметет этот нарост. Я высказываюсь столь резко и конфиденциально не потому, что в моей оценке имеется какой-либо недостаток, а по причине того, что только так можно отразить естественную тенденцию вещей». [H. W. Dommet, *op. cit.*, p. 43]

Согласно «Истории крупнейших капиталов Америки» Майерса, [H. W. Dommet, *op. cit.*, p. 125] Банк Нью-Йорка «внедрился в политические круги и боролся с распространением демократических воззрений грязными, но эффективными методами». Майерс утверждает, что основатели банка, придерживавшиеся традиции Гамильтона, полностью осознавали угрозу своим финансовым интересам со стороны Джефферсона.

Даже в 1930 г. Банк Нью-Йорка имел в своем штате представителей семьи Рузвельтов. В. Эмлен Рузвельт состоял в правлении в 1930 г., равно как и Кливленд Додж, спонсор Вудро Вильсона на президентских выборах (см. ниже), и Аллан Уордвелл – партнер Дж. П. Моргана, сыгравший далеко не последнюю роль в большевистской революции 1917 г. [Antony Sutton, *Wall Street and the Bolshevik Revolution, (New York, Arlington House, 1974)*. Русское издание: Саттон Энтони. Уолл-стрит и большевицкая революция. М. «Русская идея». 1998.]

Второй банк Соединенных Штатов

4 марта 1809 г. в должность президента вступил Джеймс Медисон, – внешне скромный и приятный человек. В 1776 г. Медисон был участником виргинского съезда и членом комитета, вырабатывавшего Конституцию и Билль о правах. В 1787 г. Медисон стал членом делегации Виргинии на филаделфийском съезде и внес конкретные предложения касательно Конституции, составившие так называемый «Виргинский план». Во всех отношениях, Медисона можно назвать «архитектором Конституции». Следовательно, взгляды Медисона на проблему банковских частных монополий можно считать основополагающими. В 1811 г. концессия с Первым банком потеряла силу, и конгресс отказался продлить соглашение по причине несоответствия данного действия Конституции. В своем послании президент Медисон повторил данный тезис и сделал следующий комментарий:

«В целом, ясно, что предложенные учреждения будут:

- пользоваться монополией на получение доходов национального банка в течение двадцати лет;

- что с ростом народонаселения и благосостояния, монополизированные прибыли будут непрерывно увеличиваться;

- что всякий раз, когда благородных металлов будет не хватать, нация в течение этого времени будет зависеть от банковских билетов, а не от металлического средства обращения;

- все время нация будет зависеть от банковских билетов настолько, что вследствие этого они могут стать приемлемой заменой металлическим средствам обращения;

- что экстенсивное использование банкнот в сборе расширенных налогов, кроме того, даст банкам возможность значительно увеличить их (банкнот) выпуск без обеспечения обращения металлическими деньгами.

Понятно, что правительство в обмен на эти исключительные уступки банку должно иметь большее обеспечение в достижении государственных целей данного учреждения, как представлено в этом законопроекте». **[Gaillard Hunt, The Life and Writings of James Madison (New York, Putham's Sons, 1908), vol. 8, p. 327.]**

Война 1812 г. предоставила сторонникам банка возможность выдвинуть очередное обоснование. Бедственное положение экономики, вызванное войной, требовало финансового подкрепления в форме нового национального банка.

Находясь под бременем данных обстоятельств, Палата представителей и Сенат приняли законопроект, позволивший учредить Второй банк Соединенных Штатов. Джеймс Медисон утвердил закон 10 апреля 1816 г.

Глава третья

ЭНДРЮ ДЖЕКСОН ПРОТИВ КЛАНА

В отличие от текущего концессионного договора с Федеральной резервной системой, первый договор со Вторым банком Соединенных Штатов был денонсирован вовремя. Очередная концессия Второму банку Соединенных Штатов, вместо предыдущей, была предоставлена конгрессом в июле 1832 г. Но президент Эндрю Джексон (портрет над заголовком – ред.) безотлагательно наложил вето на законопроект, сопроводив его эмоциональным посланием, представляющим исключительный интерес для истории.

Согласно современной научной оценке, оно является «педантичным, демагогическим и исполненным притворства». **[Bray Hammond, Bank and Politics in America, (Princeton University Press, Princeton, 1957) p. 405. Примечательно, что Принстон, один из старейших университетов Новой Англии, является университетской базой «элиты» и способствует закреплению данного исторического толкования.]** В действительности, читая послание сегодня, можно сказать, что опасения и доводы Эндрю Джексона явились пророчеством для американского народа. В своей первой речи, при вступлении в должность в январе 1832 г., Джексон так изложил свою позицию по поводу банка и пролонгации концессии:

«Срок действия договора с Банком Соединенных Штатов истекает в 1836 г. И по всей вероятности, акционеры обратятся за продлением действия своих привилегий. Я не могу пойти на этот шаг, чтобы избежать пороков, порождаемых поспешностью, в принятии закона, затрагивающего фундаментальные принципы и скрытые финансовые интересы. Я не решусь на это, отдавая должное избирателям и партиям, заинтересованным в слишком скорой передаче документа на рассмотрение законодательной власти и народа.

Соответствие данного закона Конституции полностью поставлено под вопрос, поскольку закон предоставляет акционерам особые привилегии, могущие иметь опасные последствия. Его целесообразность ставится под сомнение большинством наших граждан. И надо полагать, никто не будет отрицать, что он не достиг нашей благородной цели введения единой и крепкой валюты во всей стране». [James A. Hamilton, *Reminiscences*, p. 149.]

Личная точка зрения Эндрю Джексона на проблему Второго банка Соединенных Штатов содержится в меморандуме, собственноручно написанным Джексоном в январе 1832 г. [John Spencer Bassett, ed., *Correspondence of Andrew Jackson*, (Carnegie Institution, Washington, D.C., 1929-32) vol. 4, p. 389]

Его оценка свидетельствует, насколько современное толкование Конституции разнится с идеалами «отцов-основателей». Исходным аргументом Джексона является положение о том, что «верховная власть принадлежит народу и штатам». Далее Джексон говорит о корпорациях, которым собираются даровать властные полномочия, тогда как федеральному правительству никто их специально не предоставлял. И что «никакая верховная власть, если она не предоставлена специально, не может осуществляться как «подразумеваемые полномочия». Ключевым является определение «подразумеваемые полномочия». [**«Подразумеваемые полномочия» – это полномочия правительства, вытекающие из конституции США. Полномочия, которые напрямую предоставлены правительству конституцией США, называются «определенными полномочиями» (перечислены в первых трех статьях конституции).** – Прим. перевод.] В Конституции они не упоминаются.

Затем Джексон утверждает, что в принципе в случае «необходимости» возможно давать привилегии, предоставляющие властные полномочия банкам и корпорациям. Но это должна быть «крайняя необходимость, а отнюдь не принуждение». И потом, в пределах округа Колумбия, конгресс сам по себе обладает подобной суверенной властью. Джексон продолжает:

«Создание государством корпорации и членство в ней несовместимы с властными полномочиями, которыми оно обладает. Создатели (нашей Конституции) были слишком хорошо осведомлены о том пагубном влиянии, которое могущественная денежная монополия оказывала на государство. Цель оказываемого влияния состояла в том, чтобы любым способом, либо закрепленным Конституцией, либо подразумеваемым ей, узаконить это чудовище».

Чрезвычайные трудности и огромная власть бюрократии, с которыми Джексон столкнулся в своей борьбе с «денежной монополией», а также ее влияние, нашли свое отражение в письме к Хью Л. Уайту от 29 апреля 1831 г. (том 4, стр. 271):

«Благородные принципы демократии, которые мы впитали с молоком матери, должно отстаивать федеральное правительство. Они могут быть претворены в жизнь только сплоченным кабинетом министров, работающим для достижения этой цели. Выступления против продления договора с Банком Соединенных Штатов должны приветствоваться. Губительное влияние банковских кругов на нравы людей и конгресс должно восприниматься с бесстрашием...

Думаю, многие в тайне вступили в эти ряды. Из сторонников расширенных прав штатов и приверженцев политики национального возрождения сложно создать кабинет министров, который с готовностью объединился бы со мной в благородной задаче реформирования руководства нашего государства». [John Spencer Basset, ed., *Correspondence of Andrew Jackson*, (Carnegie Institution, Washington, D.C., 1929-32) vol. 4, p. 271. **Джексон не был искусным писателем. Он был больше деятельным и принципиальным человеком. Тем не менее, его точка зрения понятна каждому, умеющему читать.**]

К 1833 г. прения по поводу продления концессии с Банком Соединенных Штатов переросли в конфликт между Эндрю Джексонем и его министром финансов Уильямом Дуэйном. В итоге конфликт привел к отставке министра. Джексон имел виды на изъятие всех государственных депозитов из Банка Соединенных Штатов, принадлежавшего частным лицам. В свою очередь Дуэйн противился инициативе Джексона.

В письме от 26 июня 1833 (том 5, стр. 111) Эндрю Джексон более подробно останавливается на своем требовании об изъятии государственных депозитов из Банка Соединенных Штатов. Он предлагает для их хранения выбрать в каждом городе по банку. Для этой цели были бы предпочтительней государственные банки с хорошей репутацией. Сосредоточение средств в одном банке явилось бы частной монополией.

Письмо сопровождалось приложением, разъяснявшим взгляды Джексона на возможные отношения государства с Банком Соединенных Штатов. Приложение содержало одно откровенное высказывание:

«Создатели (нашей Конституции) были слишком хорошо осведомлены о том пагубном влиянии, которое могущественная денежная монополия оказывала на государство. Цель оказываемого влияния состояла в том, чтобы любым способом, либо закрепленным Конституцией, либо подразумеваемым ей, узаконить это чудовище.

Банковские корпорации – это те же брокеры, только в крупном масштабе. Входило ли в намерение создателей Конституции сделать из нашего государства правительство торговых агентов? Если да, то тогда доходы национальной биржи должны являться благом всего общества, а не прерогативой привилегированной группы крупных капиталистов». [John Spencer Basset, ed., *Correspondence of Andrew Jackson*, (Carnegie Institution, Washington, D.C., 1929-32) vol. 4, p. 92]

В декабре 1831 г. конгресс выступил с ходатайством о пролонгации концессии с банком, и Джексон наложил вето на этот законопроект. Так как Джексон являлся в то время кандидатом на переизбрание, наложенное вето прибавило ему политического веса в глазах избирателей. Общество одобрило действия президента и осудило законопроект как «нецелесообразный и неконституционный».

Это позволило Джексону утверждать, что наложенное вето уже получило общественное одобрение. Поэтому он делал все более смелые заявления: «обязанность банка – вести свои дела так, чтобы оказывать наименьшее давление на денежный рынок».

Джексон припомнил чрезвычайно быстрый рост государственного долга перед банком – за шестнадцать месяцев он вырос на двадцать восемь миллионов долларов, или шестьдесят шесть процентов. Джексон объяснил это так:

«Обстоятельство предоставления займов в огромных объемах не может более отвергаться. Оно, бесспорно, позволило заполучить власть в стране и посредством интриг должников заставить правительство продлить концессию».

Должно быть, это первое и последнее заявление американского президента, раскрывающее суть того, о чем многие сейчас подозревают – некоторые банки (но не все) используют долг как средство сдерживания политиков. Мы не можем подозревать все банкирские дома, поскольку, например, банкам в католических странах не позволено по религиозным соображениям использовать задолженность для оказания давления. Это было бы равносильным ростовщичеству.

Далее Джексон обрисовывает причины своего решения порвать все связи между банком и государством.

«Главный повод для возражения следующий. Банк Соединенных Штатов обладает властными полномочиями, и в таком случае будет иметь намерение потеснить государственные банки, особенно те, которые могут быть выбраны правительством для размещения денежных средств. Таким образом, это приведет к нужде и разорению повсюду в Соединенных Штатах».

Затем Джексон приводит довод, весьма необычный для двадцатого столетия:

«Конституции Соединенных Штатов известна только одна валюта – золото и серебро. Соответственно, данный документ предоставляет конгрессу полномочие контролировать только золото и серебро».

Скорее всего, Эндрю Джексон рассматривал бы деятельность нынешней Федеральной резервной системы – частной банковской монополии, – как противоречащую Конституции. Или же назвал бы ее «финансовым чудовищем» в новом облачении.

Последнее послание президента Эндрю Джексона американскому народу от 4 марта 1837 г. стало, по сути, пророческим. Он открыто предупреждает американских граждан об опасностях, грозящих их свободам и благосостоянию. Это было в последний раз, когда американский президент был еще достаточно независим от власти могущественной элиты. Вот извлечение из этого послания.

«Банк Соединенных Штатов вел настоящую войну против народа с целью принудить его подчиниться своим требованиям. Нужда и смятение, охватившие и взволновавшие тогда всю страну, еще не могут быть забыты. Жестокий и беспощадный характер, который носила эта борьба с целыми городами и селами, люди, доведенные до нищеты, и картина безмятежного процветания, сменившаяся миром мрака и упадка сил, – все это должно на вечные времена остаться в памяти американского народа.

Если это «привилегии» банка в мирное время, то каковыми они будут в случае войны?

Только нация свободных граждан Соединенных Штатов могла выйти победителем из подобного столкновения. Если бы вы не боролись, правительство могло бы перейти из рук большинства в руки меньшинства. И эта организованная финансовая клика путем тайного сговора диктовала бы свой выбор высокопоставленным чиновникам. И, исходя из своих потребностей, принуждала бы вас к войне или миру». [Richardson's Messages, vol. 4, p. 1523.]

В то время, когда Джексон писал эти строки, предназначенные американскому народу, правительство перешло «из рук большинства в руки меньшинства». Более того, меньшинство «путем тайного сговора» уже диктовало свою волю политикам, организовывало подъем и внезапный спад деловой активности, принуждало к войне и миру.

В Соединенных Штатах последним пережитком демократической традиции Джексона были виги – они полностью осознавали всю силу закулисной власти.

По ту сторону Атлантического океана в Англии сторонники Ричарда Кобдена и Джона Брайта пытались вести похожую кампанию за свободу личности. Им это также не удалось.

В то время как Джексон писал свое последнее послание, сочинялись социалистические манифесты. Но, как бы нас не заверяли, не для того, чтобы улучшить участь простого человека. Это было очередное ухищрение элиты с целью заполнить политическую власть.

Глава четвертая

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ КЛИНТОНА РУЗВЕЛЬТА

Со времени последнего обращения Джексона к американскому народу в 1837 г. «меньшинство», то есть властная элита, занимает господствующее положение. Президент Мартин Ван Бурен пытался сломить их силу, но ему это не удалось. Так же, как и Линкольну. Начиная с Линкольна, ни один президент даже и не пытался обуздать влияние элиты.

С одной стороны, ясно, что «денежная монополия» контролирует существующее положение вещей и правящие круги. С другой стороны, «революция возрастающих потребностей», на первый взгляд, организована социалистами, но фактически социализм в теории и на практике создан «денежной монополией», взявшей его под опеку долговыми обязательствами и своей политической мощью.

В этой главе мы рассмотрим американский социалистический манифест, написанный Клинтон Рувельтом в 1841 г., – предтечу «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта. Клинтон Рувельт – один из наименее известных представителей своего рода. Он происходил из семьи Рузвельтов, связанных с Банком Нью-Йорка. Своими социалистическими произведениями этот человек напоминал Рузвельтов XX столетия. Затем в пятой главе мы опишем более известный труд – манифест Карла Маркса, который также финансировался из Соединенных Штатов.

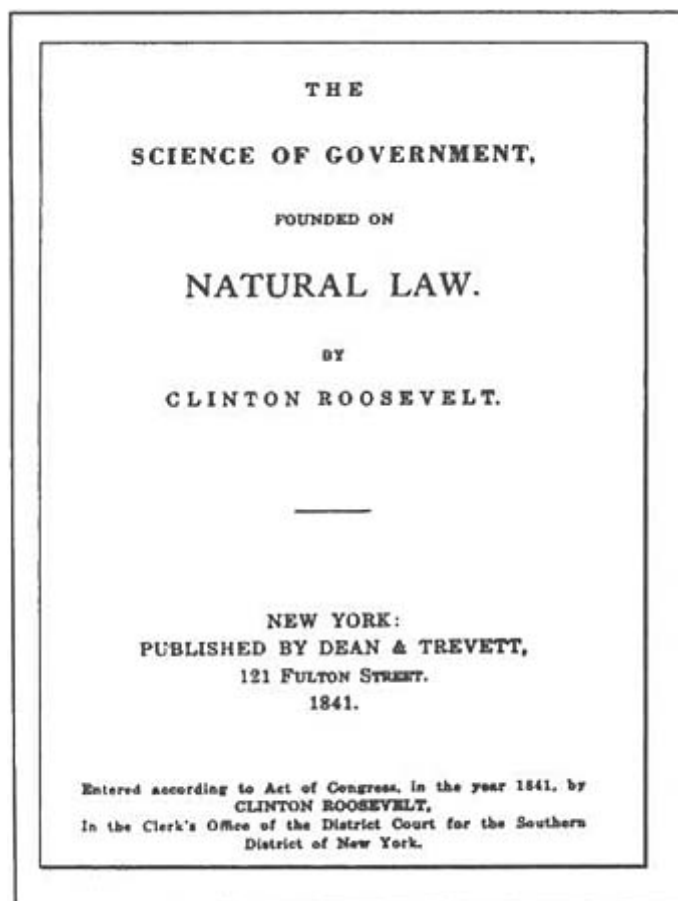
«Денежная монополия» вызывает к жизни и пестует социализм. Давайте рассмотрим данное суждение на примере семьи Рузвельтов, которые были банкирами и социалистами в одном лице.

В то время как одна ветвь Рузвельтов развивала Банк Нью-Йорка и рафинировочную промышленность, другая ветвь семьи значительно продвинулась в реальной политике и в политической философии.

Например, задолго до того как Франклин Делано Рузвельт стал президентом, Джеймс Рузвельт в 1835, 1839 и 1840 гг. был членом законодательного собрания штата Нью-Йорк, членом «Локо-фоко» [**Loco Foco party, Loco-Focos («Спичечная партия») прозвище в годы администрации Э. Джексона радикальной фракции отделения Демократической партии в Нью-Йорке, состоявшей в основном из рабочих и ремесленников. Фракция выступала за отмену бумажных денег, сокращение банковских привилегий и в защиту профсоюзов. Она получила свое прозвище после того, как 29 октября 1835 незаконно продолжила партийное собрание, в то время как ее противники прекратили выступления и покинули зал заседаний, выключив осветительные газовые горелки. Радикалы при помощи фосфорных спичек (loco foco matches) вновь зажгли свет и продолжили заседание.- Прим. перевод.] и отличился тем, что выступил против попыток вигов устранить практику наполнения избирательных урн фальшивыми бюллетенями. [Karl Schriftgiesser, *The Amazing Roosevelt Family, 1613-1942* (New York: Wilfred Funk, 1942) p. 143]**

Рузвельт имел влияние не только внутри правящих кругов Таммани-холл [Штаб демократической партии в Нью-Йорке. – Прим. перевод.], но и (согласно одному биографу) «был, по существу, связным между Таммани-холл и Уолл-стрит. Рузвельт передавал указания банкиров должностным лицам и безжалостным образом навязывал кандидатов на выборах и для назначения на должность». [Karl Schriftgiesser, *The Amazing Roosevelt Family, 1613-1942* (New York: Wilfred Funk, 1942) p. 142. Проверка схем, представленных на страницах xi и xii книги Шрифтгайссера, свидетельствует о том, что Франклин Делано Рузвельт, выступавший на выборах 1932 г. с критикой банковской системы, также напрямую происходит от основателя Банка Нью-Йорка Исаака Рузвельта.]

В 1840-х гг. Джеймс Рузвельт выступал связующим звеном между наиболее влиятельными кругами Таммани-холл и банками Уолл-стрит, в списке которых значился принадлежащий Рузвельтам Банк Нью-Йорка. Клинтон Рузвельт родился в 1804 г. в семье Эльберта Корнелиуса Рузвельта. Именно Клинтон Рузвельт написал социалистический манифест за несколько лет до Маркса, который позаимствовал свой более известный «Манифест Коммунистической партии» у французского социалиста Виктора Консидерана (см. главу пятую).

К. Рузвельт. «Наука управлять»
(Нью-Йорк, 1841)

Данный «трактат» – проект управляемого властной элитой тоталитарного государства, в котором отсутствуют какие-либо права личности. Клинтон Рузвельт был родственником из поколения XIX века Франклина Делано Рузвельта. Информация о данной книге была удалена из каталога Библиотеки конгресса, хотя ранее книга была представлена в издании каталога 1959 г. (примечание автора).

Клинтон Рузвельт был родственником из поколения XIX века Франклина Делано Рузвельта, а также состоял в родстве с президентами Теодором Рузвельтом, Джоном Куинси Адамсом и Мартином Ван Буреном. Единственное литературное произведение Клинтона Рузвельта содержится в редкой брошюре, изданной в 1841 г. [**Clinton Roosevelt, The Science of Government Founded on Natural Law (New York: Dean & Trevett, 1841).** Известно, что существует два экземпляра книги: один – в Библиотеке конгресса, другой – в библиотеке Гарвардского университета. В последнее издание каталога Библиотеки конгресса книга не включена, в то время как она была представлена в нем в 1959 г. (стр. 75). Факсимильное издание было осуществлено Эмануэлем Джозефсоном. См. **Roosevelt's Communist Manifesto (New York: Chedney Press, 1955).**] По существу, это сократическая дискуссия между автором (то есть «меньшинством») и «издателем», символизирующим, возможно, всех нас («большинство»).

Рузвельт предлагает тип тоталитарного государства, примерно схожий со схемой Карла Маркса. В модели Рузвельта личности отводится второстепенная роль по отношению к элитарной аристократической группе (читай – «меньшинству», или авангарду в марксистской терминологии), которая разрабатывает и принимает все законы. Рузвельт для достижения собственных целей требует отказаться от Конституции.

«И. (Издатель): Я снова вопрошаю: хотели бы вы тотчас же отказаться от старых догм Конституции.

А. (Автор): Не в большей степени, если бы мне пришлось отказаться выпрыгнуть за борт тонущего корабля, чтобы спастись. Это наспех сколоченное судно, на котором мы оставили британскую флотилию. А тогда это считалось поступком, исход которого сомнителен и не предрешен». [Clinton Roosevelt, *The Science of Government Founded on Natural Law* (New York: Dean & Trevett, 1841). **Известно, что существует два экземпляра книги: один – в Библиотеке конгресса, другой – в библиотеке Гарвардского университета. В последнее издание каталога Библиотеки конгресса книга не включена, в то время как она была представлена в нем в 1959 г. (стр. 75). Факсимильное издание было осуществлено Эмануэлем Джозефсоном. См. *Roosevelt's Communist Manifesto* (New York: Chedney Press, 1955).]**

Модель Рузвельта основывается «в первую очередь, на искусстве кооперации». По мнению Рузвельта «это позволит использовать общие усилия для взаимной выгоды». Это та самая кооперация (обязанность жертвовать своими усилиями в интересах «меньшинства»), которая проходит красной нитью в произведениях и проповедях социалистов – от Маркса до современной Трехсторонней комиссии. В схеме Рузвельта каждый человек продвигается вверх по специально установленным уровням общественной системы и назначается на должность, к которой он более приспособлен. Выбор должностей строго ограничен. Вот как это описывает Клинтон Рузвельт:

«Кто будет назначать на должности?»

А. Великий Маршал.

И. Кто будет нести ответственность за качество квалификации кандидатов?

А. Суд физиологов, Этики, Фермеры и Механики, подотчетные ему.

И. Будут ли граждан склонять к решениям суда в выборе профессии?

А. Нет. Любой человек с хорошей репутацией методом проб и ошибок сможет подыскать себе вид деятельности, к которому он наиболее расположен». [Clinton Roosevelt, *The Science of Government Founded on Natural Law* (New York: Dean & Trevett, 1841). **Известно, что существует два экземпляра книги: один – в Библиотеке конгресса, другой – в библиотеке Гарвардского университета. В последнее издание каталога Библиотеки конгресса книга не включена, в то время как она была представлена в нем в 1959 г. (стр. 75). Факсимильное издание было осуществлено Эмануэлем Джозефсоном. См. *Roosevelt's Communist Manifesto* (New York: Chedney Press, 1955).]**

Далее у Рузвельта появляется Маршал Созидания, задача которого – уравновесить производство и потребление.

«И. Каковы обязанности Маршала Созидания или Производственного ордена?

А. Определить объем продукции и количество изготовителей, необходимых для устойчивого производства в каждой отрасли. Когда производство наладится, он будет сообщать Великому Маршалу об излишках и дефицитах.

И. Как он будет выявлять перепроизводство или дефицит?

А. Всевозможные торговцы будут докладывать ему о спросе и предложении в каждой отрасли коммерции, что будет показано ниже.

И. Насколько я понимаю, в руках у Производственного ордена находятся изготовители, торговля и земледелие. Тогда каковыми будут обязанности Маршала Земледелия?

А. Он должен будет контролировать четыре региона. В противном случае внешняя торговля будет обязана восполнить дефицит.

И. Что за четыре региона?

А. Регион с умеренным климатом, теплый, жаркий и морской регионы.

И. На каком основании вы подразделяете их таким образом?

А. Сельскохозяйственная продукция данных областей требует различных методов возделывания и должным образом удовлетворяет разные потребности». [Clinton Roosevelt, *The Science of Government Founded on Natural Law* (New York: Dean & Trevett, 1841). **Известно, что существует два экземпляра книги: один – в Библиотеке конгресса, другой – в библиотеке Гарвардского университета. В последнее издание каталога Библиотеки конгресса книга не включена, в то время как она была представлена в нем в 1959 г. (стр. 75). Факсимильное издание было осуществлено Эмануэлем Джозефсоном. См. Roosevelt's Communist Manifesto (New York: Chedney Press, 1955).]**

Через семьдесят пять лет в 1915 г. президент Вудро Вильсон поручил Бернарду Баруху разработать план создания комитета по оборонительной мобилизации. Впоследствии комитет Баруха был преобразован в Военно-промышленное управление **[Государственный орган, созданный в июле 1917. Был призван координировать снабжение вооруженных сил США и союзников, развитие военного производства, изыскание и распределение материальных ресурсов, рабочей силы и т.д. В марте 1918 его возглавил Б. Барух. Управление было расформировано после окончания первой мировой войны. – Прим. перевод.]**, которое заменило Генеральный совет военного снабжения. По своей структуре Военно-промышленное управление напоминало модель, описанную Клинтоном Рузвельтом в 1841 г., а также кооперативные торговые организации. Последние являлись долгожданным подарком для Уоллстрит, позволявшим контролировать нежелательные

строгие меры конкуренции на рынке. Промышленные комитеты, большой и малый бизнес не только были представлены в Вашингтоне, но и вместе с Вашингтоном образовывали единое целое – главную опору всей структуры.

К марту 1918 г. президент Вильсон в обход конгресса наделил Баруха большей властью, чем кто-либо имел за всю историю Соединенных Штатов. Военно-промышленное управление под председательством Баруха отвечало за строительство всех заводов, за все сырьевое и материальное снабжение, а также транспортное обеспечение. Принятие всех окончательных решений было возложено также на председателя Баруха.

Военно-промышленное управление являлось предшественником Управления национального восстановления, созданного в 1933 г. Некоторым чиновникам Военно-промышленного управления образца 1918 г., назначенным Барухом – Хью Джонсон, например – нашлось место и в Управлении национального восстановления Рузвельта. «Новый курс» Франклина Рузвельта, фактически написанный Джерардом Своупом **[Дж. Своуп (Swop) (1872-1960) был президентом «Дженерал электрик». В период Великой депрессии 1929-1933 разработал антикризисную программу, известную как «план Своупа». Данный проект лег в основу деятельности Управления национального восстановления, созданного президентом Ф. Рузвельтом. – Прим, перевод.]** из «Дженерал электрик», выказывает удивительное сходство со схемой, предложенной Клинтоном Рузвельтом в 1841.

Глава пятая

МАНИФЕСТ КАРЛА МАРКСА

Современное государство всеобщего благоденствия, которое мы имеем здесь в Соединенных Штатах, обнаруживает удивительное сходство с моделью, описанной в «Манифесте Коммунистической партии». Предположительно «Манифест» написан Карлом Марксом в 1848 г. Десять пунктов «Манифеста» – это программа по свержению среднего класса, или буржуазии (некрупных капиталистов). Программа была претворена в жизнь следующими друг за другом демократическими и республиканскими правительствами, начиная с кабинета президента Вудро Вильсона. Программа осуществлялась под водительством бессменной властной элиты.

Заклятым врагом Маркса был средний слой общества, или буржуазия. Маркс предлагал экспроприировать имущество у среднего класса путем революции, организованной так называемым рабочим классом, или пролетариатом. К несчастью для Маркса, рабочий класс никогда не тяготел к бунтарству. В действительности, любая коммунистическая революция – дело рук горстки коммунистов. Но может ли власть быть захвачена столь небольшой группой сподвижников? Ответом будет «да», поскольку коммунисты всегда пользовались поддержкой так называемого правящего класса – капиталистов и банкиров. Эта поддержка последовательно оказывалась как Марксу в 1848 г., так и революционерам XX века в Центральной Америке, Анголе и Мозамбике, когда американская администрация находилась под влиянием Дейвида Рокфеллера.

Начнем с «Манифеста» 1848 г. Маркс предлагал экспроприировать имущество среднего класса:

«Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства». [1. **Ryazinsky, Communist Manifesto, (New York: Russell & Russell, Inc., 1963) p. 52**]

Для реализации «деспотического вмешательства в право собственности» среднего класса, Маркс предлагает программу «мероприятий» из десяти пунктов:

«Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах. Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог. [**Здесь Маркс имеет в виду прогрессивный подоходный налог. В СССР он был введен декретом от 16 ноября 1922 под общим названием подоходно-поимущественного налога, который в 1924 был преобразован в подоходный налог. – Прим. перевод.]**
3. Отмена права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т.д.». [Op. Cit.]

Как мы увидим далее, десять пунктов Маркса, направленных на ликвидацию среднего класса, почти реализованы в Соединенных Штатах. Например, шестнадцатая по-

правка к Конституции США (подходный налог) отражает архаичную политическую концепцию, берущую свое начало во втором тысячелетии до н. э. в Древнем Египте.

Фараоны и их высокопоставленные советники исходили из того, что предприниматели, торговцы и рабочие Египта, производившие материальные ценности, почему-то не были компетентны в вопросе распоряжения производимыми ценностями.

Фараон и высокопоставленные советники размышляли примерно так: «Послушайте, мы лучше вас знаем, что вам делать. Мы принудим вас к этому. Поскольку мы все же всемогущи, мы смотрим на всех вас сверху, и мы решаем, что благо, а что нет. Это гораздо лучше, нежели каждый из вас будет сам определять свою судьбу. Мы склоним вас к государственной программе пенсионного обеспечения по старости. Поэтому, когда вы достигнете пенсионного возраста, вы сможете уйти на заслуженный отдых. Мы знаем, как вам поступать. Мы принудим вас к этому. Поскольку мы осознаем, насколько вы беспомощны. Мы склоним вас к государственной программе складского хранения продовольствия. Мы будем запасать зерно в закромах родины, поскольку мы отдаем отчет тому, что вы неспособны хранить продовольствие самостоятельно».

«Более того, вы не в состоянии заботиться о своем здоровье. Мы понимаем насколько важно здоровье, но ведь у вас нет возможности следить за ним. И потому мы предложим вам программу по здравоохранению. Мы навяжем вам ее в ваших же интересах».

Способ, которым достигались все эти цели, заключался в отчуждении пятой части продукции всего Египта. Если вспомнить Ветхий Завет, то там сказано, «что фараон решил брать пятую часть от всех благ Египта и наполнять этим добром амбары во имя всеобщего благоденствия».

Современным поборником философских воззрений фараонов является не кто иной, как Карл Маркс со своим «Манифестом Коммунистической партии». «Манифест» стал самым важным экономическим документом двадцатого столетия. Его важность заключается в том нелицеприятном факте, что «Манифест» – это путеводная звезда в дебрях экономики для нашего политического руководства. А также для исполнительной власти и, в большинстве случаев, для руководства обеих партий, которые поддерживают и претворяют в жизнь «мероприятия», предложенные Марксом.

«Манифест» гласит, что если осуществить все десять пунктов в любой свободной формации с рыночной экономикой, то «капитализм» будет разрушен, а на его руинах возникнет коммунистическое государство. Вот что писал об этом Маркс:

«Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс, то в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения».

Вторым пунктом в «Манифесте» значится высокий прогрессивный налог. В Соединенных Штатах он был утвержден шестнадцатой поправкой к Конституции – законом страны в нашем государстве с 1913 г.

Впоследствии в этом же году был принят закон о Федеральной резервной системе. Весьма примечательно, что основная идея данного нормативного акта отражена в «Манифесте» Маркса в пункте пятом: «Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией».

Другими словами, Маркс предложил схему резервной центральной банковской системы, которая напоминает структуру Первого банка Соединенных Штатов, общие принципы закона о Федеральной резервной системе, а также модель ранних европейских центральных банков.

Карл Маркс как плагиатор

Маркс был выдающимся человеком. Он вовсе не был глупцом. Маркс понимал, что если небольшая группа людей завладеет предложением денег и институтом кредитно-банковских учреждений государства, то она единолично сможет управлять циклом «бум – спад» экономики этого государства.

Сформировав определенным образом экономическую и денежно-кредитную политику, возможно перемещать миллиарды долларов от одной группы к другой, от среднего класса к правящей верхушке, от жертвы к хищнику. Для претворения вышеизложенного в жизнь необходимо пропагандистское прикрытие, и в середине XIX столетия им выступил памфлет Маркса.

Наиболее примечательной особенностью немногословного «Манифеста», не берущейся почти всеми исследователями во внимание, является то, что Маркс нигде не высказывается положительно о рабочем классе, не говоря уже о среднем слое общества, который, по мнению Маркса, должен быть ликвидирован.

«Манифест» – это план по установлению окончательного господства членов элиты. Маркс потворствует захвату политической и экономической властей данной группой людей. К тому же, если взглянуть на источник финансовой помощи, оказанной Марксу, то станет ясно, что выгодность «мероприятий» была очевидна для элиты еще в 1840-х гг. XIX столетия.

Как мы увидим далее, Маркс был материально поддержан в своей цели написания манифеста. Более того, основные положения «Манифеста» заимствованы из «Принципов социализма» малоизвестного французского социалиста Виктора Консидерана, опубликованных в 1843 г. (в оригинале «Principes du Socialisme: Manifeste de la Democratie au dix Neuvieme Siecle»). Второе издание работы Консидерана было опубликовано в Париже в 1847 г. – за год до публикации «Манифеста Коммунистической партии» и как раз в то время, когда Марк и Энгельс проживали в Париже.

Факт плагиата был установлен малоизвестным писателем В. Черкесовым и подробно расписан в его «Страницах социалистической истории» (Cooper, New York, 1902). Вот небольшое извлечение:

«Я был, мягко выражаясь, изумлен и даже уничижен, когда около года назад имел возможность ознакомиться с работой Виктора Консидерана «Принципы социализма: манифест демократии девятнадцатого столетия», написанной в 1843 г. и изданной во второй раз в 1847 г. И на то были основания. В брошюре, состоящей из 143-х страниц, Виктор Консидеран с присущей ему непринужденностью подробно излагает основы марксизма, этого «научного» социализма, который парламентарии желают навязать всему миру.

Строго говоря, теоретическая часть, где Консидеран рассматривает основополагающие вопросы, не превышает первые пятьдесят страниц. Остальные страницы посвящены судебному преследованию журнала фурийеристов «La Democratique pacifique» со стороны правительства Луи Филиппа – журнал был запрещен присяжными заседателями Сены. Но на этих пятидесяти страницах известный фурийерист, как истинный знаток своего дела, приводит множество глубоких, ясных и блестящих обобщений. И даже ничтожная выборка его идей исчерпывающе раскрывает все марксистские законы и теории, включая концентрацию капитала и все принципы «Манифеста Коммунистической партии». Таким образом, вся теоретическая часть, заключенная в первые две главы, которые Энгельс именовал как «в конечном счете, не теряющие своей актуальности никогда», попросту заимствована. «Манифест Коммунистической партии», эта библия революционной демократии, – крайне бездарное изложение отрывков из «Принципов социализма» Консидерана. Более того, подражатели Консидерана умудрились сохранить структуру и названия глав его работы в «Манифесте Коммунистической партии».

Параграф два во второй главе «Принципов социализма» Консидерана озаглавлен как «Современное положение и '89; буржуа и пролетарии». «Буржуа и пролетарии» – это название первой главы «Манифеста» Маркса и Энгельса.

В главе под названием «Демократия» Консидеран рассматривает различные социалистические и революционные партии. Параграфы данной главы имеют следующие названия.

Консервативная демократия; Реакционная демократия;

Социалистическая партия при реакционной демократии.

У Маркса и Энгельса находим следующее.

Реакционный социализм;

Консервативный, или буржуазный, социализм;

Критически-утопический социализм и коммунизм.

И после этого вы скажете, что все это отнюдь не подражание? Сравнивая содержание манифестов, понимаешь, что они полностью тождественны». [W. Tcherkesoff, *Pages of Socialist History*, p. 56]

Строка за строкой, Черкесов разоблачает Маркса и показывает, что он обычный вор. Великий и обожаемый Маркс на поверку оказался не более чем трюачником!

Никто не оспаривает того огромного влияния, которое Карл Маркс и Фридрих Энгельс оказали на мировую историю. Но в то же время деланное естество марксизма всегда скрывалось.

А как насчет соратника Маркса Фридриха Энгельса? Лживость творений Энгельса документально обоснована в предисловии к «Положению рабочего класса в Англии» Гендерсона и Чалонера (W. O. Henderson, W. H. Chaloner, *Condition of the Working Class in England*, Basil Blackwell, Oxford, 1958).

Еще в 1848 г. Бруно Гильдебранд обстоятельно сформулировал доводы против книги Энгельса и, в частности, его пристрастного толкования отчетов правительства Великобритании. Энгельс желал доказать свою правоту, поэтому извратил факты. Кстати, Гендерсон и Чалонер указывают на то, что «Энгельс временами использовал свое пылкое воображение вместо фактов». Например, на странице 118 работы Гендерсона мы находим следующее:

«В свидетельском показании перед парламентом коронер Ноттингема утверждал, что один аптекарь допустил использование тринадцати центнеров **[В Великобритании один центнер равен 50,8 кг. – Прим. перевод.]** патоки в год в производстве «Godfrey's Cordial». **[Кордиал – тип спиртного напитка, сладкий ароматный ликер, вырабатываемый путем смешивания или мацерации алкоголя с фруктами. – Прим. перевод.]** Но в 1887 г. Энгельс писал, что «для приготовления «Godfrey's Cordial» использовалось тринадцать центнеров настойки опия в год».

Естественно, настойка опия сильно отличается от патоки. Скрытый умысел заключается в том, что, по мнению Энгельса, дети рабочих косвенно подвергались воздействию наркотика.

Благотетели Маркса

Откуда у Карла Маркса были средства? На что он существовал? Проведя изыскание, мы обнаруживаем, что средства поступали из четырех основных источников, и все четыре источника были связаны с властной элитой Германии и Соединенных Штатов.

Каналом финансирования публикации «Манифеста» был не кто иной, как луизианский пират Жан Лаффит. Среди его подвигов можно выделить шпионаж в пользу Испании и агентурную работу на группу американских банкиров.

Сведения о данной махинации не принимаются во внимание современными историками, хотя документы, подлинность которых засвидетельствована Библиотекой конгресса и другими источниками, доступны уже около тридцати лет.

Познавательно, что первые исследователи, сообщившие о данном источнике финансирования Маркса, были франкоязычными! Замечательная история дружбы Карла Маркса с Жаном Лаффитом – пиратом, содействовавшим изданию «Манифеста Коммунистической партии», – описана в книге Жоржа Блонда «Histoire de la Filibuste». Как эти данные попали к Блонду? В оригинале они содержатся в двух книгах, изданных частным образом Стэнли Клисби Артуром в Новом Орлеане. Книги называются «Жан Лаффит – господин Морской Разбойник» и «Дневник Жана Лаффита». Они содержат оригиналы документов, описывающих встречи Маркса с Лаффитом, а также способ, выбранный для финансирования издания «Манифеста».

Если полистать современную «Британскую энциклопедию», то можно обнаружить, что Жан Лаффит скончался в 1823 г. и поэтому не мог встречаться с Марксом в 1847 и 1848 гг. К несчастью, по данному вопросу «Британская энциклопедия» содержит недостоверные данные, как и во многих иных случаях. Лаффит ушел в подполье около 1820 г. и прожил долгую и увлекательную жизнь тайного посыльного американских банкиров и предпринимателей.

Подпольная и агентурная деятельности Лаффита отражены в его дневнике:

«Мы наняли четверых человек в качестве тайных сотрудников. Их обязанностью было подслушивать относящиеся к делу разговоры и доносить о них. Также они должны были устно сообщать о любых новых происшествиях. Мы полностью справлялись с тайными поручениями. Мы имели только два корабля, зафрахтованных на основании неофициального соглашения с банковскими кругами Филадельфии. Мы решили дать клятву никогда не посещать таверны и не путешествовать одним и тем же маршрутом дважды, так же как и никогда не возвращаться в Луизиану, Техас или Кубу, или в любую другую испано-говорящую область». **[The Journal of Jean Laffite (The Pirateer-Patriot's own story) (Vantage Press, New York, 1958) p. 126]**

В этом же дневнике мы находим следующую заметку от 24 апреля 1848 г.:

«Мои встречи были короткими, но плодотворными. В Париже я жил дома у господина Луи Бертильона и реже в гостиницах. Я встречал господ Мишеля Шевреля, Луи Брайля, Огюстена Тьерри, Алексиса Токвиля, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Дагера и многих других». **[Op. Cit. p. 132-33]**

Далее Лаффит приводит нечто потрясающее:

«Никто не знал истинных причин моего пребывания в Европе. Я открыл счет в парижском банке – кредит на хранении для финансирования двух молодых людей: господ Маркса и Энгельса. Им нужно было помочь в осуществлении революции рабочих во всем мире. Они сейчас над ней работают». **[Op. Cit. p. 132-33]**

Все что и требовалось доказать. Жан Лаффит был доверенным лицом американских банковских кругов и получил указание оказать содействие в издании «Манифеста». В «Дневнике» читатель обнаружит и другие известные имена, такие как Дюпон, Пибоди, Линкольн и так далее.

Будучи в Брюсселе Жан Лаффит написал письмо своему другу художнику де Франку, проживавшему в городе Сент-Луисе штата Миссури. В нем он подробно изложил о финансовой помощи, оказанной Марксу. Вот перевод письма от 29 сентября 1847 г.:

«Из Брюсселя я отбываю в Париж. Через три или четыре недели я прибуду в Амстердам, а оттуда возьму курс на Америку. Я достаточно пообщался с господами Марксом и Энгельсом, хотя отказался принимать участие в конференциях по составлению манифеста. Я не хочу присоединяться к их дебатам.

Господин Энгельс собирается вместе со мной в Париж. Таким образом, я заблаговременно смогу подготовить календарный план по финансированию господ Маркса и Энгельса. Они смогут возобновить работу над рукописью «Капитала и труда». С самого начала мне казалось, что двое молодых людей талантливы и наделены незаурядным умом. И я твердо в этом убежден. Это подтверждается анализом статистики в открытии «La Categorical du Capital», стоимости, цены и прибыли.

Они вторглись в темный век безудержной эксплуатации человека человеком. Они показывают, что эксплуатация является корнем всего зла – от крепостного, этого феодального раба, до наемного раба. Понадобились многие годы, чтобы подготовить «Манифест для рабочих мира». На этом пути возникали продолжительные прения между двумя молодыми людьми и их сторонниками из Берлина, Амстердама, Парижа и даже из Шведской Республики.

Я прихожу в восторг, когда думаю о манифесте, а также других перспективах на будущее. Я помогаю этим двум молодым людям искренне. Я надеюсь, что их планы воплотятся в целостную доктрину, которая сокрушит основы светских династий и предаст последние пожиранию низшими массами. И я молюсь на это.

Господин Маркс предупреждает меня, чтобы я не носился с манифестом по всей Америке, поскольку нечто подобное будет отдельно предназначено для Нью-Йорка. Но я надеюсь, что Джин и Гарри покажут манифест господину Джошуа Спиду, а тот, в свою очередь, – господину Линкольну. Если бы представилась подобная возможность, думаю, ничего особенного не случилось. Одобрение манифеста в Вашингтоне было бы свидетельством того, что путь, по которому я следую, согласуется с политикой, проводимой ныне в Республике Техас.

Господин Маркс одобрил несколько моих текстов о коммунах, которые я был вынужден оставить некоторое время тому назад. В текстах соизмеряются правила и нормы, не обремененные строгим обоснованием. Своеобразная утопия, наивная и незамысловатая, без предисловия и содержания, без наглядных примеров. Со своими утопическими мечтаниями молодости как я сегодня похож на этих двух молодых людей.

Пожертвование было сделано для того, чтобы сохранить великую рукопись и ее содержание. Она написана не для властей, эксплуатирующих и подавляющих, а для того, чтобы остаться в вечности.

О! Я в смятении; я достиг соглашения по поводу злоупотреблений, имевших место во второй половине того года, когда дьявол был искоренен и полностью уничтожен. Я описал свою вторую коммуну, которую я вынужден был распустить и оставить 3 мар-

та 1821 г. Тогда я принял решение отказаться от этой затеи, но не менять своих убеждений. Я больше не помогаю тем, кто противостоит моим взглядам.

Я должен закругляться. Я привезу несколько рукописей и манифест. Я надеюсь, что Джулз и Гленн успевают в школе. Я знаю, что их учителя мисс Винг и мисс Бургесс достаточно терпеливы. Гленн не так силен, как Джулз». [From the translation in Stanley C. Arthur's *Jean Laffite, Gentleman Rover (Harmanson, New Orleans, 1952) pp. 262 and 265*]

Вторым источником финансирования Карла Маркса из Америки был редактор «Нью-Йорк Трибьюн» Чарльз Андерсон Дана. Газета принадлежала Хорасу Грили. Оба, как Дана, так и Грили, были связаны с Клинтонем Рузвельтом и его манифестом, призывавшим к построению авторитарного государства (мы касались этой темы в третьей главе). Дана привлек Маркса к написанию статей для «Нью-Йорк Трибьюн». В промежутке с 1851 по 1861 гг. было опубликовано пятьсот работ Маркса.

В Германии основным источником финансирования Маркса являлся его коллега Фридрих Энгельс. Энгельс был сыном состоятельного хлопчатобумажного фабриканта из Бремена, субсидировавшего Маркса многие годы.

Еще более впечатляет факт финансирования Маркса со стороны прусской элиты. Карл Маркс женился на Женни фон Вестфален. Брат Женни барон Фердинанд фон Вестфален был министром внутренних дел Пруссии, надзиравшим полицейский департамент. Как известно, Карл находился под «наблюдением» данного департамента.

Иными словами, шурин Маркса отвечал за расследование подрывной деятельности, в то время как на протяжении многих лет семья фон Вестфаленов материально поддерживала Маркса. В течение сорока лет услуги служанки Маркса Демут оплачивались семьей фон Вестфаленов. Более того, Демут была нанята лично баронессой Каролиной фон Вестфален. Два эссе из ранних работ Маркса в действительности были написаны в поместье фон Вестфаленов в Кройцнах. А средства от поместья были завещаны Марксу.

Одним словом, «Манифест» и иные работы Маркса были потребны как американским банкирам, так и немецкой аристократии. Для каких целей элита финансировала Маркса? Цель одна – всей мощью марксистской философской канонады обрушиться на средний класс и таким образом добиться господства элиты. Марксизм – это средство для упрочения власти элитой. Он не ставит своей задачей облегчить страдание бедных или способствовать прогрессу человечества. Это всего лишь план элиты, как та утопия, «наивная и незамысловатая».

Глава шестая

АВРААМ ЛИНКОЛЬН БРОСАЕТ ВЫЗОВ БАНКИРАМ

Авраам Линкольн был последним из плеяды старомодно-радикальных президентов, стоявших на позициях конфронтации с денежной монополией. Придя к власти, Лин-

кольтн и его правительство столкнулись с тяжелым бременем финансирования Гражданской войны в условиях нахождения денежно-кредитной системы в частных руках. Во время Гражданской войны правительство Союза испытывало трудности, связанные с мобилизацией необходимых денежных сумм для содержания войск, наблюдался дефицит металлических денег, а частная банковская система не желала идти на встречу нуждам Армии Союза.

Линкольн придерживался традиции президентов Джефферсона и Джексона. Он выступал за сохранение права на эмиссию валюты у федерального правительства, а также отвергал возможность законной передачи данной привилегии частной монополии. В 1862 г. Линкольн представил на рассмотрение в конгресс законопроект, позволявший банкнотам Соединенных Штатов стать законным платежным средством и таким образом предоставить федеральному правительству право печатать бумажные деньги в количестве, необходимом для обеспечения военных действий. По-видимому, Линкольн не предвидел инфляционный потенциал в расширении покупательной способности правительства. Его финансовая программа была нацелена на возмещение долгов и государственных расходов, а также на ограничение доступа частной денежной монополии к казне.

К сожалению, министр финансов Линкольна Самуэль Портленд Чейз был ставленником банковских кругов. Во время Гражданской войны Чейз поддерживал денежно-кредитную политику Линкольна, но позже он выступил в конгрессе с законодательной инициативой, отвечавшей интересам банковских кругов. Подобным образом сенатор Джон Шерман, курировавший в Сенате принятие финансового законодательства, предоставил денежной монополии даже еще большие полномочия (в добавок к имевшимся) путем содействия прохождению закона о национальном банке.

Законопроект Линкольна о законном платежном средстве слушался 25 февраля 1862 г. Он предполагал выпуск ста пятидесяти миллионов долларов в виде казначейских билетов Соединенных Штатов. Тогда министр финансов Чейз прокомментировал это следующим образом:

«Я испытываю отвращение от одной только мысли, что мы пустим в обращение что-либо кроме монеты, этого законного средства платежа. Но в данный момент вследствие крупных затрат, вызванных войной, невозможно покрыть наши расходы одной только монетой. Назрела необходимость прибегнуть к выпуску банкнот Соединенных Штатов». [**Letter from Secretary of the Treasury Chase to Elbridge, G. Spaulding, January 29, 1862. Quoted in American Nation History Series, 1861-1863 by Hosmer, vol. 20, pg. 169.**]

Сенатор от Огайо Джон Шерман отстаивал данный закон подобным же способом, исходя из соображения, что «с экономической точки зрения нет иного пути снабжения войск и удовлетворения справедливых требований».

Тем не менее, против данного законопроекта выступили банковские круги Нью-Йорка. А точка зрения сенатора Джона Шермана, как мы увидим далее, не отражала его истинного намерения. (Подобная ситуация имела место в 1913 г., когда сенатор Оуэн и конгрессмен Гласе на деле изменили свою позицию относительно закона о

Федеральной резервной системе, представленную до этого обществу в совершенно ином свете).

Идея о национальной валюте была подвергнута нападкам со стороны банковских кругов, поскольку право на эмиссию было бы отнято у этого финансового клана. Банкирские дома лишились бы статьи дохода в виде эффективного субститута денег (согласно Конституции, деньги – это золото и серебро). **[Субститут денег, или квазиденьги (реже «почти-деньги») – активы, которые условно являются частью денежной массы. Действительно, из Конституции США вытекает, что банкноты и банковские депозиты можно рассматривать как субститут денег, но в современной экономике ими являются недостаточно ликвидные активы, например срочные депозиты частного сектора. Стоит отметить, что пластиковые карточки и чеки не являются деньгами. – Прим. перевод.]**

Банкиры добивались от правительства уступки права на эмиссию бумажных денег, то есть ставили перед собой задачу действовать в качестве посредников Федерального правительства. В таком случае правительство Соединенных Штатов выступало бы в качестве бессрочного заемщика частной денежной монополии, получившей право ссужать государству от самого же государства. Следовательно, банковские круги, находясь под прицелом Конституции, вынуждены были наступать осмотрительно.

Предложением Клинтона Рузвельта (Банк Нью-Йорка) было ликвидировать Конституцию. Аналогию подобной постановке вопроса мы находим во второй половине XX века, когда руководство Трехсторонней комиссии заявило, что Конституция устарела.

Кроме того, общественность сама по себе, не вникая в Конституцию, вряд ли бы согласилась на частную денежную монополию. Естественно, при условии, что общественность вовремя бы поставили в известность. Со времени Джефферсона и до 1990-х гг. любое публичное обсуждение проблемы частной денежной монополии немедленно подавляется. Нет ничего более опасного для господствующего класса, чем общественное разоблачение и огласка частнособственнической природы контроля над денежной массой.

В 1860-х гг. XIX столетия банкирские дома требовали от государства выпуска процентных облигаций. Данные облигации должны были использоваться как основа для банковского кредита. Пока Линкольн проталкивал свой законопроект, банкиры работали над проектом, воплотившимся в 1863 г. в закон о национальном банке.

Закон о национальном банке подразумевал передачу банкирским домам полномочий по выпуску бумажных денег. Данная монополия могла быть использована для извлечения прибыли, а в условиях военных действий прибыль должна была быть более чем значительной. Разногласие между Линкольном и финансовой элитой состояло в том, кому выпускать средство обмена (конвертируемые банкноты и необратимые кроссированные чеки) – частной монополии или государству.

Другими словами, вопрос заключался в том, кто кому должен подчиняться – государство банковской элите, либо банковская элита государству? В последнем случае, при

условии, что конгресс придерживается буквы закона, банковская элита зависит, в конечном счете, от власти народа.

Двурушничество всех этих «известных» и «уважаемых» политиков ярко продемонстрировано в исключительном по содержанию письме сенатора Джона Шермана братьям Ротшильдам **[Финансовая династия Ротшильдов не является историческим реликтом. Банковское дело Натана в Лондоне и Джеймса в Париже процветает до сих пор. Династия владеет «Societe Financiere» в Париже и «Rothschild Bank» в Цюрихе, самым влиятельным частным банком в Лондоне и «Bank Brivee S. A.» в Женеве. После национализации крупнейшего ротшильдовского железнодорожного комплекса «Diu Nord» семейство получило в качестве компенсации крупный пакет французских государственных акций. В их руках крупнейший горнодобывающий комплекс «Le Nickel», а в нефтяном тресте «Shell» и в алмазном «De Beers» мощно представлены их интересы. Ротшильды создали «USA Rothschild group» с целью влиять на финансовую обстановку в США. – Прим. перевод.]**, проживавшим в Лондоне. Письмо датировано 25-м июня 1863 г. На Уолл-стрит о нем стало известно в этом же году.

Шерману подвернулась возможность угодничеством добиться расположения сильных мира сего. Он лично дал знать о своей идее представителям международных банковских домов – идее, нашедшей прямое отражение в законе о национальном банке.

Далее мы воспроизводим текст письма братьев Ротшильдов (Лондон) Иклекеймеру, Мортону и Вандергульду (Уолл-стрит, Нью-Йорк). Письмо подтверждает получение послания Шермана и передает его содержание. Банкиры с Уолл-стрит ответили братьям Ротшильдам 6 июля 1863 г. В своем письме они изложили подробности относительно закона о национальном банке и некоторые черты характера сенатора Джона Шермана.

«Лондон, 25 июня 1863 г.
Господам Иклекеймеру, Мортону и Вандергульду
№3, Уолл-стрит,
Нью-Йорк, США

Уважаемые господа!

Господин Джон Шерман написал нам из городка в Огайо, США о прибыли, которую можно извлечь из деятельности национального банка в результате принятия вашим конгрессом нужного закона. Копия данного закона прилагается в нашем письме.

Данный закон был составлен на основе плана, сформулированного Ассоциацией банкиров Великобритании и рекомендованного ею же нашим американским друзьям. Если закон будет принят, он принесет колоссальные прибыли банковскому братству по всему миру.

Господин Шерман сообщает, что в случае принятия закона, капиталистам впервые представится возможность сосредоточить в своих руках огромные ресурсы. Закон передает национальному банку практически полный контроль над внутренними фи-

нансами. «Меньшинство, которое понимает суть данного строя, – пишет он, – либо будет настолько заинтересовано в доходах, либо настолько зависимо от своих покровителей, что не будет являться какой-либо угрозой. С другой стороны, подавляющая часть людей, неспособных понять своим умом, что капитал извлекает огромные прибыли из системы, будет молча нести свою ношу, даже не подозревая, что система безразлична к их нуждам».

Ваши навеки,

Братья Ротшильды» [John R. Elson, *Lighting Over the Treasury Building (or an expose of our banking and currency monstrosity, America's most reprehensible and un-American racket)*, (Boston: Meador Publishing CO., 1941), pp., 51-52.]

«Нью-Йорк

6 июля 1863 г.

Господам братьям Ротшильдам

Лондон, Англия

Уважаемые господа!

Имеем честь подтвердить получение Вашего письма от 25 июня, в котором вы ссылаетесь на послание, полученное от почтенного Джона Шермана из Огайо, а также на те прибыли, которые сулят нам положения закона о национальном банке. Господин Шерман обладает чертами характера в значительной степени свойственными преуспевающему финансисту. В каком бы расположении духа он ни был, он никогда не упустит возможности поживиться.

Он молод, расчетлив и честолюбив. Он нацелен на пост президента Соединенных Штатов и уже является членом конгресса (к тому же он испытывает желание разбогатеть). Он справедливо полагает, что в состоянии заполучить многое, если будет связан дружескими отношениями с представителями крупных финансовых кругов. Последние временами неразборчивы в своих методах, касающихся как получения содействия со стороны государства, так и защиты собственных интересов от посягательства недружественных законодателей.

Что касается организации национального банка, а также специфики и доходности подобного капиталовложения, то мы имеем честь отослать вас к нашим печатным циркулярам, приложенным здесь:

«Любое количество лиц в составе не менее пяти человек может организовать национальное объединение банков.

Национальный банк не может обладать капиталом меньше миллиона долларов, за исключением банков, расположенных в городах с населением в шесть и менее тысяч человек.

Они являются частными акционерными обществами и учреждаются для частной выгоды. Самостоятельно подбирают служащих и рабочих. Они неподконтрольны законам штатов, кроме как в случаях, обусловленных постановлениями конгресса. Они

могут получать вклады и ссужать их исходя из собственных интересов. Они вправе покупать и продавать облигации, учитывать ценные бумаги и заниматься обычной банковской деятельностью. Для того чтобы национальный банк с капиталом в один миллион долларов начал работать, необходимо на эквивалентную сумму (номинальную стоимость) приобрести государственные облигации Соединенных Штатов. Государственные облигации Соединенных Штатов в данный момент могут быть приобретены со скидкой в 50%. Таким образом, для банка с капиталом в один миллион долларов потребуется вложение только пятисот тысяч долларов.

Данные облигации должны быть отданы на хранение в государственное казначейство Соединенных Штатов в Вашингтоне. Они будут выступать обеспечением валюты национального банка, предоставленным банку государством.

Правительство Соединенных Штатов будет выплачивать по облигациям шесть процентов золотом раз в полгода. Следовательно, прирост капиталовложения составит двенадцать процентов золотом в год.

В силу данного обеспечения (в виде депонированных казначейских облигаций), правительство Соединенных Штатов будет предоставлять банку, имеющему на своем хранении облигации, национальную валюту под годовую ставку всего лишь в один процент.

Деньги печатаются правительством Соединенных Штатов в форме так называемых «гринбеков». Люди не увидят никакой разницы, хотя «гринбек» – это ничем не обусловленное обещание банка заплатить. [**Гринбеки (англ, greenbacks, букв. – зеленые спинки) – это бумажные деньги, не разменивающиеся на золото. Узаконены в 1862 г. Собственно, гринбеки – это и есть то, что сегодня именуется долларами США; субститут золотой и серебряной монеты в виде банковских билетов. По существу, банковский билет – это вексель, оплачиваемый по предъявлению или, другими словами, – переуступаемое (передаваемое из рук в руки) свидетельство задолженности банка в размере, равном стоимости банковского билета. Стоимость банковского билета определяется не номиналом, а его покупательной способностью. – Прим. перевод.]**

Спрос на деньги так велик, что «гринбеки» могут быть без особого труда ссужены клиентам банка со скидкой в десять процентов на срок от тридцати до шестидесяти дней. Прирост по валюте составит порядка двенадцати процентов.

Проценты по облигациям плюс проценты по валюте, обеспеченной облигациями, минус мелкие расходы на деятельность должны в совокупности приносить от двадцати восьми до тридцати трех процентов.

Национальные банки наделены исключительным правом привлекать валюту и увеличивать ее объем. Кроме того, они могут предоставлять либо удерживать ссуды, исходя из целесообразности конкретного действия. Поскольку банки будут иметь национальную организацию, то здесь они смогут выступать сплоченно. Это означает, что национальные банки, одновременно отказавшись предоставлять ссуды, вызовут напряженность на денежном рынке, которая за одну неделю или даже за день перерастет в сокращение производства по всей стране.

Национальные банки не платят налоги ни по облигациям, ни по собственному капиталу, ни по вкладам».

Просим вас считать данный материал строго конфиденциальным.

С глубочайшим почтением,

Иклекеймер, Мортон и Вандергульд». [Op. cit. pp. 53-55.]

Для представителей международных банкирских домов было особенно важным то обстоятельство, что они смогли достичь своих целей при Линкольне. Если бы Линкольн воплотил в Соединенных Штатах идею об общественном контроле над финансами, тогда другие народы воспрянули бы духом и стряхнули с себя власть своих финансистов.

Европейские банкиры, в особенности английские, объединились в борьбе против Линкольна. Посредством торговых каналов они принудили американские банки встать на их сторону. Законопроект Линкольна о законном платежном средстве подвергся в Вашингтоне острым нападкам со стороны банковского лобби. В итоге законопроект был настолько изменен поправками, что стал бесполезен. Например, одна поправка гласила, что проценты по облигациям и банковским билетам – не более чем клочкам бумаги – должны были уплачиваться золотой монетой дважды в год. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. За разгромом законопроекта Линкольна последовал законопроект, позволявший частным банкам выпускать банкноты номиналом меньше пяти долларов в пределах округа Колумбия. Это был первый шаг к контролю над неразменными бумажными деньгами со стороны частных лиц.

23 июля 1862 г. Линкольн наложил вето на законопроект о частных банковских билетах. Он обосновал это тем, что средство обращения является прерогативой федерального правительства, и, что билеты Соединенных Штатов смогут в равной степени выполнять функцию мелких частных банкнот. Это был вызов со стороны Линкольна банковским кругам.

Линкольн любил иронизировать в присутствии банкиров. Однажды в Вашингтон прибыла делегация банкиров из Нью-Йорка для проведения переговоров по поводу законопроекта о законном платежном средстве. Министр финансов представил делегацию следующим образом:

«Эти джентльмены прибыли из Нью-Йорка для проведения переговоров с министром финансов. Тема переговоров – наш очередной заем. Как банкиры, они обязаны хранить государственные ценные бумаги. Я ручаюсь за их патриотизм и благонадежность. Как сказано в священном писании, «где богатство, там и добродетель».

Линкольн ответил на это так:

«Есть еще одно мерило, к которому я мог бы воззвать: «где падаль, там и стервятники». [Op. cit. pp. 53-55.]

Схема Линкольна относительно национальной валюты шла в разрез с интересами международных банкирских домов, которые в то время планировали привязать частные деньги Соединенных Штатов к золотому стандарту Банка Англии. Позже в XX веке банки перешли на неразменные бумажные деньги, не обеспеченные золотом, но в середине XIX века система золотого и серебряного стандартов предоставляла куда больше возможностей для извлечения выгоды.

Предложение Линкольна сводилось к следующему. Не федеральное правительство должно занимать или печатать с помощью банков бумажные деньги, а банкирские дома должны брать займы монеты и золото у государственного казначейства. При подобном положении вещей банки не смогли бы с помощью печатного станка создавать фиктивный капитал.

Закон о национальном банке был представлен народу Соединенных Штатов как проект по мобилизации средств для ведения Гражданской войны, а также как средство достижения финансовой стабильности. Согласно данному закону любые пять лиц могли учредить банк с акционерным капиталом от пятидесяти и более тысяч долларов. После депонирования в государственном казначействе процентных облигаций, равных по стоимости одной трети оплаченной части акционерного капитала, правительство должно было отпечатать сертификаты национального банка, от имени банка, исходя из суммы в девяносто процентов от номинальной стоимости эмитированных облигаций.

Данные сертификаты национального банка могли быть в дальнейшем использованы банком как в стандартных операциях, так и для получения прибыли. И это несмотря на то, что сертификаты представляли собой собственность банка. Более того, федеральное правительство выплачивало проценты золотой монетой и облигациями, депонированными в государственном казначействе.

Одним словом, банкиры извлекали двойную прибыль. Во-первых, это проценты по обеспеченным государством выпускам бумажных денег. Во-вторых, – проценты по облигациям, выплачиваемые золотом. Закон о национальном банке гарантировал прибыль всем, кто был занят в банковском деле.

Еще раз дала о себе знать традиция президентов Джефферсона и Джексона. Она требовала, чтобы национальная банковская система добилась даже еще большей централизации финансовых полномочий, чем в случае с Банком Соединенных Штатов – когда Джексон наложил вето на законопроект.

На этот раз финансовый клан оказался куда организованней. В тяжелое время Гражданской войны законопроект о национальном банке, перед тем как быть одобренным, рассматривался в Сенате только три-четыре дня, а в Палате представителей – только два дня. Президент Линкольн утвердил закон 25 февраля 1863 г.

Глава седьмая

ДЕНЕЖНЫЙ ТРЕСТ СОЗДАЕТ ФЕДЕРАЛЬНУЮ РЕЗЕРВНУЮ СИСТЕМУ

Не хотели бы вы просматривать номера «Уолл-стрит Джорнал» за неделю до выхода?

Некоторые люди, действительно, обладают такой возможностью, не передвигая стрелки часов. Они не получают выпуски «Уолл-стрит Джорнал» по подписке. Они располагают информацией о политике Федеральной резервной системы, – какой она будет завтра, через неделю, через месяц и даже через год.

Время от времени руководство Федеральной резервной системы делает официальные заявления, предварительно согласовав их внутри своих кругов. Руководители собираются вместе, обсуждают, строят планы на будущее и после этого публикуют заявления.

Совещания всегда проходят тайно. О них известно только руководству Федеральной резервной системы. Тем не менее, если располагать сведениями, которые руководство собирается обнародовать, то можно без труда нажать состояние. Поскольку председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен докладывает о денежно-кредитной политике, размере учетной ставки, а также размере ставки для перво-классных денежных обязательств. Все эти показатели оказывают влияние на ставки по казначейским векселям, на рынки металлов, на фондовую биржу и на рынки недвижимости.

Федеральная резервная система – это частный банк, которым владеют банки. Поэтому заблаговременно располагают информацией только банковские круги.

Идея о создании Федеральной резервной системы зародилась на маленьком острове Джекиль в Атлантическом океане недалеко от округа Глинн штата Джорджия. Тогда в 1910 г. остров был частным клубом, где собирались крупные финансисты с Уолл-стрит. В этом укромном уголке вдали от любопытных глаз общественности обсуждались проблемы особо важного характера. Именно на острове Джекиль представители финансовой элиты разработали план утверждения конгрессом частной денежной монополии.

Американское общество начала века отрицательно относилось к идее учреждения центрального банка и обычно противостояло любым попыткам предоставить большие полномочия кругам Уолл-стрит. Тем не менее, учреждение центрального банка за пределами Европы сулило значительные прибыли любой финансовой группе, способной убедить конгресс принять соответствующее законодательство. Кредитная система, основанная на выпуске неразменных бумажных денег, подразумевала наличие властных полномочий, несоизмеримых с возможностями времен золотого и серебряного стандартов. Золото и серебро являлось смиренной рубашкой для финансовой системы.

Целью подпольного совещания на острове Джекиль было сформировать план по созданию центрального банка Соединенных Штатов под видом региональной банков-

ской системы. (Региональная система – это как раз то, против чего публично выступали банкиры).

Данное сокрытие было настолько удачным, что Вудро Вильсон, согласно его личному секретарю Джозефу Тьюмалти, подписывая закон о Федеральной резервной системе, действительно полагал, что этим ликвидирует могущество финансовых кругов Уолл-стрит.

Будучи губернатором штата Нью-Джерси, в 1911 г. Вильсон заявил следующее:

«Крупнейшей монополией в этой стране является денежная монополия. Если она будет существовать и далее, то нам придется расстаться с разнообразием наших свобод и поступательным развитием нашей нации.

Великая индустриальная страна управляется собственной же кредитной системой. Наша кредитная система крайне концентрирована. Таким образом, развитие нации и вся наша предприимчивость находятся в руках небольшой группы людей.

Это наиболее значительная проблема из всех. Для ее решения государственные мужи должны ревностно направить свои силы на сохранение будущности и истинных свобод граждан». [**Lois D. Brandeis, Other People's Money; and How Bankers Use It, (New York: Frederick A. Stokes Co.) p. 1.**]

По мнению Вильсона, Федеральная резервная система являлась «краеугольным камнем правительства демократов». [**Joseph P. Tumulty, Woodrow Wilson as I Knew Him (New York: Doubleday, 1921).**] Скорее всего, когда Вильсон произносил эти слова, он был в здравом уме. А что тогда происходит за кулисами этого «денежного треста», или этого «финансового клана», который мы именуем сегодня финансовой элитой, разбогатевшей на центральном банке?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос следует немного углубиться в историю. Давайте посмотрим на трест XIX века и на финансовую вершину этой пирамиды, так как тресты продолжали существовать и в начале XX века.

Между 1870 г. и началом Первой мировой войны американская промышленность находилась под влиянием клана финансистов – в основном представителей финансовых кругов Нью-Йорка. «Трестификацию» американской промышленности запечатлел в цифрах и фактах Джон Муди – редактор авторитетного справочника «Moody's Manual of Corporation Securities». [**John Moody, The Trust About The Trusts (New York: Moody Publishing Company, 1904).**] **Он опубликовал на эту тему монументальный труд. Муди был весьма чутким наблюдателем и как Клэронс Баррон [Clarence W. Barren, They Told Barren (New York: Harper & Brothers, 1930)]** – другой тонкий любитель цифр и фактов – рассматривал трест в качестве полезного и неизбежного явления.

Критика промышленных трестов была широко распространена. В своей работе «Правда о трестах» Джон Муди скрупулезно показал, что под их распространяющимся влиянием оказались сталь, цветные металлы, нефть, табак, флот, сахар и желез-

ная дорога. Здесь особо выделялись Дж. П. Морган, братья Рокфеллеры, Эдвард Гарриман, Джон Мак-Кормик, Генри Хавемейер и Томас Ф. Райан.

В истории похода «финансового клана» на центральный банк, выделяются два эпизода:

1) финансовая паника 1907 г., которую банкиры и их пособники использовали для обострения вопроса о необходимости учреждения национального банка. (То, что Уолл-стрит ускорил данный кризис, было доказано гораздо позже).

2) головокружительный взлет немецкого банкира Пауля Варбурга и его миссионерское рвение в продвижении модели Рейхсбанка Германии для США.

В 1907 г. по-прежнему оставалось несколько капиталистов, желавших бросить вызов Уолл-стрит и оспорить первенство нью-йоркских воротил. Среди этих аутсайдеров значился медный магнат из Монтаны Фридрих Ога-стус Гейнзе, который был выбран ключевой мишенью во время паники 1907 г. Свой капитал, нажитый на меди, Гейнзе переместил в Нью-Йорк. Там он присоединился к Морзе из «Айс траст». В то время Морзе главенствовал в Банке Северной Америки. Используя активы данного учреждения, Гейнзе и Морзе совместными усилиями взяли под контроль Национальный торговый банк.

Аналогичная участь постигла траст-компанию Ни-кербокера – союзника Трастовой компании Америки и «Линкольн траст». Затем Гейнзе и Морзе зарегистрировали спекулятивное предприятие «Объединенная медная компания». Именно игры с ней на фондовой бирже ускорили кризис 1907 г. Подконтрольные «денежному тресту» банки востребовали свои займы у «Объединенной медной компании» и организовали массовое изъятие вкладчиками депозитов из Национального торгового банка, принадлежавшего Гейнзе и Морзе. Сейчас в большинстве случаев признается, «что панику 1907 г. предопределила попытка избавиться от Гейнзе». **[Dictionary of American Biography, Frederick Heinze. «The Engineering and Mining Journal» commented, «This was the beginning of the panic of 1907».]**

В 1913 г. действия денежного треста и обстоятельства возникновения паники 1907 г. расследовались Комитетом Пуджо. Комитет отметил особую роль фирмы Дж. П. Моргана.

С 1900 по 1920 гг. денежный трест был фактически подконтролен банковской фирме Дж. П. Моргана. Сам Морган руководил трестом до своей смерти в 1913 г. Его дело продолжили сын Дж. П. Морган-младший и «чертова дюжина» из пятнадцати компаний, находившихся в тесном взаимодействии с Рокфеллером, Гарриманом и Куном Лебом. После длительного документированного расследования в 1912 г. Комитет Пуджо заключил, что «денежный трест» стал:

«Наибольшей опасностью за всю историю нашего государства, грозившей свободе конкуренции в промышленности. Опасность заключалась в концентрации кредитования в руках небольших финансовых групп путем контроля над банками и отраслями промышленности.

При господстве в финансовом секторе группы банкиров, их партнеров и пособников, свобода конкуренции невозможна. Все ее преимущества сводятся на нет, будь то накопление капитала или реализация крупных выпусков облигаций.

Действия данной влиятельной группы, описанные здесь, оказали более пагубное воздействие на свободу конкуренции, нежели активность всех остальных трестов вместе взятых. Хотя там, где простирается влияние трестов, о базовых принципах конкуренции не может быть и речи. Если подобная ситуация будет иметь место и далее, то все попытки восстановить нормальные условия свободы конкуренции в промышленном сообществе будут тщетны». [The Story Of Our Money, p. 187.]

В общественной дискуссии по поводу еще не существовавшей Федеральной резервной системы, финансовый крах 1907 г. сразу же был использован как повод для возможного учреждения центрального банка Соединенных Штатов. Федеральную резервную систему представили как панацею от всех финансовых бед. Тем не менее, паника 1907 г. была преднамеренно организована брокерами компании «Стандард ойл» и фирмой Моргана.

Другими словами, одна и та же группа, имевшая виды на извлечение выгоды от учреждения центрального банка, организовала панику с целью убедить электорат в необходимости существования данного института.

В служебном отчете конгресса от 1976 г. наглядно показано, каким образом эта частная монополия с 1913 г. удерживала на протяжении десятилетий свою власть. После списка имен руководителей, возглавлявших Федеральную резервную систему в середине 1970-х гг., дается следующее заключение:

«В двух словах это можно описать так. По-видимому, члены правления Федеральной резервной системы представляют собой небольшую элитарную группу, имеющую подавляющее влияние на экономическую жизнь нашего народа». [U.S. Congress, House of Representatives, Committee on Banking, Currency and Housing. Federal Reserve Directors: A Study of Corporate and Banking Influence. August, 1976. (94th Congress, 2nd session). Washington, U.S. Government Printing Office, 1976.]

Важно заметить, что Федеральная резервная система является частным акционерным обществом. В XIX веке денежному тресту была предоставлена законная монополия, в то время как иные монополистические инициативы до сих пор подпадают под анти-трестовский закон Шермана. **[Закон Шермана был принят в 1890 г. в рамках антитрестовского законодательства США. Закон запретил монополистические объединения и тайные сговора, ограничивающие свободу торговли. – Прим, перевод.]** Федеральная резервная система – это монополия, а для сохранения статуса монополии она должна обладать политической властью. Также заслуживает внимания то обстоятельство, что частнособственническая природа Федеральной резервной системы постоянно затушевывается. А ведь это очень важный аспект. Данная проблема должна обсуждаться всенародно – кто чем владеет, какие прибыли извлекаются из этой монополии.

Там где в 1907 г. заседал Дж. П. Морган, в 1970-е гг. мы обнаруживаем Дейвида Рокфеллера, а сегодня – Алана Гринспена. «Уолл-стрит Джорнал» в 1977 г. показала, как эти приспособленцы использовали конфиденциальную информацию в личных целях. [See *Wall Street Journal*, August 29, 1977.] В 1907 г. одним из них был Дж. П. Морган, пригласивший для собеседования министра финансов. В 1980 г. Дейвид Рокфеллер вызывает к себе Генри Киссинджера.

Каким образом денежному тресту удалось учредить центральный банк и взять его под свой контроль в стране, где общественное мнение изначально было настроено против подобной инициативы? Судья Брандейс описывает данный процесс следующим образом:

«Развитие в наших условиях финансовой олигархии, с которой мы знакомы по истории политического деспотизма, – это узурпация, протекающая путем постепенного захвата, нежели насильственных действий; а также путем «продуманной и часто полностью скрытой концентрации».

Это те самые процессы, которые позволили императору Августу стать хозяином Рима. Создатели нашей Конституции подозревали о подобных опасностях для нашей политической свободы, раз имели осмотрительность предусмотреть разделение властей». [The Story Of Our Money, op. cit., pp. 188-89.]

Дж. П. Морган, контролировавший денежный трест, понимал все преимущества «скрытого» и «постепенного захвата». Он всенародно выступил против законопроекта о Федеральной резервной системе, являясь в то же время одним из инициаторов его продвижения.

Компаньоны Моргана были тщательно подобраны и понимали суть происходящего. В обмен на абсолютную лояльность они получили гарантированную возможность разбогатеть за счет политической и финансовой мощи монополии. Пока Морган номинально оставался единственным главным компаньоном, он полностью удерживал власть внутри фирмы.

Несколько компаньонов Моргана посвятили себя политике. Но большинство предпочитали действовать за сценой. В период с 1900 по 1930 гг. четверо партнеров Моргана стали исключением из этого правила. Глядя на их деятельность сегодня, можно проследить за тем, как они использовали двуличность для достижения своих целей.

Этой четверкой были – Э. П. Дейвисон, Дуайт Уитни Морроу, Эдвард Р. Стеттиниус и Джордж В. Перкинс. В книге «Уолл-стрит и большевицкая революция» мы писали о том, что фирма Моргана направляла революцию так, чтобы озолотиться при любом исходе – кто бы ни пришел к власти в России. [Antony Sutton, *Wall Street and the Bolshevik Revolution (New Rochelle, New York: Arlington House, 1974)*. See particularly pages 89-100 and the chapter, «J. P. Morgan gives a little help to the other side».]

Партнер Моргана Дейвисон между 1917 и 1919 гг. являлся главой Военного Совета Красного Креста. Он работал вместе с еще одним союзником Моргана В. Бойдом Томпсоном, финансирующим большевиков. Дуайт Уитни Морроу использовал свое

влияние для обеспечения большевиков оружием и дипломатическим прикрытием (его меморандум, касающийся данной проблемы, воспроизведен в книге «Уолл-стрит и большевистская революция»). К слову, Томас Ламонт использовал свои связи в Лондоне для того, чтобы смягчить позицию Великобритании в отношении большевиков.

Кроме того, Морган и партнеры оказывали содействие белогвардейцам, сражавшимся с большевиками, и были замечены в поддержке интервенции в Сибирь.

Морроу оставил товарищество Моргана в 1920-х гг. и после года пребывания на посту председателя Совета по авиации получил должность посла США в Мексике (1927-1930 гг.). В 1931 г. он стал американским сенатором. Стеттиниус в период Первой мировой войны заведовал всеми военными закупками для Соединенных Штатов, производившимися через подконтрольные Моргану фирмы.

Джордж Перкинс в 1912 г. организовал исполнительный комитет Прогрессистской партии и позже стал его председателем. Прогрессистская партия была необходима Моргану для того, чтобы расколоть Республиканскую партию и тем самым обеспечить Вудро Вильсону президентское кресло. Дейвид Рокфеллер применил подобную стратегию в случае с Джоном Андерсоном на выборах 1980 г.

Основным инструментом Моргана для осуществления контроля над американскими финансами и промышленностью являлся избирательный трест. Это была горстка управляющих, состоявшая обычно из трех человек, выбираемых лично Морганом. В свою очередь эта влиятельная группа, подчинявшаяся Моргану, подбирала руководителей банков и фирм.

Так в случае с «Гаранти траст» избирательный трест состоял из двух компаньонов Моргана – Томаса В. Ламонта и Уильяма Г. Портера, – плюс президента подконтрольного Моргану Первого национального банка Джорджа Ф. Бейкера. Данная группа назначала директоров «Гаранти траст», а те в свою очередь контролировали многочисленные фирмы, мелкие банки и финансовые учреждения.

К 1912 г. Морган подчинил себе банки Уолл-стрит, не говоря уже о «денежном тресте». Структура управления всем комплексом финансовых институтов Моргана была достаточно проста: она основывалась на принципе пирамиды. Компаньоны Моргана приглашали руководителей для основных финансовых учреждений. Их лояльность к Моргану обеспечивалась предоставлением всех привилегий, вытекающих из высокого должностного положения.

В свою очередь компании, финансировавшие промышленность, железнодорожные тресты и иные объединения подчинялись данным финансовым учреждениям. Во второй половине XIX и в самом начале XX веков эта система функционировала безотказно. Вот как представляли себе этот «денежный трест» Вудро Вильсон и «полковник» Хауз: **[Хауз (House) Эдуард Манделл (1858-1938), ближайший советник президента США В. Вильсона, дипломат. Оказывал значительное влияние на формирование и осуществление внешней политики США. Участник разработки «Четырнадцати пунктов» и предложений о создании Лиги Наций. – Прим. перевод.]**

«Я считаю абсолютно верной реплику Вудро Вильсона о том, что из целого ряда трестов, «денежный» был наиболее пагубным. Несколько лиц и их сателлитов контролируют ведущие банки и трастовые компании Америки. Они также руководят ведущими корпорациями». [Colonel E. M. House to Senator Culbertson (July 26, 1911); Charles Seymour, *The Intimate Papers of Colonel House*, (Boston and New York: Houghton Mifflin Co., 1926-28), I. 159.]

Денежный трест был узаконен в 1913 г. под удобной и безобидной вывеской Федеральной резервной системы. Никто не должен был догадаться, что это частный центральный банк.

Историю создания Федеральной резервной системы можно разделить на три этапа:

- тайное согласование плана организации Федеральной резервной системы;
- продвижение Вудро Вильсона на пост президента силами финансовой элиты;
- прохождение законопроекта о Федеральной резервной системе через конгресс.

Член Палаты представителей от штата Миннесота Линдберг – отец всемирно известного летчика – в течение десяти лет своего пребывания в Палате представителей являлся одним из самых последовательных и ревностных критиков группы Моргана. Считается, что он был единственным конгрессменом, кто прочел все двадцать томов Денежно-кредитной комиссии Олдрича. Настоящий водопад слов, низвергнувшийся на головы членов нижней палаты, вызвал подозрение среди мыслящих людей – подозрение в том, что народные избранники нарочно не осознают, чьи интересы им следует соблюдать.

Насчет плана Олдрича по банковским операциям и валюте, Линдберг сказал следующее:

«План Олдрича по банковским операциям и валюте – это чудовищный проект по сосредоточению в одних руках всех финансовых ресурсов страны: как государственных, так и частных. Он подразумевает создание одного центрального объединения с пятнадцатью филиалами по всей стране. В объединение будут допускаться только крупные банки и трастовые компании. Всем остальным не только откажут в членстве и запретят держать акции, но и посредством политических и финансовых рычагов будут диктовать свои условия – как следует вести дела. Перед этой мощью, сосредоточенной в контролируемых трестами и крупными финансистами банках больших городов, не устоит не только средний бизнес, но и политический аппарат». [Cited in *The Story of Our Money*, op. cit., p. 189.]

Глава восьмая

СГОВОР НА ОСТРОВЕ ДЖЕКИЛЬ

В 1910 г. на острове Джекиль собрались шестеро известных финансистов с Уолл-стрит с целью сформировать программу действий по организации центральной бан-

ковской системы в Соединенных Штатах. Федеральная резервная система появилась на свет в результате сговора. С точки зрения закона «сговор» можно охарактеризовать как тайное соглашение, направленное на достижение неправомерной цели. Соглашение было тайным, в его принятии участвовали шестеро человек, и оно, как мы покажем далее, явилось неправомерным.

Заговорщиками были.

Сенатор Нельсон Олдрич, тесть Джона Д. Рокфеллера-младшего.

Немецкий банкир Пауль Варбург из Гамбурга (банкирский дом «М. М. Варбург») и Кун Леб из Соединенных Штатов.

Генри П. Дейвисон, компаньон Дж. П. Моргана и председатель «Банкерз траст компани».

Бенджамин Стронг, вице-президент «Бэнкерз траст».

Чарльз Д. Нортона, президент Первого национального банка.

Последние три банка входили в группу Моргана. Варбург представлял интересы «Кун, Леб и К°», а Олдрич – интересы Рокфеллера и брокеров «Стандард ойл». Доля Гарримана в «Гаранти траст» после его смерти перешла к группе Моргана.

Эта шестерка обладала огромной экономической властью и оказывала значительное влияние на политику.

Как это ни странно, тайное совещание на острове Джекиль было описано одним из его участников, правда, в весьма туманных выражениях:

«Несмотря на то, что я выступаю за прозрачность всех дел корпораций в нашем обществе, примерно в 1910 г. имело место событие, во время которого мне пришлось соблюдать тайну как никакому другому заговорщику. Правда, никто из его участников не считал себя таковым. Напротив, мы ощущали, что задействованы в работе, важной для нашей страны. Мы пытались разработать механизм, который бы позволил упрочить нашу банковскую систему, ослабленную последствиями паники 1907 г. Я не думаю, что следует недооценивать нашу тайную экспедицию на остров Джекиль, так как замысел, задуманный там, в конечном счете, воплотился в то, что мы сегодня называем Федеральной резервной системой». **[Frank A. Vanderlip, President, First National City Bank From Farm Boy to Financier (New York: Appleton, 1935), p. 210.]**

После паники 1907 г. все задачи свелись к убеждению общественности в «необходимости» учреждения центрального банка. Ключевой фигурой здесь выступил сенатор Нельсон Олдрич – состоятельный коммерсант, связанный с семьей Рокфеллеров. Олдрич был женат на дочери Джона Д. Рокфеллера-младшего Эбби. Бывший вице-президент Нельсон Рокфеллер был прямым потомком этой ветви семьи Рокфеллеров.

После кризиса 1907 г. Нельсон Олдрич возглавил в Сенате Денежно-кредитную комиссию, которая изъездила всю Европу с целью исследования европейских центральных банков. Особенно комиссию заинтересовала модель немецкого Рейхсбанка. Из этой командировки на казенный счет явствует, что в конгрессе Олдрич был единственным экспертом по банковскому планированию. Лишь единицы замечали наличие тесной связи между Олдричем и банковскими кругами. [**Ferdinand Lundberg, America's 60 Families (New York: Vanguard Press, 1937).**] Герберт Л. Саттерли приходился Моргану зятем и изнутри описал тесные взаимоотношения Олдрича с денежным трестом, а также причастность Олдрича к организации Федеральной резервной системы. Согласно Саттерли, Олдрич: «Обратился к Моргану за советом, и в течение последующих двух лет они должны были провести вместе многие часы, последовательно отработывая схему для банковского сообщества всей страны». [**Herbert L. Satterlee, J. Pierpont Morgan: An Intimate Portrait (New York: Macmillan, 1939), p. 493.**]

И снова согласно Саттерли, Дж. П. Морган «предоставил ему (Олдричу) Гарри Дейвисона (компаньона Моргана) для помощи в деталях». Партнер Куна Леба Пауль М. Варбург также «оказался в распоряжении у сенатора Олдрича». [Herbert L. Satterlee, J. Pierpont Morgan: An Intimate Portrait (New York: Macmillan, 1939), p. 550.] Эта триада – Морган, Олдрич и Варбург – была призвана подготовить введение централизованной банковской системы в Соединенных Штатах.

Остальные «заговорщики с острова Джекиль» появились на сцене позже. Франк Вандерлип (которого мы уже цитировали) из Национального городского банка был связан родственными узами с семьей Рокфеллеров. Он присоединился к группе Моргана в начале 1910г. после того, как получил письмо от председателя правления Национального городского банка Стиллмана. Письмо касалось встречи Стиллмана и Олдрича в Европе по вопросу учреждения центрального банка. Из этого письма мы узнаем, что заговорщики использовали код. Например, Олдрич числился под кодовым именем «Зивил». В своей книге Вандерлип утверждает следующее:

«Господин Стиллман писал, что без всякого подобострастия мне следует посвятить все свое время и мысли скрупулезному рассмотрению темы (т. е. финансового плана) и без единого намека на Уоллстрит составить законопроект для вновь избранного конгресса». [**Frank Vanderlip, op.cit., p. 211.**]

Всего важнее для заговорщиков было сохранить абсолютную секретность. Если бы любое имя, ассоциируемое с Уолл-стрит, когда-либо было замечено в связи с законопроектом о Федеральной резервной системе, то это был бы конец. Для конспирации прибегали не только к кодовым именам. Чтобы проводить свои встречи и обсуждения заговорщики удалялись на огромные расстояния с целью избежать общественного резонанса.

Не подлежит сомнению только одно – если бы в 1913 г. общество знало о тех фактах, которыми располагаем мы сегодня, то законопроект о Федеральной резервной системе не имел бы никаких шансов пройти через конгресс. Что касается подозрений общественности в нахождении участников группы Моргана в близком родстве друг с другом, то дадим слово Вандерлипу. (Сами участники группы заверяли окружающих в «незаинтересованной беспристрастности»).

«Поверили бы в это избиратели? Думаю, именно так бы они и поступили. Всего лишь один слабый намек. Сенатор Олдрич приходился тестем Джону Д. Рок-феллеру-младшему, да и сам по себе он был весьма обеспеченным человеком. Однажды я написал письмо Вудро Вильсону в Принстон и пригласил его побеседовать за обедом. Желая произвести на него впечатление и придать событию важность, я сказал, что сенатор Олдрич также приглашен на обед. Мой друг доктор Вильсон **[Преподаватель женского колледжа Брин-Мор (штат Пенсильвания) Вудро Вильсон получил в 1886 степень доктора философии за книгу «Правление конгресса» (1885). – Прим. перевод.]** изумился и ответил, что не сможет заставить себя найти общий язык с сенатором Олдричем. Вильсон действительно пришел и выступил с речью. Правда, после того, как я доложил, что здоровье господина Олдрича не позволит ему составить нам компанию. А теперь давайте немного пофантазируем. Представьте, какие газетные заголовки могли бы появиться, если бы стало известно, что Олдрич совещался по поводу еще не принятого финансового законодательства с компаньоном Моргана (допустим, Дейвисоном) и президентом крупнейшего банка (допустим, Вандерлипом)». **[Frank Vanderlip, op.cit., p. 212.]**

Одним из директоров Национального городского банка, основанного Стиллманом, был Кливленд Додж – влиятельная персона и финансовый «мотор» за спиной Вудро Вильсона. Следует не выпускать это обстоятельство из виду.

Вудро Вильсон, которому предстояло утвердить закон о Федеральной резервной системе, был, без сомнения, ставленником финансовой элиты. Его кандидатуру одобрили весной 1912 г. во время неформальной встречи в поместье Вандерлипа Бичвуд в Скарборо на реке Гудзон. Согласно одному обозревателю, Вильсон прошел испытание, поскольку Вандерлип и Уильям Рокфеллер обсуждали роль американского капитала за границей в его присутствии. **[John K Winkler, The First Billion, (New York: Vanguard Press, 1934), pp. 209-211.]** Подробнее мы опишем это обстоятельство позже.

Центральной фигурой в создании Федеральной резервной системы был вовсе не американский, а немецкий банкир – Пауль Мориц Варбург. Он родился в 1868 г. в Гамбурге в семье Оппенгеймов. Отец Варбурга имел долю в банкирском доме «М. М. Варбург», основанном в 1798 г. Начало карьеры Варбурга связано с «Самуэль Монтэгу и К^о» (Лондон) и «Banque Russe Pour Le Commerce Etranger» (Париж). В 1891 г. Варбург стал работать в семейном банке и вошел в долю в 1895 г. В 1902 г. он прибыл в Соединенные Штаты в качестве партнера Куна Леба и, невзирая на несовершеннолетний английский, развернул кампания за организацию Федеральной резервной системы. План по учреждению центрального банка можно обнаружить в двух его брошюрах – «Недостатки и беды нашей банковской системы с 1907 г.» и «Проект модифицированного центрального банка» (1907 г.). В основу структуры Федеральной резервной системы был положен проект, который Варбург в 1910 г. предложил для Объединенного резервного банка.

Все эти люди тайно собрались на острове Джекиль с целью наметить очертания будущего закона о Федеральной резервной системе.

Тайное совещание на острове Джекиль увековечил Франк Вандерлип:

«Было бы весьма опасным для Олдрича, если бы стало известно, что сенатор обращался к кому-либо с Уолл-стрит за содействием в подготовке доклада и законопроекта. Поэтому были предприняты меры предосторожности, которые порадовали бы сердце самого Джеймса Стиллмана. Нам было приказано забыть о фамилиях и не обедать вместе в канун нашего отбытия. Мы обязались явиться в назначенное время на железнодорожную станцию у побережья Гудзона в Нью-Джерси, а также прибывать по одиночке и как можно незаметней. У станции нас должен был ждать личный автомобиль сенатора Олдрича, прикрепленный к последнему вагону поезда на юг.

Когда я подошел к тому автомобилю, шторы были опущены, и только слабые проблески желтого света обнаруживали форму окон. Оказавшись внутри, мы принялись соблюдать оговоренное табу, наложенное на наши фамилии, и обращались друг к другу по именам – «Бен», «Пауль», «Нельсон» и «Эйб». Мы с Дей-висоном решили прибегнуть к еще большей конспирации и отказались от личных имен. Исходя из того, что мы всегда правы, Дейвисон стал Уилбером, а я – Ор-виллом. Так звали братьев Райт – пионеров авиации. **[Игра слов right (правый) и Wright (Райт) – Прим. перевод.]**

Обслуживающий персонал и кондукторская бригада могли узнать одного или двух из нас, но только не всех. В противном случае о нашей таинственной поездке стало бы известно в Вашингтоне, на Уолл-стрит и даже в Лондоне. Конечно же, мы понимали, что разоблачение невозможно, но случись оно, все наши усилия оказались бы напрасными, а время потрачено впустую. Если бы общественности дали знать, что мы собрались вместе и написали банковский законопроект, то этот законопроект не прошел бы через конгресс». **[Frank Vanderlip, op.cit., p.213.]**

В последнем изречении Вандерлип с выигрышной позиции непосредственного участника событий показывает, что это был спланированный заговор. Американское общество никогда бы не передало небольшой группе людей монополию на предложение денег. В конце концов, антитрестовский закон Шермана классифицировал монополию, ограничивающую свободу торговли, как незаконную. И денежную монополию здесь никто не ждал с распростертыми объятиями.

Для того чтобы избежать общественного резонанса, эти банкиры под покровом ночи пробрались тайком на далекий остров, используя кодовые имена и изменение внешности!

Далее Вандерлип описывает изнутри тайное совещание, а также сообщает о том, что так называемый доклад Олдрича и законопроект, представленный в Сенате, в действительности были написаны им самим и Стронгом. Но самым примечательным было следующее обстоятельство: Вандерлип был до конца уверен в том, что банкиры действовали не в личных, а в исключительно государственных интересах.

Одним словом, эта группа заговорщиков предложила заменить монетный двор частной бумажной фабрикой. Что и было осуществлено в 1913 г. Одно не укладывается в голове – как все это могло быть представлено в виде поступка, проникнутого духом патриотизма и гражданственности.

«С материка на остров Джекиль мы добрались на лодке. В течение недели или десяти дней мы были полностью изолированы от внешнего мира, не пользовались телефоном и телеграфом. Мы спрятались на заброшенном острове. Там было много цветной прислуги, но они не имели никакого представления о том, кто такой Бен или Пауль, или Нельсон; не говоря уже о Вандерлипе, или Дейвисоне, или Эндрю. Все эти имена им ни о чем не говорили.

Там мы работали в здании клуба. На север мы вернулись так же незаметно, как и прибыли на юг. Мы договорились, что Олдрич представит в Сенате законопроект, подготовленный нами. Общественности он стал известен как план Олдрича. Олдрич и Эндрю остались в Вашингтоне, а Варбург, Дейвисон, Стронг и я вернулись в Нью-Йорк.

Конгресс без пяти минут заседал. Но в субботу в Нью-Йорк пришло известие о том, что сенатор Олдрич болен, причем болен настолько, что не в состоянии составить более или менее приемлемый документ, которым можно было сопроводить законопроект. Мы с Беном Стронгом немедленно выехали в Вашингтон, где совместными усилиями подготовили доклад. Если бы тогда об этом стало широко известно, то наше произведение заклеямили бы как крючкотворство Уоллстрит, хотя, конечно же, это было не так. Олдрич никогда не был холуем так называемых финансовых кругов. Он был добросовестным человеком, движимым заботой об интересах общества. Он обратился к четверым из нас – людям с Уолл-стрит, – поскольку знал, что мы на протяжении многих лет изучали аспекты той проблемы, с которой он столкнулся, и решить которую было его гражданским долгом».

План Олдрича, написанный Вандерлипом и Стронгом, не прошел через конгресс. На нем поставили крест. Недомогающий сенатор Олдрич ушел на пенсию, и денежный трест был вынужден искать новые пути для достижения своих целей.

Кливленд Додж – один из директоров Национального городского банка, – а также Мак-Кормик из «Харвестер траст» были соучениками Вудро Вильсона (1879, Принстон). В 1902 г. не без помощи Кливленда Доджа Вудро Вильсон стал президентом Принстонско-го университета. Через некоторое время Додж дал знать Вильсону, что Уолл-стрит рассматривает его в качестве «кандидата на пост президента».

В декабре 1906 польщенный Вильсон написал журналисту Джорджу Гарвею для того, чтобы узнать о тех «влиятельных лицах, которые рассматривают его в качестве кандидата на пост президента». В своем ответе Гарвей «привел имена нескольких влиятельных банкиров, вспомогательных администраторов и консервативных журналистов». **[Ray Baker, Woodrow Wilson: Life and Letters (New York, Doubleday, Page & Co., 1927-39) vol. 3, p. 365.]**

Вильсон, – несмотря на свою репутацию неуверенного в себе, глуповатого профессора, – один урок все же усвоил наизусть: для того, чтобы добиваться успеха, нужно постоянно с кем-либо соглашаться. В марте 1907 г. Джордж Гарвей представил Вильсона Томасу Форчуну Райану – члену медного треста и известному финансисту. После этой встречи Вильсон отправил краткое письмо представителям влиятельных кругов Уолл-стрит с изложением научного обоснования в пользу трестов. К слову, в публичных выступлениях Вильсон высказывался совершенно по-другому.

Эта кучка интриганов с Уолл-стрит при поддержке политических заправил Нью-Джерси помогла Вудро Вильсону стать в ноябре 1910 г. губернатором штата Нью-Джерси.

В течение нескольких месяцев Кливленд Додж открыл банковский счет в Нью-Йорке и снял офис на Бродвее, 42. С этого эпизода началась кампания по продвижению Вильсона на пост президента США. Первый вклад на банковский счет в размере одной тысячи долларов сделал Кливленд Додж. Сорок тысяч подписчиков по всей стране получали раз в неделю двухстраничный рекламный материал «Истинный американец из Трентона, Нью-Джерси». Рассылку по почте финансировал также Кливленд Додж.

На две трети президентскую кампанию Вильсона профинансировали семеро человек, связанных с Уоллстрит и все теми же трестами, – которые Вильсон публично продолжал осуждать.

Предвыборные лозунги Вильсона представляли его как кандидата, выступающего за мир, а также против трестов и монополий. [**Louise Overacker, Money in Elections (New York: Macmillan, 1932).**]

Кливленд Г. Додж (директор Национального городского банка) – \$51 300. Генри Моргентау (финансист) – \$20 000. Сайрес Г. Мак-Кормик («Харвестер траст») – \$12 500. Абрам И. Элкус (юрист с Уолл-стрит) – \$12 500. Фредерик К. Пенфилд (недвижимость Филадельфии) – \$12 000. Уильям Ф. Мак-Комз – \$11 000. Чарльз Р. Крейн («Крейн и К°», Чикаго) – \$10 000.

Когда Вильсона выдвинули кандидатом в президенты, он не преминул написать «дорогому Кливу» (Доджу) для того, чтобы выразить свое торжество: «я не могу поверить своему счастью!». [**Ray Baker, Louise Overacker, Money in Elections (New York: Macmillan, 1932).**] Речь с выражением согласия баллотироваться в президенты была написана для Вильсона на борту «Короны» – яхты Доджа – в период выработки стратегии на предстоявшие выборы. [**op cit. p. 372.**]

Одним словом, Вильсон полностью зависел от денежного треста. Вильсон просто блефовал, когда обрушивался на тресты и Уолл-стрит. Попросту говоря, он изменил демократической традиции президентов Джефферсона и Джексона.

В итоге Вильсона избрали в президенты. Не успели еще подсчитать голоса, как влиятельные круги Уоллстрит спешно принялись готовить проведение «финансовой реформы». К началу декабря 1912 г. «полковник» Хауз успел переговорить с ключевыми фигурами конгресса – с целью склонить их на сторону Вильсона. Во время телефонного разговора Пауля Варбурга с Хаузом 12 декабря 1912 г., «полковник» подтвердил, что план готов. Дополним Хауза, прибегнув к его же мемуарам: «Что касается данного вопроса, то я был уверен, что новоизбранный президент является здравомыслящим человеком». [**Charles Seymour, The Intimate Papers of Colonel House (Boston, New York: Houghton Mifflin Co., 1926-28), vol. I, p. 161.**]

В марте Франк Вандерлип провел консультации с Хаузом, и через две недели группа банкиров прибыла в Белый дом с отпечатанным проектом по реформированию де-

нежной системы. Вильсон должен был представить его в конгрессе. Но, по мнению Хауза, было бы глупо размахивать в Палате представителей напечатанным в типографии законопроектом. В связи с этим закон о Федеральной резервной системе вернули на Уолл-стрит, где на печатной машинке была сделана его копия. **[Seymour, op cit. p. 161.]** Оставалось только протащить законопроект через конгресс.

Глава девятая

ДЕНЕЖНЫЙ ТРЕСТ МАНИПУЛИРУЕТ КОНГРЕССОМ

Закон о Федеральной резервной системе полностью противоречит Конституции. Его принятие конгрессом в декабре 1913 г. следует считать одной из наиболее бесчестных фальсификаций за всю историю США.

Трудно представить себе любое другое постановление государственной власти, которое влекло за собой подобные последствия, а также незаконно передавало подобные полномочия небольшому кругу заговорщиков. Это резкие слова. Но читатель сможет сформировать свое собственное мнение, ознакомившись с данной главой, описывающей практически час за часом принятие закона и утверждение его президентом Вильсоном.

Закон о Федеральной резервной системе делегировал полномочия по контролю над денежной массой целого государства привилегированной группе частных лиц – лишив при этом данных полномочий конгресс. Неразменные бумажные деньги заменили золото и серебро. Финансисты с Уолл-стрит получили возможность выпускать в обращение неограниченную массу неразменных денег.

Как сказал сенатор Таунсенд: «данный законопроект не был связан ни с одной из политических платформ. Просто люди не высказали в нужное время своего мнения». **[Congressional Record: Senate, February 8, 1915.]** Зато свое мнение высказало влиятельное лобби, обступившее законопроект со всех сторон. Более того, в наши дни лоббисты бросаются с кулаками на любое предложение упразднить Федеральную резервную систему или расследовать ее деятельность. В 1913 г. на руководство Демократической партии со стороны Вудро Вильсона и банковских кругов Нью-Йорка было оказано беспрецедентное давление. Вильсон хотел быть уверенным в том, что оппозиция не видоизменит законопроект и позволит нужным кругам стать акционерами.

Сенатор от штата Небраска Гилберт Майнелл Хичкок являлся независимым во взглядах джентльменом, а также издателем Omaha World Herald. Его возмущения в Сенате по поводу принятого в нижней палате законопроекта являются для нас ценным свидетельством.

Хичкок: «Как только этот «священный манускрипт» поступил из Палаты представителей, нам, как я уже говорил, запретили ставить в нем хотя бы одну пропущенную точку или запятую».

Оуэн: «Кто запретил?».

Хичкок: «Нам приказали принять его без слушания и тщательного рассмотрения».

Померин: «Господин президент, я достаточно давно нахожусь в этой обители, в которой разбираются «священные манускрипты», и я не слышал, чтобы кто-нибудь запрещал кому-либо изменять свои взгляды или подвергать критике любой законопроект, поступивший из Палаты представителей, или рассматриваемый здесь. Каждый имеет право изменить свою точку зрения. И сенатор Хичкок сам не раз пользовался этим правом. Я говорю это не с целью подорвать доверие к сенатору, а просто ради того, чтобы показать, что он все это время беспрепятственно философствовал».

Хичкок: «Господин президент».

Оуэн: «Сенатор от штата Небраска так и не разъяснил, кто же ему запретил расставлять пропущенные точки и запятые. И я был бы рад, если бы сенатор раскрыл эти ценные сведения. Но пока что они остаются личным откровением сенатора».

Хичкок: «Думаю, я предоставлю эту возможность народу. Готов биться об заклад, что он сам сделает выводы».

Оуэн: «Если сенатор довольствуется одной лишь инсинуацией, то это – право сенатора».

Хичкок: «Я воспользуюсь этим правом». [op. cit.]

В нижней палате план Моргана по созданию центрального банка получил название законопроекта Гласса. 18 сентября 1913 г. он был принят Палатой представителей со значительным перевесом голосов: двести восемьдесят семь конгрессменов проголосовали за, восемьдесят пять – против. Большинство конгрессменов не имели никакого представления о содержании законопроекта. Никаких поправок в законопроект внесено не было. Сенаторы голосовали либо за, либо против. Более того, чтобы проголосовать против законопроекта, нужна была недюжинная смелость. Законопроект был назван в честь конгрессмена от Виргинии Картера Гласса (1858-1946) – банкира и директора «Юнайтед лоун энд траст» и Трастовой компании Виргинии.

В Сенате законопроект – после прохождения через нижнюю палату – был назван по фамилии сенатора от штата Оклахома Роберта Л. Оуэна (1856-1947). Оуэн являлся председателем сенатского комитета по финансам, а также банкиром (крупным акционером Первого национального банка Маскоги).

Сенату потребовалось ровно четыре с половиной часа для того, чтобы обсудить и одобрить законопроект Оуэна. Сорок три сенатора проголосовали за, двадцать пять – против. Республиканцы даже не ознакомились с докладом, сопровождавшим законопроект. Он был пересказан с трибуны. Никому из членов Сената не предоставили возможность ознакомиться с содержанием законопроекта Оуэна, и некоторые сенаторы даже заявили об этом публично.

В тот же день в 6:02 по полудни законопроект о Федеральной резервной системе без всякого обсуждения был спешно одобрен Сенатом. Вудро Вильсон утвердил закон в этом же году.

Обстоятельное рассмотрение сенатских дебатов показывает, что сенаторы не располагали подробностями, а все их обвинения остались без ответа. Сенатор от Республиканской партии Бристоу (1861-1944) высказал несколько горьких слов по поводу очевидного злоупотребления положением со стороны членов конгресса:

«Я утверждаю, что данный законопроект был подготовлен в интересах банков; что сенатор от Оклахомы, как председатель комитета по финансам, открыто действует в интересах банков; что прибыли, которые извлекут банки в результате принятия законопроекта, пополнят и личное состояние сенатора. Сенатор выступил за увеличение размера дивидендов по акциям региональных банков с пяти до шести процентов, которые будут выплачиваться банкам-членам Федеральной резервной системы. Он выступил против того, чтобы народ имел возможность держать акции региональных банков и настоял на том, чтобы акциями владели только банки, входящие в Федеральную резервную систему. Сенатор выступил против предоставления государству права контролировать региональные банки – в угоду тем, кто их контролирует сейчас. И пусть сенатор скажет сам, нарушил ли он базовый принцип Наставления Джефферсона». [op. cit.]

В понедельник 15 декабря 1913 г. сенатские дебаты (без обсуждения доклада, сопровождающего законопроект, они не представляли какую-либо ценность) переросли в испытание сенаторов на политическую прочность. Оно проходило в форме голосования по поправкам, предложенным сенатором Хичкоком – единственным демократом, выступившим против законопроекта. В итоге сорок сенаторов высказались за то, чтобы отложить поправки Хичкока в долгий ящик, и только тридцать пять проголосовали положительно.

Хичкок предлагал сделать Федеральную резервную систему не частной, а государственной монополией. Таким образом, правом эмитировать валюту обладало бы министерство финансов, а не денежный трест.

Примечательно, что при любом раскладе сил Сенат отказался бы предоставить контроль над денежной массой государственному казначейству и предпочел бы передать данную привилегию фирме Моргана. Все дело в том, что здесь удачно поработал «полковник» Хауз.

Перечитав эти растянувшиеся бессвязные дебаты, можно найти только слабые намеки в речах сенаторов на ценовую инфляцию. В отсутствии хождения золота и серебра, давление ничем не сдерживаемой массы неразменных бумажных денег привело бы именно к ней. Данный довод был бы здравым суждением, ведь единственный аргумент, выдвигавшийся против него, был весьма неубедительным: «банкиры – здравомыслящие люди, и они не допустят инфляции».

Обратите внимание на выражение «ценовая инфляция». В 1913 г. термин «инфляция» соотносился исключительно с «денежной инфляцией» – инфляцией, связанной с чрезмерной эмиссией наличных денег. За прошедшие десятилетия значение терми-

на «инфляция» полностью изменилось. Сегодня оно всегда соотносится с «ценовой инфляцией», то есть инфляцией, связанной с ростом цен. [Автор описывает два антагонизма, известных в современной экономической теории как инфляция спроса («денежная инфляция») и инфляция издержек («ценовая инфляция»). Для экономики России характерна инфляция издержек, вызванная активностью т. н. «естественных монополий». – Прим. перевод.]

Сенатор Рут был тем самым человеком, который предупреждал верхнюю палату о тех нежелательных последствиях, которые повлечет за собой принятие закона о Федеральной резервной системе – то есть об инфляции («денежной инфляции»). Но в исполнении Рута все это звучало неправдоподобно, более того, напоминало провокацию: Рут подвергал нападкам Брайана – человека, выступавшего за серебряное обеспечение.

Как результат, Рут, невзирая на то, что он действительно предупреждал о «денежной инфляции» и финансовой панике, в последствии выступил в защиту законопроекта Гласса-Оуэна. Рут обосновал это тем, что инфляции не будет, «если только здравомыслящие финансисты, управляющие банками, не вызовут ее».

В очередной раз мы наблюдаем за тем, как финансовый клан направляет деятельность оппозиции. Карманная оппозиция обнародует обвинения, которые с легкостью могут быть парированы, в то время как убедительной критике не дают просвета.

В наше время неопровержимая связь между «денежной» и «ценовой» инфляциями утоплена в бездне научного двойного стандарта и алгебраической манипуляции. Современные экономисты настолько пристрастились к математической манипуляции (под надуманным предлогом скрупулезности), что они полностью пренебрегают основными экономическими аксиомами. За немногим исключением (Хиллсдейл-колледж, Институт Людвиг фон Мизеса в Обернском университете), экономические кафедры – не более чем пешки современного денежного треста, или Федеральной резервной системы. (Автор сам учился в 1960-х гг. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и может свидетельствовать о полном невежестве, с которым ему пришлось столкнуться на экономическом факультете).

В своем ответе Риду сенатор Хичкок указал на то, что в результате принятия законопроекта «контроль над валютной системой страны будет передан банкирам». Но никто не придавал этим словам никакого значения, по причине, сформулированной сенатором Виксом: «в Соединенных Штатах наиболее компетентные банкиры в мире». Правда, Викс забыл упомянуть о том, что он сам являлся банкиром.

Последнюю речь в этот понедельник взял ведущий оратор республиканцев – конгрессмен от штата Иллинойс Манн. Он сделал несколько странное заявление о том, что Соединенные Штаты находятся в разгаре финансово-промышленной паники и поэтому следует срочно принимать закон о Федеральной резервной системе.

Вторник 16 декабря 1913 г.

В этот день сенатор Рут снова акцентировал внимание на угрозе инфляции, скрывающейся за принятием рассматриваемого законопроекта. Постоянные вмешательства

в выступление (согласно «Нью-Йорк Таймс» от 17 декабря) наводят на мысль, что сторонники законопроекта не скрывали своего беспокойства. Они утверждали, что инфляция невозможна при условии, что выпускаемые ценные бумаги будут правительственными бумагами, пользующимися хорошим спросом. На это Рут ответил так:

«Замечание ни к селу, ни к городу и не имеет никакого отношения к моей критике законопроекта. Мое возражение заключается в том, что законопроект допускает значительную инфляцию, и с тем же успехом инфляции можно добиться путем предоставления займов в виде правительственных бумаг, как пользующихся спросом, так и нет.»

Особо Рут выделил следующее:

«Никто не отрицает, что в прошлом великие торговые цивилизации время от времени неожиданно захлестывала волна оптимизма. Доступность дешевых денег подвела их к черте наиболее губительного и опасного упадка».

Рут упрочил свое высказывание о «волне оптимизма» следующим доводом:

«Здравый смысл оказывается парализованным сиюминутным оптимизмом. Он становится все менее действенным в оценке причин роста торговли, поскольку рост все продолжается и продолжается».

Конец спору положил сам Рут:

«Вместо того чтобы выполнять наш долг носителей законодательной власти Соединенных Штатов, мы уклоняемся от данного долга и вверяем его второстепенным посредникам правительства».

К сожалению, Рут не развил свой аргумент до конца. Он не уточнил, что, как он выразился, «второстепенные посредники правительства», – это частная денежная монополия национальных банкирских домов.

Обычной реакцией на предостережения об инфляции была констатация наличия резервного покрытия золотом (денежной массы) – предположительно в тридцать три процента. Например, в ответ на обоснованные опасения Рута сенатор от Миссисипи Уильяме сделал претензионное заявление о том, что чрезмерная инфляция характеризуется «минимальной математической вероятностью». Но почему? Потому что сенатор Уильяме твердо был уверен в том, что «ни один президент, находясь в здравом уме, не назначил бы в совет человека, являющегося сторонником неразменных денег». Спустя восемьдесят лет, вопреки сенатору Уильямсу, каждый первый член Совета Федеральной резервной системы и ее региональных банков является ревностным поборником неразменных денег и противником золота! В эпоху Вильсона было невозможно представить себе, что от данной функции золота когда-либо окончательно откажутся. В эпоху Клинтона политическим деятелям запрещено даже думать о том, что золото имеет какую-либо функцию вообще.

Среда 17 декабря 1913 г.

В среду беспрецедентное давление на Сенат со стороны неофициальных кругов стало более чем очевидным. Белый дом объявил, что законопроект желательно принять до субботы, что в него не должны быть внесены какие-либо поправки, и что он должен быть подписан президентом не позднее Рождества. Спешно принятый план мероприятий был вызван активностью Рута в Сенате – его предупреждения об инфляции ударили по весьма чувствительным местам и в итоге возымели действие. Вечером во время обеденного перерыва было созвано партийное собрание демократов, с целью обсудить два предложения Рута. Предложения сводились к следующему:

- выпуск банкнот должен быть ограничен законодательно;
- резервное покрытие золотом следует увеличить до пятидесяти процентов и ввести высокий налог на «истощение запасов», то есть снижение данного уровня.

После обсуждения, поправка об ограничении выпуска банкнот была отклонена. Но частично было одобрено второе предложение Рута: на партийном собрании было решено увеличить резервное покрытие золотом до сорока процентов. В то же время собрание потребовало не включать часть прибылей региональных резервных банков в золотой запас. Знаменательно, что большинство членов Демократической партии отдавали себе отчет в необходимости сохранения золотого покрытия. Тогда в 1913 г. стремление отменить или ограничить золотое содержание являлось вовсе не инициативой конгресса. Одним словом, характерная для наших дней попытка демонетизировать золото путем постепенного его изъятия из денежно-кредитной системы была не только в 1913 г. отклонена конгрессом, но и понималась сенаторами как угроза для благосостояния Соединенных Штатов.

Даже после партийного собрания можно было услышать критику из уст некоторых сенаторов. Сенатор от Южной Дакоты Кроуфорд, ни в каких формах не принимал денежную монополию:

«Вы просто создаете банк крупных банкирских домов, банк для крупных банкиров, с ограниченным доступом к капиталу для мелких банков. Мелким банкам приказано прислуживать крупным банкам. Всем этим Вандерлипам, Хепбернсам, Морганам и Рейнолдсам говорят: «Давайте ваши краткосрочные ценные бумаги и получайте деньги» – а каким-нибудь Смитам, Браунам и Джонсам, этим фермерам из глубинки: «Идите куда подальше со своими долгосрочными бумагами, мы не можем их дисконтировать».

Самым интригующим в этот вечер оказалось следующее обстоятельство. Большинство конгрессменов более или менее отдавали себе отчет в том, что формируемая ими финансовая система может вызвать инфляцию, но они, по-видимому, были несклонны к тому, чтобы заставить себя выступить против законопроекта.

Четверг 18 декабря 1913 г.

К четвергу напор сопротивления законопроекту спал, и Сенат, с целью ускорить процедуру прохождения законопроекта, заседал по регламенту для выступающих в

пятнадцать минут. С помощью данного ухищрения шесть поправок Хичкока были отклонены. Поправкам, рассмотренным на собрании Демократической партии, уделили немногим более внимания. Существенные возражения и расхождения во мнениях, зафиксированные в официальном отчете о парламентских заседаниях, были связаны с предписанием сверху: законопроект должен был быть принят до Рождества и подписан на следующей неделе – в понедельник или во вторник. Таким образом оппозицию поставили в тупик. Накопившиеся проблемы были игнорированы. Фундаментальные вопросы, в том числе вероятность инфляционных подвижек, остались без внимания со стороны руководства. Царили одни эмоции, граничащие с атмосферой паники, – принять законопроект, во что бы то ни стало. По этой причине, хотя и было известно, что законопроект недоработан, пятничный номер «Нью-Йорк Таймс» от 19 декабря вышел с заголовком «Близка развязка схватки за финансовый законопроект». Белый дом спешно объявил, что он рассматривает кандидатов на должность управляющего Советом Федеральной резервной системы. Первой кандидатурой, имя которой просочилось из Белого дома, стал Джеймс Дж. Хилл из «Грейт норзерн рэйлроуд». На эту должность его предложил банкир международного уровня Джеймс Спейер, тем самым подтверждая подозрения о закулисной деятельности банкирских домов.

Пятница 19 декабря 1913 г.

В этот день, в последнюю пятницу перед Рождеством, все помыслы конгрессменов были устремлены скорее к рождественским елкам, нежели к древу познания финансовых истин. Не утруждая себя дальнейшей суматохой, сенаторы приняли финансовый законопроект президента Вильсона подавляющим большинством голосов. Тридцать четыре члена верхней палаты конгресса (все республиканцы) проголосовали против законопроекта, пятьдесят четыре проголосовали за. Таким образом, каждый демократ плюс шесть республиканцев и один прогрессист выступили за создание Федеральной резервной системы. В качестве подачи оппозиционерам, была принята так называемая «радикальная поправка», запретившая конгрессменам исполнять обязанности управляющих Совета Федеральной резервной системы.

То, что банкиры «вздохнули с облегчением» после принятия законопроекта, вовсе не явилось неожиданностью. Но они не были полностью удовлетворены и по-прежнему настаивали на некоторых заменах в комитетах конгресса. Уильям А. Гастон, президент «Нэшнл Шоумат банк», провел несколько дней в Вашингтоне, принимая участие в совещании с членами комитетов Палаты представителей и Сената. Гастон заключил следующее: «Предполагаемые замены, намеченные во время совещания, сделают законопроект более действенным для банков».

Эдмунд Д. Гульберт, вице-президент Merchants Loan and Trust Company, добавил: «В целом, это замечательный законопроект, и он многое сделает для того, чтобы привести банковское дело и денежное обращение в устойчивое положение». [New York Times, Senate, December 20, 1913.]

В. М. Габлстон, председатель Первого национального банка Ричмонда, заявил, что законопроект «приведет к эластичному денежному обращению, которое избавит нас от этих паник», а Оливер Дж. Сэндз, президент Американского национального банка, высказал мнение, что «принятие финансового закона произведет положительное

воздействие на все государство, а также окажет содействие торговле. Похоже, что начинается эпоха всеобщего экономического процветания». Единственным банкиром, выразившим публично свой протест, стал Чарльз Мак-Найт – президент Национального банка в Западной Пенсильвании. Он сказал, что «все это не принесет стране ничего хорошего».

Суббота 20 декабря 1913 г.

Закон о Федеральной резервной системе – после одобрения его Сенатом в виде законопроекта Оуэна – был направлен на конференцию, в которой приняли участие члены обеих палат конгресса. Ее целью было сгладить основные разночтения между законопроектом Гласса, принятым в Палате представителей, и законопроектом Оуэна, принятым в Сенате. Планировалось, что данная конференция, на которую, кстати, не допустили ни одного члена Республиканской партии, потребует четыре часа субботнего вечера. За это время было обнаружено как минимум двадцать (по некоторым данным – сорок) наиболее существенных разночтений. И это, не считая второстепенных лингвистических несоответствий, потребовавших внесения более чем ста исправлений. Во время обсуждения мелких несоответствий, сенаторы в большинстве случаев предпочитали уступать трибуну членам нижней палаты конгресса. Тем не менее, ни одно из двадцати (сорока) основных разночтений не было рассмотрено на субботней конференции; всем стало ясно, что принятие в понедельник совместного законопроекта весьма маловероятно. «Нью-Йорк Таймс» за 21 декабря 1913 г. сообщила: «говоря серьезно, спорные вопросы, в сущности, заключают в себя все важные поправки Сената».

С целью попытаться устранить некоторые из наиболее существенных разночтений, участники конференции согласились совещаться все воскресенье. Кроме того, в эту субботу Палата представителей собралась в полном составе и отказалась принимать сенатскую версию законопроекта: двести девяносто четыре конгрессмена проголосовали за, пятьдесят девять – против. После этого члены нижней палаты приступили к принятию поправок, предложенных участниками конференции от Палаты представителей.

К концу дня 20 декабря 1913 г. все внимание участников конференции было сконцентрировано на нескольких принципиальных узловых разногласиях между Палатой представителей и Сенатом. Разногласия отражали существенные, коренные вопросы, стоявшие на пути к принятию финансового законопроекта:

- число региональных резервных банков;
- вопрос гарантии вкладов;
- размер золотого запаса, необходимого для покрытия банкнот в обращении;
- изменения в отношении внутреннего акцептования касательно внутренней и внешней торговли;
- изменения в положениях о запасе (резерве);

- предоставление права банкам-членам Федеральной резервной системы, использовать банкноты федеральных резервных банков для целей запаса (резерва);
- статус двухпроцентных государственных облигаций, использовавшихся в качестве обеспечения банкнот национального банка;
- выдвинутое Сенатом положение об увеличении общей стоимости векселей национального банка в обращении.

Такой была ситуация с законопроектом поздним субботним вечером.

Воскресенье 21 декабря 1913 г.

Мы никогда до конца не узнаем того, что произошло в это воскресенье в Вашингтоне.

Единственное о чем мы действительно можем говорить так это то, что в воскресное утро участники парламентской конференции были поставлены перед фактом наличия двадцати (по некоторым данным – сорока) существенных разночтений в двух редакциях чрезвычайно важного законопроекта – законопроекта, который должен был повлиять на жизнь каждого американца. Тем не менее, в понедельник 22 декабря «Нью-Йорк Таймс» сообщила на первой полосе, что «финансовый законопроект может сегодня стать законом», а также, что участники парламентской конференции никому не известным способом уладили имевшиеся разногласия. «Газета отчетов о парламентских заседаниях» сообщила об этом так:

«Конференция, в задачу которой входило уладить разногласия между Палатой представителей и Сенатом по финансовому законопроекту, закончила свою работу с беспрецедентной быстротой сегодня ранним утром (22 декабря). В субботу участники конференции проводили исключительно предварительные переговоры, оставив обстоятельное обсуждение сорока важнейших расхождений на воскресенье».

«Беспрецедентный» темп заседания, вероятно, приходился на весьма непривлекательное для его участников время – между 1:30 и 4:00 утра. Давайте взглянем на этот понедельник более обстоятельно.

Понедельник 22 декабря 1913 г.

В воскресную полночь 21 декабря двадцать (согласно иным источникам – сорок) ключевых расхождений потребовали разрешения. В понедельник в 11:00 по полудни, то есть спустя двадцать три часа, Палата представителей одобрила законопроект о Федеральной резервной системе (двести девяносто восемь голосов против шестидесяти). В течение этих недолгих двадцати трех часов основные разночтения были устранены. Доклад был направлен в типографию, набран, исправлен с оттиска типографского набора, отпечатан, роздан, прочитан каждым членом нижней палаты, обсужден, обдуман, взвешен, разобран, оценен и одобрен. Подобные темпы законотворчества трудно сравнить с чем-либо, имевшим место в конгрессе за всю историю США. По зловещему стечению обстоятельств, подобное издание законов достойно сравнения с трафаретным законодательством банановых республик.

Способ, посредством которого демократическое большинство, а именно банкиры (по совместительству сенаторы) Оуэн и Гласе, принимали законопроект о Федеральной резервной системе, нашел отражение в речи сенатора от штата Канзас Бристоу. С трибуны верхней палаты конгресса лидер республиканцев объяснил, почему он не подписал бы доклад, принятый на конференции.

Лафоллет [(La Follette) Роберт Марион (1855-1925), один из лидеров прогрессистского движения в США, выступавшего против традиционной политики Республиканской и Демократической партий, сенатор с 1906. Независимый кандидат на президентских выборах 1924. Выступал за ограничение власти монополий. – Прим. перевод.]: «Не затруднило бы сенатора сообщить нам, кто принимал участие в конференции и отказался ли кто-либо из сенаторов в ней участвовать?».

Бристоу: «Меня никто не уведомлял о том, кто принял участие в конференции. Я был членом согласительной комиссии, организованной председателем Сената. Но я не имел никакого представления о заседании участников конференции до тех пор, пока доклад не был составлен, отпечатан и разложен на рабочие столы сенаторов. Тогда я был уведомлен председателем комиссии, что в четыре часа будет проходить заседание согласительной комиссии. Через два часа доклад согласительной комиссии был положен на мой стол. Во время конференция, в которой принимали участие члены обеих палат конгресса, обсуждался известный законопроект (H. R. 7837). Он предусматривает учреждение федеральных резервных банков, поддержание эластичного денежного обращения за счет переучитываемых коммерческих векселей, установление в Соединенных Штатах более эффективного контроля над банковской деятельностью, а также иные цели. Мы вместе с сенатором от штата Миннесота (господином Нельсоном) направились в конференц-зал, куда нас до этого пригласили. Там нас приняли председатель согласительной комиссии и ее члены от Демократической партии. Нам дали понять, что доклад по результатам конференции подготовлен. Нам предложили высказать свое мнение по поводу происходящего, но я предпочел отразить свое мнение в протоколе – там, где оно и должно появиться, – нежели в приватной обстановке конференц-зала. И я возьмусь за это этим утром. Я вижу, что данный доклад подписан членами комиссии от Демократической партии. Естественно, я не подписал его, поскольку мне никто не предложил этого сделать. И, в любом случае, я бы не поступил таким образом, поскольку в то время я не знал, что доклад подготовлен, я не имел никакого представления о его содержании, и у меня не было возможности выяснить что-либо о его содержании». [5. Congressional Record: Senate, December 23, 1913.]

Одним словом, лидер республиканцев не имел никакого представления о сути изложенного в законе, так же, как и не имел возможности ознакомиться с самим законом. Позже во время дебатов Бристоу открыто обвинил Оуэна во включении в законопроект положений, призванных гарантировать некоторые преимущества его собственному банку.

Процесс законодательства был отмечен серьезными злоупотреблениями – достаточными для того, чтобы аннулировать закон. Если бы наше общество руководствовалось нормами права, то не было бы никакого закона о Федеральной резервной системе.

И председатели комитетов по финансам, и конгрессмен Гласе, и сенатор Оуэн, – все они злоупотребляли своим служебным положением в личных интересах и в интересах банков. Они намеревались извлечь немалые прибыли в результате принятия законопроекта.

Обсуждения законопроекта проводились без предварительного извещения членов согласительной комиссии. Решения принимались и официально оформлялись без договоренности с членами согласительной комиссии. Основные параграфы были утверждены без консультации и в спешном порядке оформлены в окончательную редакцию. Существуют неоспоримые доказательства внешнего влияния на конгресс со стороны банковских кругов.

Даже по ознакомлению с нашим неглубоким изысканием можно сделать вывод, что закон о Федеральной резервной системе является сомнительным законодательством. Большинство конгрессменов не были осведомлены о содержании окончательной редакции законопроекта, и, по понятным причинам, никто не имел возможности изложить суть данной законодательной инициативы своим избирателям, а также посоветоваться с ними. Денежная монополия была передана немногочисленной группе при подозрительных обстоятельствах. 23 декабря 1913 г. конгрессмен Линдберг выразил это так:

«Данный закон установил наиболее гигантский трест в мире. Как только президент подпишет этот законопроект, финансовый клан его руками узаконит «невидимое правительство». Народ может и не узнать об этом сразу, но час расплаты не за горами».

Банкноты Федеральной резервной системы обнаруживают любопытное сочетание портретов президентов. На банкноте в сто тысяч долларов, обладающей наивысшим номиналом, изображен Вудро Вильсон – настоящий друг денежного треста. На следующей по ценности банкноте в десять тысяч долларов изображен портрет Самуэля Чейза – министра финансов при Линкольне. Чейз в интересах денежного треста протолкнул закон о национальном банке. Бену Франклину досталась стодолларовая банкнота (примечание автора).

Глава десятая

ФЕДЕРАЛЬНАЯ РЕЗЕРВНАЯ СИСТЕМА СЕГОДНЯ

В наши дни Федеральная резервная система беспрепятственно продолжает владеть монополией на выпуск денег – монополией, которой еще никто не бросил вызов. Федеральная резервная система защищена от контроля со стороны общественности и проверки официальной отчетности.

В данный момент Федеральная резервная система выполняет две функции:

- регулирует движение кредита и денежного потока для достижения конкретных экономических целей;

- контролирует коммерческие банки, то есть, большей частью, саму себя.

Центральным органом Федеральной резервной системы, вырабатывающим политический курс, является Совет управляющих, формируемый президентом и утверждаемый Сенатом. Каждый из двенадцати региональных банков системы возглавляет отдельный директор. Директоры подразделяются на три категории: категорию «А», категорию «В» и категорию «С». Директоры категории «А» представляют банковскую систему, директора категории «В» – промышленность, директора категории «С» предположительно представляют интересы общества.

На деле, директора категории «С» никогда не представляли интересов общества. Для банкира не является противоестественным послужить директором категории «А», а затем переменить и поработать немного директором категории «С».

Федеральная резервная система – это частный банк, которым владеют банки. Ее контроль над денежной массой является монополией, предоставленной конгрессом.

Федеральная резервная система настолько могущественна, что ни один конгрессмен не осмелится поставить на голосование даже самый рядовой вопрос, относящийся к ее деятельности.

Естественно, Федеральная резервная система не желает выслушивать вопросы со стороны любопытствующих граждан, и на то имеются все основания. Без преувеличений, это печатный станок, открыто признанный правительством США. Вот официальное заявление:

«Откуда Федеральная резервная система берет деньги для создания резервов банков?»

Она не «берет» деньги, а печатает их. Когда Федеральная резервная система выписывает чек, она тем самым выпускает денежные средства в обращение. Это и может привести к увеличению резервов банков – в форме бессрочных депозитов [Бессрочный депозит (депозит до востребования, депозит на текущем счете) – вклад в банке, который может быть переведен с помощью чека или изъят без предварительного уведомления. Если депозит изымается с предварительным уведомлением, то он переходит в категорию субститута денег, поскольку становится неликвидным. – Прим. перевод.] или наличных денег. Если клиент предпочитает наличные деньги, он может востребовать банкноты Федеральной резервной системы. Федеральная резервная система заставит министерство финансов напечатать их. Федеральная резервная система – это в чистом виде печатный станок. Она может выпускать деньги или выписывать чеки. И она никогда не имеет трудностей в компенсации чеков, поскольку может попросить министерство финансов напечатать пяти- и десятидолларовые казначейские билеты, необходимые для покрытия чеков». (Источник: Money Facts, published by the Committee on Banking and Currency, 1964, U. S. Congress).

Тогда в 1913 г. идея о создании Федеральной резервной системы – в сущности, центрального банка – преподносилась американскому народу двумя известными банкирами и президентом Вудро Вильсоном как план по учреждению института вне контроля и влияния банкиров. Мотивировалось это тем, что оставлять в руках у частных

лиц инструменты денежно-кредитной политики – слишком дорогое удовольствие. Тем не менее, в действительности «институт» как был, так и остается полностью подчиненным крупным нью-йоркским банкирским домам. Обман очевиден!

Самое первое заседание правления Федерального резервного банка Нью-Йорка прошло 5 октября 1914 г. в помещении Банка Манхаттана, располагавшегося на Уолл-стрит, 40. Позже Банк Манхаттана объединился с «Чейз нэшнл» в «Чейз Манхаттан банк». [«Чейз Манхаттан банк» – финансовый центр Рокфеллеров, основанный в 1955. Более 240 отделений в стране, широкая сеть представительств за рубежом (в т. ч. в Москве). Сумма баланса, собственный капитал, прибыль (млрд. долл.): 76,1; 0,776; 3,6 (кон. 1980-х гг.). – Прим. перевод.]

За недостатком места не будем затрагивать последующие два десятилетия и остановимся на середине 1970-х гг. Тогда ведущим директором Федерального резервного банка Нью-Йорка категории «А» был не кто иной, как председатель Трехсторонней комиссии – Дейвид Рокфеллер. Срок пребывания Рокфеллера на этом посту истек в 1976 г. и его заменили председателем «Морган гаранти траст». [«Morgan Guaranty Trust Company of New York» – один из ведущих коммерческих банков США, специализирующийся на доверительных операциях (управление имуществом, хранение ценностей, регистрация вновь выпускаемых акций и др.). Основан в 1959 в результате слияния двух банков как финансовый центр Морганов. Более 1,5 тыс. отделений в стране, филиалы за рубежом. – Прим. перевод.] Тем не менее, влияние Дейвида Рокфеллера сохранилось за счет назначения члена Трехсторонней комиссии Пола Волкера на позицию президента Федерального резервного банка Нью-Йорка, а также за счет назначения Г. Уильяма Миллера (члена консультативного совета Чейза) на пост председателя правления Федеральной резервной системы. На этом посту Миллер сменил члена Трехсторонней комиссии Артура Бернса. Позиция, которую занял Пол Волкер, была штатной. Это означало, что президент Федерального резервного банка Нью-Йорка не переизбирался с какой-либо заданной периодичностью.

Более того, остальные девять директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка были связаны с «Чейз Манхаттан банк». Например, трое директоров категории «В» являлись следующими фигурами. Председатель правления «Тексако» [«Техасо» – нефтяная компания США. Основана в 1902. Объем продаж 33,5 млрд. долл., чистая прибыль 1,3 млрд. долл., (на конец 1980-х гг.). Добыча нефти 49,5 млн. тонн. – Прим. перевод.] Морис Ф. Гренвилл, председатель правления «Юнион карбайд» [«Union Carbide» – химическая компания США, основанная в 1917. Выпускает также редкие металлы, ферросплавы. Один из крупнейших в США производителей урана. Объем продаж 8,3 млрд. долл., чистая прибыль 662 млн. долл. (конец 1980-х гг.).- Прим. перевод.] Уильям С. Снит и президент «Нью-Йорк телефон» Джон Р. Малхерн.

Давайте взглянем на жизненный путь Пола Волкера, бывшего президента Федерального резервного банка Нью-Йорка. В течение тридцати лет Волкер последовательно отработал (почти равные сроки) в Федеральном резервном банке, «Чейз Манхаттан банк», а также занимал положения в правительственном аппарате в Вашингтоне на должностях лишь несколько ниже положений членов кабинета министров. Волкер – яркий пример человека, обладающего так называемой «бешеной активностью» в деле восхождения по карьерной лестнице. Он типичный представитель интересов

Трехсторонней комиссии, преследующий ее главную цель – «стереть все различия между государственными и частными институтами».

Пол Волкер родился в 1927 г. в Нью-Джерси. Свою первую ученую степень он получил в Принстоне, а степень магистра гуманитарных наук – в Гарварде.

Докторантуру Волкер закончил в Лондонской школе экономики – известной колыбели британского социализма. В 1952 г. сразу же по окончании Лондонской школы экономики Волкер поступил на работу в Федеральный резервный банк Нью-Йорка на должность экономиста. Там он прослужил пять лет и в 1957 г. покинул Либерти-стрит для того, чтобы обосноваться в «Чейз Манхаттан банк» – снова в должности экономиста. В «Чейз Манхаттан банк» Волкер прослужил четыре года и в 1961 г. переехал в Вашингтон, где был принят в министерство финансов. Таким образом, Волкер оставил за спиной первые три ступени служебной лестницы. Будучи назначенным на пост помощника заместителя министра по денежно-кредитным делам, Волкер занимал данную должность в течение времени, необходимого для того, чтобы узнать все ходы и выходы в Вашингтоне. Затем он вернулся в Нью-Йорк в «Чейз Манхаттан банк», где был назначен на должность вице-президента по вопросам планирования. По прошествии трех лет в 1969 г. Волкер оставляет должность вице-президента и становится заместителем министра по денежно-кредитным делам в министерстве финансов США. Еще через пять лет Волкера назначают на пост президента Федерального резервного банка Нью-Йорка. Таким образом, Волкер преодолевает очередные три ступени служебной лестницы.

Одновременно Волкер являлся членом Совета по внешним сношениям (Фонд Рокфеллера) и членом общества американских друзей Лондонской школы экономики.

Если бы Пол Волкер был единичным явлением, мы бы ни в коем случае не говорили о контроле над Федеральной резервной системой со стороны Трехсторонней комиссии. На деле, феномен Волкера – один из многих подобных случаев.

Служебная лестница Пола Волкера – члена Трехсторонней комиссии

1952-57 Федеральный резервный банк Нью-Йорка, экономист

1957-61 «Чейз Манхаттан банк», экономист

1962-63 Министерство финансов США

1963-65 Министерство финансов США, помощник заместителя министра по денежно-кредитным делам 1965-68 «Чейз Манхаттан банк», вице-президент по вопросам планирования

1969-74 Министерство финансов США, заместитель министра по денежно-кредитным делам

1975 Федеральный резервный банк Нью-Йорка, президент

Де-юре Совет управляющих Федеральной резервной системы формирует президент государства, де-факто – те самые круги, об отсутствии которых в будущем в Федеральной резервной системе заверял американский народ Вудро Вильсон. Председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы был Уильям Г. М'Аду – известная фигура с Уолл-стрит, бывший министр финансов и зять Вудро Вильсона. Ключевое положение занимал Пауль М. Варбург – немецкий банкир и незримый генератор идей. Семья Варбургов контролировала Банк Манхаттана. Также в Совете был представлен Чарльз С. Хамлин из фонда Карнеги «За международный мир». Еще одним членом Совета управляющих Федеральной резервной системы являлся банкир В. П. Г. Гардинг. Дядя Франклина Д. Рузвельта Фредерик А. Рузвельт занимал положение заместителя управляющего Совета – весьма подходящее для него место, поскольку «респектабельные» Рузвельты вели свое происхождение от старинного рода нью-йоркских банкиров. Очередным членом Совета управляющих Федеральной резервной системы являлся Джон Скелтон Уильямс – президент «Ричмонд траст компани». Таким образом, из первоначального состава Совета управляющих явствует, что представители элиты и банковских кругов отстаивают собственные интересы в Федеральной резервной системе с тех самых пор.

Член Трехсторонней комиссии Артур М. Берне был председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы с 1970 по 1978 гг. Политику Федеральной резервной системы в значительной степени определял он – последнее слово было за ним. Согласно члену Совета управляющих Федеральной резервной системы и участнику Трехсторонней комиссии Эндрю Бриммеру, «Артур Берне напрямую участвовал в выборе каждого члена совета».

Трехсторонняя комиссия оказывает влияние на внутреннюю денежную систему. Это заставляет нас выявить возможную связь данного влияния с целями Трехсторонней комиссии на международном уровне.

Высшие должностные лица и аналитики Трехсторонней комиссии прекрасно понимают, что мировая денежная система – со всеми выпущенными в оборот деньгами в виде резервных активов – находится на грани коллапса. Известно, что Трехсторонние документы рассматривают мировые денежные системы (на пути к обновленной мировой денежной системе). Их авторами стали: Ричард Н. Купер (будущий заместитель министра по экономическим делам), Моту Каджи – профессор экономики Токийского университета (автор книги на японском языке «Gendai No Kokusai Kinyu» – «Современные международные денежные дела») и Клаудио Сегре – французский банкир, связанный с Compagnie Europeenne de Placements.

Трехсторонний документ №1 ставит две задачи глобального уровня:

- как достичь полной занятости, избежав «галолирующей» инфляции;
- как объединить «плановые» национальные хозяйства во «взаимовыгодную мировую экономику».

Необходимо помнить обо всех взятых Трехсторонней комиссией обязательствах. Члены Трехсторонней комиссии не ищут «решения» мировых финансовых проблем –

они ищут «решение», согласующееся с их собственными целями. И они будут содействовать продвижению этого «решения». Эти цели таковы:

- плановое хозяйство, то есть хозяйство, планируемое Трехсторонней комиссией;
- «новый мировой порядок» данных плановых хозяйств (экономик).

В очередной раз мы наблюдаем подтасовку проблемы Трехсторонней комиссией в угоду собственным целям. Почти каждый день мы обнаруживаем проявления борьбы за сохранение влияния над денежной системой США – для достижения цели создания мировой федеральной резервной системы.

Федеральная резервная система монетизирует внешний долг

В начале 1980-х гг. Федеральная резервная система выбила у конгресса с помощью Пола Волкера очередное расширение денежного кредита посредством монетизации внешнего долга. [Монетизация долга – превращение долга в наличные деньги; процесс, в результате которого долг погашается по истечении его срока (или раньше) без эмиссии нового долга. США остаются лидерами по объему внешнего долга: на конец 1999 г. внешняя задолженность США составила порядка 700 млрд. долл. – Прим. перевод.]

Так называемый закон об отмене государственного регулирования депозитных учреждений и денежно-кредитном контроле 1980 г. призван своим названием ввести общественность в заблуждение. [По другому – закон о дерегулировании депозитных институтов и денежно-кредитном контроле (DIDMCA). Самый обширный законодательный акт, относящийся к банковской системе и финансовому рынку со времен принятия закона о Федеральной резервной системе. – Прим. перевод.] На деле данный закон предоставляет Федеральной резервной системе полномочия по контролю над всеми банками (хотя бы этого или нет) и увеличению массы неразменных бумажных денег путем монетизации внешнего долга (это мало чем отличается от обычного выпуска неразменных денег).

В очередной раз Федеральная резервная система сделала все, что было в ее силах, для избежания огласки. Только конгрессмен доктор Рон Пол заметил оговорку о монетизации внешнего долга. С целью не дать делу хода председатель банковского комитета спешно согласился с просьбой Пола удалить данную оговорку: «Вы хотите, чтобы мы ее убрали? Хорошо, мы ее устраним».

Далее повторяются все те нарушения Конституции, которые имели место в случае с принятием законопроекта о Федеральной резервной системе в 1913 г. Палата представителей одобряет законопроект, в который не включается оговорка о монетизации внешнего долга. Но на заседании согласительной комиссии оговорку бесшумно помещают в документ, таким образом оговорка становится частью закона, принятого обеими палатами конгресса. Мы сомневаемся в том, что кто-либо из членов нижней палаты конгресса знал, что оговорка была включена в окончательный законопроект. Это и есть способ, которым Федеральная резервная система оказывает влияние на законодательную власть в наши дни.

Бесшумно, без фанфар – под молчаливое согласие массы ни о чем не подозревающих граждан – банкиры всего мира сооружают «международный печатный станок»: международную федеральную резервную систему, призванную контролировать мировой финансово-экономический порядок.

Первые элементы этого «мирового печатного станка» можно обнаружить в 1920-е гг. в лице Лиги наций и Банка международных расчетов. После Второй мировой войны для глобализации кредитования были учреждены Международный валютный фонд и Мировой банк.

Затем в конце 1950-х гг. наступила эпоха рынка евродолларов – ныне крупного международного рынка депозитов и кредитов, выраженных в депонированных за пределами Соединенных Штатов долларах. В свете минувших исторических событий можно говорить о том, что рынок евродолларов явился первым шагом на пути к глобальной долларовой системе. Операции с евродолларами осуществляются банками, расположенными за пределами Соединенных Штатов, а также учреждениями, не подчиняющимися инструкциям и ограничениям, действующим в банковской системе США.

Бывший председатель правления Федерального резервного банка Пол А. Волкер четко выполнил свои служебные обязанности по назначению управляющих в Совет Федеральной резервной системы – с целью поддержать политику его председателя.

В связи с назначением Клинтоном Алана Блайндера, Волкер отметил:

«Я думаю, вице-председатель ответственен за то, чтобы в публичных заявлениях поддерживать нашу политику. Если в итоге имеется какое-либо расхождение во мнениях, то не нужно выносить сор из избы – ему следует поддержать наше учреждение».

Одним словом, интересы нью-йоркских банкиров должны превалировать над личным мнением вице-председателя Совета либо любого нижестоящего руководителя. Все это очень сильно напоминает монополию «закрытого» предприятия. [«Закрытое» предприятие – организация, принимающая на работу только членов профсоюза. «Закрытые» предприятия предоставляют профсоюзу монопольную власть в сфере контроля над предложением рабочей силы. Подобные предприятия и профсоюзы могут заключать соглашения по монополизации какой-либо отрасли промышленности. Именно по этим причинам в США «закрытые» предприятия объявлены незаконными. – Прим. перевод.]

Алан Блайндер, парируя критику в свой адрес насчет того, что он сказал слишком много, сделал разоблачительное заявление: «Принимаемые нами решения не могут быть отменены каким-либо государственным органом» («Нью-Йорк Таймс», 26 сентября 1994 г.).

Федеральная резервная система – это частная монополия на денежный кредит, узаконенная конгрессом при весьма подозрительных обстоятельствах, и формально подчиненная председателю Совета управляющих. Выносимые Федеральной резерв-

ной системой решения не могут быть изменены правительством США или кем-либо другим.

И это свободное общество, руководствующееся нормами права? Соединенные Штаты фактически оказались в заложниках у горстки международных банкиров. И пусть хоть один конгрессмен осмелится бросить вызов господству Федеральной резервной системы!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. A REPORT ON THE ABUSE OF POWER

Editor: Antony C. Sutton. September 1996 Vol.15, No.9

СКРЫТАЯ ВЛАСТЬ АМЕРИКИ

Постепенно о книжной серии «Скрытая власть Америки» (издательство Либерти хаус пресс, Биллингз, МТ) становится известно за пределами Соединенных Штатов. Она не имеет широкого распространения в США, хотя книжные магазины готовы делать заказы на единичные экземпляры по просьбе покупателей, а некоторые торговые точки запаслись книгами на многие годы.

На протяжении более десяти лет наблюдался постоянный, хотя и небольшой, рост продажи книг в ФЕНИКСЕ благодаря усилиям ныне покойного Джонни Джонсона, а затем, около восьми лет назад, в Биллингзе, штат Монтана, благодаря усилиям Дона и Джули Педен. Без этих стойких и преданных соратников (которые профессионально не заняты в книгоиздательском деле) исследования из серии «Скрытая власть Америки» не были бы известны в США.

Средства массовой информации и политические группировки используют весьма эффективную меру – не допускают широкой продажи данных книг в Соединенных Штатах. И на то есть причины.

Около десяти лет назад автор данной статьи был приглашен на закрытую встречу в крупное имение недалеко от Мехико для переговоров с примерно пятьюдесятью латиноамериканскими банкирами, политическими деятелями и учеными. Цель была следующей. Подытожить содержание исследования «Скрытая власть Америки» для этой группы людей. Там мы узнали о том, что латиноамериканские банкиры считают себя более осведомленными в данном вопросе, нежели банкиры Нью-Йорка; что ростовщичество запрещено католической церковью; и, что латиноамериканские ученые не понаслышке знают о том, что представляют из себя бизнес Уолл-стрит и Новый мировой порядок, относятся к ним неодобрительно.

Согласно этим просвещенным латиноамериканцам, помощь Уолл-стрит, оказанная СССР, была типичным двурушничеством «америкосов», не вызывающим у них удивления. Один из участников встречи, профессор права из Кордовского университета в Аргентине, сделал примечательное заявление: «Ваши работы больше известны среди ученых и чиновников Латинской Америки, чем в Соединенных Штатах». Впоследствии эта группа людей профинансировала издание брошюры на испанском языке, обобщающей наше исследование, с целью распространения в Латинской Америке.

Другой пример. В 1995 г. крупный кинорежиссер из Европы связался с нами, чтобы получить технические советы по созданию одночасового фильма о «тайном правительстве». Сейчас данный фильм находится в стадии монтажа и выйдет на экраны в Европе в следующем году. Голливуд, разумеется, настолько увлечен пропагандой насилия в своих фильмах, что не в состоянии трезво взглянуть на политику и интересы Америки, и мы можем представить себе, как сдержанно воспримут этот фильм нью-йоркские заправилы средств массовой информации.

В-третьих, сразу же после того, как коммунисты были свергнуты в СССР, русские издатели обратили свой взор на запад в поисках исследований для пробудившейся российской общественности. Одной из первых книг, переведенных на русский язык, стала книга «Как орден организует войны и революции», сочиненная русскими издателями более важной, нежели произведения авторов Нового мирового порядка, таких, как Генри Киссинджер, работавших рука об руку с Советским Союзом. Мы знаем, что материалы Совета по международным отношениям стали полностью доступными для перевода, и что Фонд Карнеги даже открыл в Москве свое представительство. Однако его работа продвигается довольно слабо. Что касается Горбачева – этого друга Нового мирового порядка, – то он не получил никакой поддержки в России и на президентских выборах его аудитория состояла, в основном, из зарубежных журналистов.

Первое издание исследования «Как орден организует войны и революции» вышло в России тиражом 10000 экземпляров! Это больше чем мы продали в США с 1980 (лимит в 10000 был оговорен нами, а не российскими издателями).

Книги, издаваемые в России, включают в себя указание тиража экземпляров, которое печатается на последней странице. [Далее в оригинале воспроизводится факсимиле с данными типографии – ред.]

Мы хотим обратить внимание на то, что в то время как книги серии «Скрытая власть Америки» остаются в США практически неизвестными, они приобрели известность в мире собственными силами, без какой-либо помощи со стороны США и, конечно, без содействия автора. По-настоящему значимым является то обстоятельство, что каждая из этих трех групп представляет проамерикански настроенные интеллектуальные круги своих стран. Это думающая интеллигенция России, Европы и стран Латинской Америки.

В Москве русское издательство «ПАЛЛАДА» [в действительности, аналитический отдел Российского общенародного движения – ред.] организовала в апреле 1996 г. публичную дискуссию. Мы были приглашены, но не смогли присутствовать. Издатель позже писал: «Некоторые участники прочли Ваши исследования на английском языке. Семинар прошел успешно, и все по достоинству оценили Вашу работу. Единственное, о чем я сожалею, так это то, что сам автор не присутствовал на этой важной презентации».

В свою очередь здесь, в США, мы находим необычным то обстоятельство, что даже среди выступающих против объединенного демократическо-республиканского диктатора данная книга неизвестна и публично не обсуждалась. Не раз Бьюкенен, Перо или Лэмм цитировали нашу книгу, которая полностью подтверждает их ведущую тему о

том, что крупные предприниматели управляют Соединенными Штатами. Создается впечатление, что эти политические деятели лишь организуют видимость борьбы.

Миллионы американцев знают о влиянии группы крупных предпринимателей, но они не знают их поименно. А это и есть та самая услуга, которую могли бы оказать политики, выступающие против «тайного правительства».

Таким образом, складывается необычная ситуация: интеллигенция России, Европы и стран Латинской Америки более информирована о структуре политики США, нежели американские избиратели. У нас имеется множество писем, авторы которых предполагают, что Перо и партия реформистов создают видимость политической борьбы, когда они говорят о сокращении дефицита, условиях ограничения и т. п. – одним словом, по мнению авторов, все это разновидность мошенничества. Однако мы не уверены, так ли это. Мы не можем не признать, что Росс Перо выдвинул свою кандидатуру на президентский пост, руководствуясь чувством долга, потому что он любит Соединенные Штаты, и автор не считает себя вправе ставить под вопрос это предположение. Однако мы можем заявить о том, что критика Бьюкенена, Перо и Лэмма может только показаться резкой, но на самом деле она поверхностна. Их критика не касается ключевых проблем, она не оглашает имен, не делает достоянием общественности количество нераскрытых дел. Перо замолкает, как только дело доходит до опасных тем, а Лэмм не идет дальше разговоров о «правах» и своих внуках.

Общее впечатление от такой «критики» просто смехотворно, хотя, может быть, они просто не в курсе дела. Публичные дебаты в Москве основывались на более точных данных, чем подобные обсуждения в Вашингтоне или Нью-Йорке. Мы подозреваем, что основная причина кроется в системе образования. Мозги американцев промывают уродливой системой школьного образования, а также воззрениями ученых, чьи умозаключения не подлежат сомнению, и косными СМИ с узким кругозором. Более умные и тонко чувствующие граждане понимают реальное положение вещей, но многие из них являются нашими читателями.

В течение прошлого года несколько важных исследований были опубликованы в США, которые включали оригинальные сведения о «Скрытой власти Америки», представляя их в более широком масштабе. Например, «Кто есть кто в элите» (Роберт Гейлон Росс-старший) и «Круг интриг» Тексе Маррса. Следует заметить, что эти книги были опубликованы не издательствами, а частными лицами! Эти частные лица, продумав все, пришли к выводу, что общественность нуждается в правдивой информации о «тайном правительстве». Мы хотим еще раз подчеркнуть, что это не были специалисты, или издатели. Это были частные лица, задавленные системой предприниматели и одиночки, которые действовали сами, без посторонней помощи и одобрения, просто потому, что они чувствовали, что делают правое дело.

Короче говоря, если цензура в Соединенных Штатах и будет отменена, то только благодаря усилиям этих людей (подобных читателям «Письма Феникса»). Они налаживают свои собственные контакты и объединения, чтобы обойти политическую сеть цензуры в средствах массовой информации и найти путь к огромному числу неосведомленных граждан.

Энтони Саттон

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПЕРЛ-ХАРБОР 2

«Насколько сильна власть банкиров над Америкой, и существует ли раскол между банкирами во взглядах, как дальше развиваться им самим: как паразитам или следует переосмыслить свою позицию, иначе придет момент, когда настанет конец и им самим?»

Банкиры в Америке сидят в тени, они практически не высовываются, о них практически не говорят. И при чем, что интересно – муссируется несколько символических имен, даже не столько Ротшильды, сколько Рокфеллеры. А Рокфеллеры – это дворцовые щенки на большой псарне по сравнению с теми людьми, которые руководят не только миром, но и Америкой.

Вот, например, я встречался незадолго до увольнения (ему уже было все равно) с Джеки Рубин, он был министром финансов. Встречались мы с ним в Международном валютном фонде, там, где у них склад золотых слитков (под Нью-Йорком, наверное, больше чем в Форт-Ноксе лежит всего, там магнитное поле нездоровое). Он подарил мне неразрезанный лист напечатанных однодолларовых купюр с автографом, я побоялся его выносить, но не об этом речь. Так вот он, года три назад, показал мне купюры, напечатанные, они были больше, чем обычные – тысячного достоинства, пятидесятичного и десять тысяч долларов. На этих купюрах уже не было портретов президентов. До сотни долларов – там президенты. Он сказал: «Это рабы, а вот это рабовладельцы». Кто же там был? Шиф, Лейба, Кун, Барух. В париках их предки. Так, на купюрах, которые не имеют хождения среди народа, уже напечатаны портреты тех, кто реально правит миром. Банкиры сидят в тени, и богатства всего мира принадлежат им. Они реально правят не только Америкой, но и всем миром.

Как это случилось? В 1915 году [в 1913 г. – ред.] президент Вильсон создал федеральную систему и ликвидировал государственный банк, мы получили оригинальное понятие: Федеральная резервная система, то есть группа вот этих самых богатых еврейских банкиров взяла на себя обязательства государственного банка. Она как бы слилась воедино. И получается парадоксальная система: весь мир должен Америке, и каждый американец, только родившись, тоже должен Америке около 60 тысяч долларов. Почему? Национального банка нет. Эта Федеральная резервная система, которая существует, она контролирует не только Америку, но и все страны мира. И получается, что эта зеленая, ничем не обеспеченная бумажка, фантик, контролирует мир. Ничем не обеспеченная бумажка со времен Джонсона, за ней нет ни золота, ни земли, ни ценностей и она контролирует мир. Только потому, что средство обмена. И получается, что для этой системы Америка – один из субъектов, но не единственный. Как, например, для Баруха Коста-Рика, или Франция, или Россия. Как один из объектов его личных интересов. И поэтому эти самые богатейшие люди в мире, они не хранят свои богатства в одном банке.

Знаете, есть такое понятие – топлистид-банк, 100 самых главных, потом списочные. Так вот, попробуйте найти там «Стандарт Чартер Банк», банк, который существует с 1613 года. Ведь неслучайно в первую башню долбанул самолет, именно в ту, в которой расположена штаб-квартира «Стандарт Чартер Банк», точнее его «интернешенел дипартамент», неслучайно там сгорели миллиарды долларов и расплавились десятки тонн золота. Это было неслучайно. А что же это за банк, штаб-квартира которого

находится в Лондоне, а сам он существует с 1613 года? Чем же занимается этот таинственный банк? Я узнал, чем он занимается. Есть такой комический актер в Америке – Лайнел Брайн, мой близкий знакомый. Так вот его брат устроился по благу в информационную систему контроля над мировыми трансфертами. «Стандарт Чартер Банк» – это банк банков мирового правительства. Неслучайно первый самолет спикировал именно туда. Это удар по чреву мирового правительства, по Кашеевой душе. Если бы люди не знали этого, то они выбрали бы другой объект. Это был несчастный удар. Этого банка нет ни в одном списке банков, а, тем не менее, он контролирует все расчеты в мире. Отслеживает и контролирует все финансовые расчеты со скоростью 20 миллиардов долларов в минуту по всему миру. Поэтому, как только господин К. «дунул» через частный банк «Сабр» 8 миллиардов 200 миллионов, я подумал, завтра быть убийству. Завтра Сабра убили, он мылся в бане. И у меня была вся расшифровка, куда делись эти деньги, как они были расписаны, куда уведены, но причина как бы исчезла. Информация оказалась бесполезна.

Почему же это не разоблачили? Почему «Интерпол» не расследует этого, думаете, у него нет тех сведений, что у меня? Есть, но у них есть хозяева. Они хотят расчленить Россию: отдать японцам Курилы, финнам – Карелию, Калининград -Восточной Пруссии. Зачем им Петербург – окно в Европу? Зачем окно, достаточно одной щелочки, чтобы подглядывать.

И за всем этим стоит тень упомянутых личностей, о которых никто не говорит. Рокфеллера, Ротшильда выставляют как мальчика на побегушках. А про настоящих, например, Баруха, никто не говорит. Их как бы нет.

А есть банкиры круче Баруха?

Круче Баруха нет. Это триллионер. А выставляет вместо себя принца.

А Оппенгеймер?

Оппенгеймер, да, он входит в число крупнейших, но это все равно не самый верхний слой.

На Баруха замыкается вся эта финансовая пирамида. А на чем основана такая власть Баруха? Какая у него концепция управления, ведь он же – не порождение 20 века? Наверное, древние корни?

Не столько древние, сколько средневековые. Это была особая семья, связанная со всякими мистическими движениями в иудаизме, с тех пор они в тени и остались. Через финансирование еврейских общин, через протекцию всяким деятелям, так и остались. Но это отдельный большой разговор. Я хотел обратить внимание, что они реально руководят Америкой. Они даже не входят в так называемое «мировое правительство». Клуб Бельдербергеров. Не все знают, что 63 члена клуба Бельдербергеров. 63-им членом значится единственный от России – Чубайс. Я слышал, ему предлагали место министра, Чубайс ухмыльнулся, я понял его: «Нет, что вы, мне это не надо». Конечно, зачем быть министром какого-то периферийного правительства ему, который, образно говоря, сам является министром мирового правительства! В этом его неуязвимость. Конечно, допускается критика, разборки, но это все игра марио-

неток. И всем этим дирижирует Лейба, Барух, Шиф, Кун, их семейства, которые переплелись друг с другом родственно. И они же, одновременно, возглавляют мировое масонство, не только шотландского толка, но и шведского толка.

Приходила ли им в голову мысль, что при таком управлении общество придет в мировую разбалансировку, прежде всего биосферы, и может случиться мировой катаклизм, от которого и им не поздоровится? Или им на все наплевать, и они видят только свои интересы? О биосфере думают?

Вы знаете, они – мистики. И, скорее всего, они этого не понимают. Они свято верят в то, что грядет еврейский мессия, и они как цари царей войдут с золотыми коронами в мировую власть, поделят всю собственность, всех гоев планеты на доли, которые они установят между собой. Они свято в это верят. Например, когда прошел слух о том, что этот мессия где-то воспрянет, встанет на ноги, я наблюдал удивительную картину. По всему Нью-Йорку прошло уникальное учение по перелету евреев в Иерусалим: слетелись все евреи, даже из Японии, были оккупированы все самолеты – по всей стране ни одного свободного чартерного рейса-и они устремились туда. Все отели Нью-Йорка были зарезервированы для японских евреев. В чем дело? Ёлки-палки!

В Японии они тоже есть?

Да. В банковской системе Японии, как и в китайской, они играют большую роль. В Индии все богатые семьи, все финансовые воротилы – индийские евреи. Нищий народ – это индусы, коренное население. Недавно они, эти «воротилы», вдруг навели шорох – это я отвлекаюсь от темы. 4 миллиона 700 тысяч индийских евреев разом заявили о своем желании переселиться в Израиль. Что случилось? Оказывается, в окрестностях Масличной горы кончается место для захоронений. Странный поворот. Я об этом уже писал. Похороненные на этой горе люди сразу же, как им кажется, отлетают в рай. Кстати, Пугачева купила себе место за 100 тысяч долларов – и для себя, и для Филиппа. Состоялось два заседания Кнессета, решали, как сдержать наплыв индийских евреев. Ведь они собрались туда махом, все, чтобы хоть вертикально, но захоронили. В Индии та же ситуация, что и в России: богатые евреи и инородцы процветают, а коренное население бедствует. Какой же это, ребята, капитализм, какая справедливость?

А что вы можете сказать о Бен Ладене?

Бен Ладен был учеником тех учителей, которые пытаются его сейчас ругать. Кстати, в Нью-Йорке на следующий день после налета был организован фонд в 1 миллиард долларов для поимки Бен Ладена. Основатель фонда аноним. Вот сколько стоят трюки и как не жалеют денег, когда нужно замаскировать Перл-Харбор-2.

Значит, вы считаете, что пока власть банкиров над Америкой сильна?

Не только над Америкой, а над всем миром! То, что происходит в финансовом мире России, Армении, Грузии, какой-то провинциальной Латвии, – все находится под лапой Баруха и им подобных. Но публично они нигде не фигурируют, их как бы нет. Не смотря на то, что они самые самые известные. То есть, они тайные, мистифициро-

ванные, они очень самоуверенные и от этого они уязвимы, сильно уязвимы. Они возглавляют мировое масонство.

Но история знает примеры, когда эти «крутые» масоны пускали под нож наиболее засветившуюся в чем-то часть масонства или того же еврейства. Для наших масонов, да и некоторых супербогатых евреев, было бы неплохо узнать от вас, могут ли их пустить под нож, если они слишком засветятся?

Или будут плохо работать.

С кем им лучше быть: с мировыми банкирами или все-таки посовеститься, покаяться и перейти на сторону народа?

Конечно, с народом быть лучше. Почему? Потому что – они могут даже и работать, и выполнять все прекрасно, но – в силу неожиданного поворота некоторых сюжетов глобального характера местные банковские и финансовые группы легко могут стать жертвой. Жертвами во благо остальной мировой финансовой системы. Тот, кто глобально руководит банковской системой, он враг местным частным финансовым группам. Это только кажется, что между ними существует симбиоз, на самом деле его нет, и не может быть! При необходимости «мелочевку» могут пустить под нож.

Вот пример с Французской революцией. Кто и по какому сигналу ее начал? Начинали исключительно масоны по сюжету, который сами же великие братья разработали, а через год они пошли под гильотину. Чик, и головы отлетели, освобождай место другой более циничной ветви. Поэтому российские банкиры ведут себя очень и очень неосторожно. Их используют, а они этого не замечают. Они думают, что они хозяева положения. Нет! На самом деле в системе миллионеров, мультимиллиардеров и триллионеров они являются тем же, чем дворник для жилконторы. Его могут уволить, могут поругать, могут просто не заметить.

Интересы локальных бизнесов часто наталкиваются на интересы глобальных. И в этом плане существует много международных организаций, например, Всемирная торговая организация. Они якобы регулируют. На самом деле, например, современной России сейчас в таком положении входить туда – это значит заведомо поставить крест на своей промышленности, сельском хозяйстве и превратить Россию в банкрота. Почему? Да потому, что надо хотя бы дорасти до уровня 80% своей конкурентноспособности от уровней развитых экономических стран. После этого можно говорить о чем-то равном.

Сейчас мы в состоянии разброда, шатаний и развала, мы не способны конкурировать.

Фрагмент интервью В. С. Герасимова
газете «Общество и экология», №29, 20 октября 2001 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. РОТШИЛЬДЫ И РАЗВАЛ СССР

Семейный клан Ротшильдов, основанный в Германии два с половиной века тому назад, – самая мощная финансовая сила Европы, контролирующая все без исключения западноевропейские финансовые рынки и давно рвущаяся на Восток, в Россию.

В начале века экономика России едва не перешла под контроль приказчиков Ротшильда по воле царских министров, но и тех и других смела Большевицкая революция. В середине века Ротшильды сделали ставку на гитлеровский драгг-нахостен, однако триумфальная победа русских превратила СССР в великую сверхдержаву и закрыла ее от Запада непроницаемо железным занавесом. В конце века ротшильды встали во главе геополитического заговора против СССР, причем настолько мощного, что весной 1991 года о нем публично был вынужден заявить тогдашний советский премьер-министр Валентин Павлов.

К концу 80-х годов перестройщики-горбачевцы уже почти ничего не боялись и вполне открыто приватизировали страну. Стремясь сохранить этот процесс под контролем, Горбачев санкционировал создание в Москве мощного международного коммерческого «Банка общественного финансирования и кредитования национальных программ» (БНП). Его основными акционерами должны были стать швейцарский банк Ротшильдов Banque Privée Edmond de Rothschild SA, крупнейшие американские финансовые корпорации Морганов и Рокфеллеров, а также французский Credit Lyonnais и английский Barclays Bank PLC. Советская сторона планировалась быть представленной Управлением делами ЦК КПСС (Михаил Горбачев), Управделами МК и МГК КПСС (Борис Ельцин), Советским фондом культуры (Раиса Горбачева), Мосгоруправлением Жилсоцбанка СССР (Георгий Соколов), Внешней разведкой КГБ СССР (Леонид Шебаршин), а также двумя совместными предприятиями «Совхалиж-Интербайт» (Лев Горский) и «Лесинвест» (Виталий Ашхамаф).

Если с четой Горбачевых и кланом Ельцины все было ясно, то подключение к созданию БНП совместных предприятий вызвало довольно неожиданную реакцию союзного КГБ, который, подойдя к данному проекту как к делу первостепенной государственной важности, решил отработать по полной программе и вдруг официально заявил, что руководители указанных СП связаны с международной мафией! Дальше – больше, гэбэшники выяснили, что председатель московского Жилсоцбанка Соколов, один из авторов ноу-хау по крупномасштабной конвертации «деревянных» рублей в СКВ, вполне может быть подведен ими под расстрел за незаконные валютные операции в особо крупных размерах.

Конвертационными сделками, или «озеленением», как это называл сам Соколов, он занимался вместе с директором «Совхалиж-Интербайта» Горским по заказу Международной топливно-энергетической ассоциации, которая функционировала главным образом в интересах все тех же Ротшильдов и при поддержке с советской стороны очень влиятельных лиц. Причем к своей деятельности ассоциация подключила Комиссию по изучению природных сил и ресурсов Академии Наук СССР, ибо Ротшильды требовали провести тотальную инвентаризацию всех континентальных ресурсов.

В итоге разразился очень тихий, но невероятной силы скандал, в результате чего, например, Жилсоцбанк был вообще упразднен как таковой, СП «Лесинвест» полно-

стью поменяло своих владельцев, а идея официального прихода капиталов Ротшильдов в экономику СССР оказалась похороненной на неопределенный срок. Однако собственно заговор банкиров приобрел новый мощный импульс.

Дело в том, что в США как раз в 1950 году получили огласку факты прямого участия американских банков Морганов («Морган гаранти траст») и Рокфеллеров («Чейз Манхаттан бэнк») в легализации средств крупнейших международных наркосиндикатов с центрами в Кали и Медельине. Из Северной Америки, как вскоре выяснилось, поток наркодолларов широкой рекой тек в Швейцарию, традиционно славящуюся своими сверхнадежными банками и уже давно превратившуюся для международного наркобизнеса в узловой пункт, где аккумулируются все основные денежные потоки криминального происхождения.

Естественно, что львиная доля этих средств оседала в банках Ротшильдов, которые наряду с обычными формами «отмывки» использовали еще одну суперэффективную схему: братья-банкиры Ги и Давид де Ротшильд, получив очередную партию наркодолларов, отправлялись в офис Объединенного социального еврейского фонда, президентом и казначеем которого они являлись, и делали соответствующий взнос в пользу Израиля от имени этой крупнейшей сионистской организации Франции. Понятно, что французские власти никогда не совали нос в дела еврейского фонда, а сионисты, получив от Ротшильдов деньги, реинвестировали их по всему миру уже на совершенно законных основаниях, так как «отмывка» проходила на уровне государства Израиль, кровно заинтересованного в прокрутке этих денег. Данная схема, к слову сказать, проливает некоторый свет и на такую малоизученную проблему, как «еврейская» мафия: эффективное использование израильского канала банкирами дало им первоклассный инструмент для контроля над международной преступностью и, в конечном счете, они явно монополизировали сферу легализации крупных криминальных доходов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В частности, назревавший международный скандал по поводу участия Морганов и Рокфеллеров в наркобизнесе, словно по мановению волшебной палочки, был погашен, а всем заинтересованным сторонам предложено гениальное решение – ко всеобщей коммерческой, политической и идеологической выгоде вложить наркодоллары в советскую перестройку!

Правительство США и Интерпол закрыли глаза на перекачку через американские банки в Швейцарию долларов латиноамериканской наркомафии, Моссад и ЦРУ вышли на нужных людей в Москве и быстро подобрали шустрого агента, ранее уже имевшего прямые контакты с российским руководством в ходе известной «алмазной» аферы с концерном «Де Бирс», южно-африканским предприятием Ротшильдов.

Агенту тут же слепили фирмочку в ЮАР, сняли для нее офис в лондонском многоэтажном флэтарики, снабдили приличным костюмом и баксами, а затем, присовокупив рекомендательные письма от самого «Барклайз Бэнк», забросили в СССР, где его уже ждали подручные шефа внешней разведки г-на Шебаршина, но отнюдь не с наручниками, а с распростертыми объятиями, так как этот агент был агентом-двойником, работавшим и на советскую разведку. Во всяком случае, так писала вся демократическая печать.

Машина заработала. Агенты влияния засуетились. Мафия заволновалась. Чекисты оживились. И пошло, и поехало. Установился базовый обменный курс за 1 доллар – 18 рублей, а дальше шло по нарастающей аж до 24 рублей за доллар. Всего на сумму 140 миллиардов рублей.

Сделка была официально одобрена Совмином России, и рядом с подписью липового «английского» бизнесмена из ЮАР свою многозначительную закорючку нацарапал российский министр Фильшин. Всего же Совмин России в 1990 году, без официального уведомления союзных властей санкционировав еще две аналогичные конвертационные сделки, вышел на сумму свыше 2 триллионов рублей, а хлеб тогда, между прочим, стоил 20 копеек за батон... То есть Ротшильдам, за гроши, по грабительскому курсу да еще и за наркодоллары высшими российскими чиновниками. Продавалась не только Россия, но весь Советский Союз!

Однако машина дала неожиданный сбой. На границе выяснилось, что документ с гербовой печатью Совмина частное лицо не имеет права вывозить из страны. Был составлен соответствующий протокол, гарантийное письмо Совмина изъято и опять запущена машина, но теперь уже по раскрутке «дела Фильшина».

Так что союзный премьер Павлов имел все основания обвинять западных банкиров в крупномасштабном заговоре против СССР. В свою очередь КГБ буквально завалил высшее руководство страны компроматом на российских чиновников, и те, ясно осознав, что дело начинает пахнуть тюрьмой, если вообще не «вышкой», окончательно и совершенно открыто взяли курс на упразднение СССР. Это, естественно, сразу же нашло самый горячий отклик и поддержку как за рубежом, так и у местных нуворишей. А дальше – ГКЧП, Форос, счастливый Президент на танке, Беловежская Пуща...

Алексей Невский, «Лимонка», №66, июль, 1997

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. РОССИЯ И РЫНОК

«Обособленный анализ нормативных актов СССР о переходе к рыночным отношениям не дает ответа на главный вопрос: почему руководство партии и правительства взяли курс на развитие капиталистических отношений взамен планово-централизованной экономики т. н. социализма? Корни кроются в международных экономике и в международных правовых актах.

Наша перестройка – часть всемирной перестройки. Первый этап мировой перестройки начался после энергетического кризиса 1973 года, наглядно показавшего развитым странам мира, какую опасность несет мировая нехватка сырья и энергии. По данным ООН, сырья и энергии хватает (при оптимальном использовании) только на 1 миллиард человек. На 1 января 1990 года на Земле проживало уже более 5,5 миллиардов, к 2000 году ожидается более 8 миллиардов. Не случайно, что в золотой фонд «одного миллиарда» входят только такие страны, как США, Япония, страны ЕЭС (Европейский Экономический Союз) и т. д., в то время как 4/5 населения Земли из Азии, Африки, СССР, Латинской Америки, обладающие основной массой сырья и энергии, вытеснены с «места под солнцем» и по существу являются сырьевыми колониями вышеназванных стран. Мы восхищаемся высоким уровнем жизни западных

стран с так называемой развитой рыночной экономикой, но забываем о том, что в мире единый энергосырьевой сосуд, и наполнить его сверх того, что в нем, никак нельзя, а делить «по-братски» на 160 государств мира – пустая затея: каждый получит по капле, будет «ни сыт, ни пьян». И если бы в Африке или СССР каждая семья имела всего вдоволь, то этого не было бы на Западе, в Японии, или в Сингапуре. Персидский кризис сентября 1990 года наглядно это показывает: развитые страны в шоке от угроз Ирака установить контроль над нефтью Кувейта и других стран региона.

Западные специалисты справедливо считают, что удержать в узде 7 миллиардов населения в 2000 году практически невозможно: «голодные» съедят «сытых» вместе с ядерным оружием. Вот почему появилась и укрепляется новая теория т. н. «интернационализации и взаимозависимости» государств, суть которой в создании единого мирового центра с единым централизованным распределением капиталов, товаров и рабочей силы, в конечном счете, – сырья, где железная гвардия международных сил ТНК (Транснациональных корпораций) будет создавать «мировой правопорядок и стабильность» (док. ООН). В этом свете следует рассматривать этапы разоружения, конверсии, сокращения национальных вооруженных сил и т. д. Далеко идущая цель: сохранение контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руках промышленно-финансовой элиты мира. Не случайно, что Программа ООН по экономическому и социальному развитию на 1990-е годы не содержит бывших в 60-е и 70-е годы установок на неотъемлемый суверенитет народов над их естественными и природными богатствами (см. док. ООН). Как говорят дипломаты, следует избежать риск «разбазаривания» сырья по национальным «квартирам».

Введение новых технологий по обработке вторичного сырья, т.н. безотходного производства и энергосберегающих установок позволит к 2000 году увеличить насыщенность населения до 2-х миллиардов человек. Это предельный рост, считает ЮНЕСКО. На повестке дня искусственное сокращение населения в Азии, Африке и СССР. В документах ООН (комитеты по народонаселению и сырьевым ресурсам) все население Земли делится на основное (обеспечиваемое сырьем – 1 миллиард), полуосновное (около 1 миллиарда) и вспомогательное. Вспомогательное народонаселение нерентабельно в условиях индустриализации: оно не окупает вложенных в него средств для производства и для жизни. В странах, где население в основном вспомогательное, вводятся нормы потребительского ограничения на питание, жилье, ширпотреб, обучение, медицину и т.д. Существует практика талонов, карточек, пайков на минимальное выживание, ставятся «железные занавесы» для выезда людей этого сорта, деньги не конвертируются – они только символ пайка на выживание. Заработная плата искусственно урезывается до нормы минимального пайка. Секрет прост: больше денег – больше дай товара, больше товара – больше расход сырья, в котором нуждаются люди основной категории в развитых странах.

В России с 1918 года по инициативе Л. Троцкого и Н. Бухарина была введена десятиступенчатая система пайков – в зависимости от служебного поста или физически выполняемой работы. Во всех законах СССР, там, где касается заработка вводятся жесткие нормативы, за исключением лиц иностранного происхождения (работа в совместных предприятиях и инофирмах). По данным ОАО (организация ООН по продовольствию) СССР в 1985-1990 годах занимал третье место в мире по производству сельскохозяйственной продукции (после США и Китая), способен обеспечить 14,5%

населения Земли питанием по научно обоснованным нормам, но не может прокормить себя с населением в 5,4% от общего количества. По одним данным, все в СССР гниет, портится, идет на свалку (см. официальную печать), по другим данным, успешно продается в другие страны. По точным сведениям ЮНИДО (организация ООН по промышленности) СССР в последнее десятилетие прочно занимает первое место по добыче нефти, угля, руд, выработке стали, проката, чугуна, стройматериалов и т. д. Но предприятия стонут от скудных фондов, кооперация – на спекулятивном голодном пайке, жители годами стоят в очереди на жилье, автомашины, дачи...

Возникает вопрос: почему Россия, 1/6 часть Земли, обладающая самыми богатыми ресурсами сырья и энергии, оказалась в положении сырьевой колонии наряду с Южной Африкой, а ее население – рабами развитых стран мира?

Корень вопроса слишком глубок и тянется в XIX век. В конце XIX века с развитием промышленного производства, проблема сырья встала срочной на повестку дня. В 1884 г. в Берлине ведущими странами мира был принят «Акт Берлинской конференции», в котором закреплялся принцип эффективной оккупации, суть которого сводилась к тому, что каждая страна обязана была эффективно добывать сырье на своих территориях и пускать его в оборот, а если не позволяли технические средства, то допускать к эксплуатации другие страны и картели. Так, Россия стала объектом совместной эксплуатации международных концернов. В конце XIX века Россия превратилась в банкрота. Таможенная война, объявленная ею, к 1905-му году вывела ее из тупика. Введена была золотая валюта. Стабилизировалась обстановка. Но революция 1905 года, финансируемая иностранным капиталом, явилась как бы «митингом», предупреждением русскому правительству. Царь Николай II не внял угрозам, и был издан указ, в соответствии с которым иностранному капиталу позволялось свободно размещаться в России, но вывоз сырья и прибыли ограничивался до 12,8%. «Обрусайтесь!» – был брошен клич. Началось энергичное вытеснение иностранного капитала из горного дела Урала и Сибири, торгово-промышленной деятельности на Дальнем Востоке. Русские промышленники «отвоевали» 80% нефтяного бизнеса, 100% олова, половина передовой электротехнической промышленности германских трестов перешла в руки россиян. Многие иностранные предприниматели переходили сами в русское подданство и переносили свои капиталы в Россию. В 1911 году США объявили России дипломатический бойкот, международные финансовые круги начали невиданную травлю.

Но Россия к 1913 году из «ситцевой империи», по образному выражению Ленина, превратилась в индустриальную державу и прочно заняла четвертое место в мире. Темпы роста производства составляли 19% в год, за 10 лет население возросло почти на 1/3. Энергично развивалась химическая, энергетическая промышленность. В 1913 году Россия на 56% удовлетворяла свои потребности в станках и оборудовании за счет внутреннего производства. Из архивов России, при пересчете цен и зарплаты к стоимости товаров и услуг на 1985 год, видно, что профессиональный рабочий (электрик, слесарь) получал ежемесячно около 2000 рублей, а чернорабочий – 600-700 рублей, специалисты-инженеры – до 20000 рублей. Это было в 1913 году...

Англичанин Э. Торн в своей работе «Россия в 1914 году» писал, что если западные страны не сумеют удержать Россию, то к 1930 году ей не будет соперников, и Европа и США окажутся на коленях у сырьевого гиганта. Интересное письмо Императора

Вильгельма к Царю Николаю II, обнаруженное недавно в германских архивах, тщательно скрывается «гласностью»:

«Социалисты занимаются подстрекательством войны, этого терпеть нельзя, теперь в особенности. Если это опять повторится, то я введу осадное положение и прикажу всех их подряд посадить за решетку... Мы больше не можем терпеть никакой социалистической пропаганды».

Письмо датировано 29-м июля 1914 года. Первая мировая война явилась попыткой поставить Россию на колени и заставить выполнять договоренности 1884 года. Поджигателями войны, как отмечал сам кайзер, оказывается, были... социал-демократы. Это заставляет пересмотреть многие устоявшиеся догмы. Тот факт, что и российские социал-демократы также подталкивали Россию к войне с Германией, сегодня также ни у кого не вызывает сомнения. Развал Российской Империи, ее армии, развязывание гражданской войны – все это было делом рук международных коррумпированных элементов. Поэт тех лет Максимилиан Волошин с болью писал:

«Вослед героям и вождям
Крадется хищник стайей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды...»

Положение России после братоубийственной гражданской войны было таково, что она напоминала тяжело избитого человека, валявшегося, на международной дороге. Как сейчас стало известно, ее убытки во много раз превышали даже убытки во Вторую мировую войну. Естественно, что ничем иным, кроме как сырьевой колонией других стран, она быть не могла. Декрет СНК (Совета Народных Комиссаров) от 23 ноября 1920 года, предоставивший западным картелям на 70 лет все основные источники сырья и энергии с правом неограниченной эксплуатации русских, одобренный X съездом РКП(б) (Рабоче-Крестьянская Партия большевиков) под лозунгом «милитаризация труда» – живое свидетельство этому. НЭП (Новая Экономическая Политика), проводившийся, якобы, для соревнования «разных видов собственности», являлся ширмой для дурачков с улицы, как говорят дипломаты. К 1929 году все, что можно было продать, было продано. Частный бизнес сам выдохся из-за отсутствия сырья, которого не хватало даже на государственные предприятия. Вывозилось до 90%. Об этом свидетельствует такой факт. Американская фирма «Форд» собиралась производить автомобили на территории СССР за счет его сырья, но с продажей в России за золотые русские червонцы. Отказались. Сырья не хватало.

Тот факт, что после 1945 года Россия сумела за 10 лет полностью восстановить свое хозяйство, выйти на передовые рубежи мира – это следствие той временной передышки, которую она получила после войны, и права использовать свое сырье на собственные нужды. Курице, несущей золотые яйца, позволили подышать воздухом свободы и встать на ноги.

Но уже с середины 50-х годов в жизнь стал активно проводиться план «Закона США от 10 октября 1951 года о взаимном обеспечении безопасности» западного блока и входящих в него стран. В разделе 514 намечалось: «...сократить истощение ресурсов США и обеспечить соответствующие поступления важного сырья странам блока» ...за счет сырье-добывающих, т.е. СССР, Китая, ЮАР, Индии и т.д. Так закладывались правовые основы «золотого миллиарда населения под солнцем благосостояния».

В данной статье автор не будет раскрывать те перипетии сложной борьбы за выживание, которая разворачивалась в 60-е и 70-е годы (правление Хрущева, Брежнева), хотя здесь много тайных мест и довольно любопытных, это в другой раз, а сейчас перейдем к дням нашим, к так называемой «перестройке».

Сразу же оговоримся: перестройка – не советское и не русское слово. Оно перешло в наш лексикон и стало политическим термином из международного права, а практически было разработано в кулуарах Всемирного Банка и МВФ (Международный Валютный Фонд). Об этом говорится, в частности, в докладе МВФ «Социальные аспекты структурной перестройки». Развернутое определение перестройки можно впервые найти в документе №276 (XXVII) от 20 октября 1983 года в рамках Совета по торговле и развитию ООН, затем идут решения №297 от 21 сентября 1984 года, №310 от 29 марта 1985 года и т. д. Интерес представляет доклад ЮНИДО (организация ООН по промышленному развитию) за №339 от 1985 года «Перестройка мирового промышленного производства и перемещение промышленных мощностей в страны Восточной Европы». Документов на этот счет много, но главные их идеи сводятся к следующему.

Возросло загрязнение окружающей среды в развитых странах, вывоз сырья себя не оправдывает, малая окупаемость.

Необходимость вывода за пределы развитых стран не только добывающих, но и многих перерабатывающих предприятий. Научно-информационные общества, как США, Япония, Западная Европа, ввиду завершения своей структурной перестройки, начавшейся с 1973 года, отказываются от традиционной политики «консервирования» СССР и ряда других стран в качестве аграрно-сырьевой колонии и переводят их в разряд промышленных колоний, т. н. «нижний этаж» мировой цивилизации, вынося на территории этих стран все материалоемкие, трудоемкие, экологически грязные производства. Намечается с 1995 года полностью вывозить к ним сырье и там перерабатывать.

Ввиду нестабильности в странах Африки и Азии, предпочтение отдается территории СССР. Джон Скиннер, президент ТНК «Бизнес Интернейшил» так сказал: «Наша задача – проникнуть на советский рынок, овладеть дешевым сырьем и там же его переработать в условиях самой дешевой рабочей силы».

Перестройка в СССР проходит по этапам: 1985-87 гг., 1987-90 гг., 1991-1992 гг., 1992-95 гг., 1995-2005 гг. Последний этап предполагает создание мирового правительств.

Существенной ошибкой наших теоретиков является то, что они предполагают, что переход к рынку есть переход к частной собственности отдельных лиц, как это было

в XIX веке. Как при НЭПе заглохли все частники из-за сырья, так и теперь сырье предназначается для мировых корпораций. Это второй величайший эксперимент в мире на базе русской земли и с применением русского живого труда, пота и крови. Первый – большевицкий, в 1917-21 гг., когда намечалось с территории России разжечь мировой пожар коммунизма во всем мире. Костер погас. Второй – сейчас, когда с территории России ТНК, в условной операции «прыжок тигра», установят свое мировое господство, заменив границы географические границами функциональными (см. книгу Р. Верной «Суверенитет смотрит в гроб», Рим, 1985 г.).

Первый этап перестройки можно назвать периодом первоначального накопления капиталов. Когда корабль тонет, с него тащат все, что попадает под руку, и чем дороже, тем лучше. В январе 1987 года по решению ЦК КПСС и Совмина СССР было частично отменено ограничение во внешней торговле и без ДВК (Дифференцированных Валютных Коэффициентов), разрешено предприятиям и лицам продавать за рубеж все дефицитные товары: продовольствие, ширпотреб, сырье, энергию, золото, химтовары... Даже мясные лошади попали в этот злополучный список! Постановлениями ЦК КПСС и Совмина СССР от сентября и октября 1987 года давались уже обязательные директивные указания о продаже дефицитов за рубеж. Это создало «незаинтересованность во внутреннем рынке, началось вымывание товаров, обесценивание рубля, а после постановлений 1987 года о совместных с иностранцами предприятий и Закона о кооперации 1988 года, началось повальное опустение наших магазинных полок, международная спекуляция приняла невиданные размеры.

Второй этап перестройки начался с 1989 года и характеризуется захватом земли и производства. Появились законодательные акты о собственности, об аренде, о земле, о малых предприятиях, об акционерных обществах, о неправительственных (якобы) международных топливно-энергетических ассоциациях, о концернах, валютных и прочих фондах.

Третий этап намечается с 1992 года – этап, очевидно, сращивания ТНК и совпроизводства. По данным нашей печати, в зарубежных банках уже хранятся сотни миллиардов в золоте и твердой валюте, готовые «осчастливить» Россию. Одно забываем, что эти сотни миллиардов – отнятые у нас с потом и кровью... Проходивший в августе 1990 года VIII международный конгресс по борьбе с преступностью особо обратил внимание государств на то, что в 90-е годы ожидается мощное наступление международной мафии на государства, особенно пострадают слабо защищенные в экономическом и правовом отношении. «Уже сегодня, – отмечалось в документе конгресса, – доход международной мафии составляет почти 2/3 ВНП (Валовой национальный продукт) всех стран мира». Начнется спекуляция предприятиями, людьми, ресурсами, активное внедрение «спрутов» в органы власти и управления этих стран, шантаж населения голодом, вооруженными конфликтами, эпидемиями и т. д. Надо быть готовыми к суровой борьбе, считают специалисты ООН.

Особой обработке, сказано в документах, будут подвергнуты молодежь и дети. Стоит задача: разрушить семью и превратить ее в послушное стадо. Задача должна осуществляться через телевидение, печать и сексуальную эксплуатацию детей. Популяризируются так называемая «рок-музыка», гомосексуализм и лесбиянство, половая связь детей и родителей...

Теперь перейдем к более конкретной сфере нашей жизни, а именно – к созданию «правового государства», и рассмотрим некоторые законы СССР, недавно принятые Верховным Советом.

Главный и основной закон – это закон о собственности, вступивший в силу с 1 июля 1990 года. Закон о собственности в СССР закрепляет три вида собственности: частную, коллективную и государственную. Красной нитью через все виды собственности проходит идея акционерного вложения в неограниченных размерах (ст. 7, п. 3). Социальное положение определяется толщиной кармана. Если сравнить сотни миллиардов зарубежной и нашей «теневой» мафии с заработной платой работника СССР, то станет вполне ясно, для кого раскрывает объятия положение ст. 1, п. 2, где говорится о свободе «любой хозяйственной или иной деятельности» любых лиц и организаций, в том числе и зарубежных. Как и в упомянутом декрете СНК от 23 ноября 1920 года, разрешается беспрепятственный наем рабочей силы зарубежными фирмами, но вывоз прибыли и сырья пока ограничен, не 95%, как ранее, а 80%. В трудовые доходы записываются суммы акций, дивиденды, наследство, ценные бумаги, «иные источники» (прибыль от ловкости рук, как говорил Остап Бендер). Рассчитывая, очевидно, на дебилов, ст. 6 (в п. 2) объясняет «иные источники» «личными способностями». У кого много денег – тот способный. Всем остальным закон позволяет гнуть спину на «способных».

Широко дано понятие объекта собственности. Ими становятся дома, земли, недра, транспорт, средства производства, ценные бумаги, предметы материального и духовного производства и даже ... растительный и животный мир.

Коллективная собственность так замаскирована в законе, что трудно догадаться, для кого она предназначена в конечном итоге. По тексту статьи – это, якобы, сотрудничество «лис» советских, «волков» зарубежных и «зайцев» – производителей. Этаким совместный ужин.

Однако в ст. 12 четко оговорено, что положение «коллективного собственника» определяется его денежным вкладом в предприятие. Если вклад 100 рублей, то соответствующий и социальный вес работника, а если 3 миллиарда – и вес как положено. В кооперативном предприятии социальное положение определяется «вкладом и доходами» (ст. 13), наемный работник (служащий) – человек второго сорта, он на основе Закона о кооперации просто раб и прибылью не распоряжается. В акционерном обществе положение зависит от суммы акций (ст. 15). Как видим, основное – это деньги, не важно, как добытые, а труд – это привесок для «неспособных» (как справедливо отмечено выше ст. 6, п. 2). По расчетам наших «прорабов перестройки» (Минфин, Госплан, Госкомстат и прочие) ожидается более 25 миллионов безработных, десятки миллионов беженцев, миллионы репрессированных. И все это называется «платой за перестройку», для того, чтобы «способные» могли успешно нанимать для труда «неспособных», то есть 280 миллионов россиян. Но главный корень фарисейства кроется в том, что этих же людей будут обирать за их же труд путем так называемого добровольно-принудительного отчисления в фонды предприятия от их скудно заработной платы. За счет этого «фонда» хозяин будет реконструировать свое предприятие, для работника – строить жилье, выдавать пособия, пенсии, но представляется все это как «дарственная», милосердие хозяина.

Любые попытки изменить условия закона по закону (ст. 33, 34) сурово наказываются. Однако, в законе нет правовой защиты лиц наемного труда. Так, по общепринятому международному стандарту (МОТ) 70% от полученной прибыли идет на оплату производителя, 20% – в фонд развития предприятия, 10% – местные и центральные налоги государству. Не случайно, что в США зарплата составляет 3-4 тысячи долларов в месяц, а у нас – 300 рублей в лучшем случае: на зарплату выдается только ...пять-семь процентов, а 9/10 уходит в так называемые общественные фонды, целевое направление которых за 70 лет никто так и не выяснил, ибо по точным подсчетам наших и даже зарубежных экономистов, каждый человек в СССР окупает общественные фонды за два года работы. Если вы получаете 300 рублей, то ежемесячно у вас изымают 2700 рублей, плюс подоходный и косвенные налоги. Чингисхан с его десятипроцентным ясыком (данью) сегодня выглядит благодетелем русского народа в сравнении с ханами XX века.

Или другая тайна. Министр финансов не мог ответить депутатам, какой реальный прожиточный минимум в СССР. В США это – 12 тысяч долларов. В Швейцарии – 16 тысяч. Даже для слаборазвитых стран Африки и Азии ООН установила (на 1 января 1990 г.) прожиточный уровень в 1000 долларов в год, ниже которого не должна опускаться ни одна семья. В случае, если правительство по объективным причинам не может обеспечить такие семьи, то ООН оказывает ему помощь через свои общественные фонды. Объективными причинами в международном праве считаются войны, эпидемии, стихийные бедствия. Если объективных причин нет, то виновато правительство, и оно несет полную международную ответственность. Ему могут отказать в международном доверии и нарушении прав человека, объявить бойкот.

В СССР по данным Госкомстата семья получает 9,6 тысячи долларов в год. Эту туфту «варят» так. Берут «средних» мужа и жену, умножают их средний доход в 250 рублей на два человека – 500 рублей. Затем умножают сумму на 12 месяцев – 6 тысяч – и переводят на долларовый коэффициент 0,6 и получают таким образом в среднем 9 тысяч долларов в год на семью. Фактически же, в реальном долларовом исчислении по рыночным ценам, средний человек в СССР получает 300 рублей: 15-20 долларов или в год 15 долларов умножить на 12 = 180 долларов. 98% населения СССР живет за чертой международной бедности, равной 1000 долларов в год.

В тесной связи с законом о собственности находятся и нормативные акты о так называемой приватизации государственной собственности (законы об аренде, о малых предприятиях, об акционерных обществах, о совместных предприятиях), а также законы о едином налогообложении граждан и предприятия, акты о землепользовании и др. Их нельзя рассматривать изолированно. Главной сутью этих законов является право создавать на территории СССР иностранные консорциумы, союзы, концерны и другие объединения с целью долгосрочной аренды земли, естественных и природных ресурсов, предприятий, зданий, сооружений (ст. 5, 12 закона об аренде). По закону о собственности арендованные объекты могут быть предоставлены затем во владение и собственность арендаторов. В соответствии с разделом XIV Основ земельного законодательства СССР, правительство может заключить международные соглашения в обход закона о земле, запрещающего продавать землю иностранцам напрямую. Такое право закреплено в Законе СССР о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР от 6 июля 1978 года (ст. 6, 12, 13, 15). Короче, через международные соглашения без санкции Верховных советов,

можно обойти с тыла закон о земле и прочее и открыть широкую дорогу для бесконтрольного расхищения естественных и природных богатств российского народа. Такое международное акционерное общество по эксплуатации богатств России... Уже в обход парламентов СССР и РСФСР заключены крупные сделки по передаче земель и богатств Восточной и Западной Сибири, по изъятию золота и алмазов Якутии и Дальнего Востока. Не случайно в определенных кругах муссируется идея «несправедливой» принадлежности русскому народу сибирских и северных земель. Вот, мол, на японских островах скучено 100 миллионов, а в СССР пустуют огромные площади земли. Общечеловеческие ценности, говорят, выше ценностей национальных! Европа и Азия – наш общий дом. Но какую часть общего дома собираются отвести русскому народу общечеловеческие интернационалисты? В любом доме, ведь, есть не только гостиная, но и сортир.

В этой связи настораживает и так называемый национальный и региональный суверенитет в РСФСР. Не связан ли он с целью указанных законов? Вспоминается секретный документ, подписанный лордом Берти 1918 года в Париже: «Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удавалось сфабриковать, то, по моему, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку».

Хуже, если сегодня и «остальному» не дадут даже «вариться в собственном соку», а проварят в соку экологического опустошения и людского вымирания на территории уже бывшей, так называемой России.

Кандидат юридических наук А. Цикунов (Кузьмич)

Примечание. Перепечатано с незначительными сокращениями из газеты «Воскресение» №4, октябрь 1990 г. После этой публикации, редактора газеты «Воскресение» уволили с занимаемой должности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. WORLD BUSINESS NEWSPAPER. FINANCIAL TIMES КТО ПРАВИТ РОССИЕЙ

Международная газета деловых кругов «Financial Times» от 1 ноября 1996 опубликовала большую статью под названием «Московская группа семи», где дает характеристику наиболее приближенным к больному президенту и наиболее могущественным политикам России. Слева направо помещены фотографии: зам. секретаря по национальной безопасности, хозяина «Логоваза» и ОРТ – Бориса Березовского; бывшего руководителя Онексимбанка и нынешнего первого премьер-министра – Владимира Потанина; главы МОСТ-банка, хозяина НТВ и издательского дома «Семь дней» – Владимира Гусинского; главы администрации президента и директора приватизационных программ – Анатолия Чубайса; родной дочери Ельцина и компаньона Чубайса – Татьяны Дьяченко (по словам Березовского, она «наиболее эффективный канал связи с президентом»). В группу также входят (их фото не воспроизведены): президент фининсовой корпорации МЕНАТЕП и «нефтяной империи» – Михаил Ходорковский; глава Столичного банка – Александр Смоленский; руководители АЛЬФА-БАНКА

– Петр Авен и Михаил Фридман. Предприятия этих дельцов, по сведениям газеты, в совокупности контролируют около 50% всей российской экономики. Обращает на себя внимание также и тот факт, что все перечисленные банкиры (кроме Потанина) входят в руководящий круг Российского еврейского конгресса (РЕК), который возглавляет Владимир Гусинский. Среди политиков, приближенных к избранной семерке, названы Григорий Явлинский, Егор Гайдар и Валентин Ковалев.

Источник: «Financial Times», 1/11/1996

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. ЕВРО ПРОТИВ ДОЛЛАРА?

Страны Европейского союза хотят реорганизовать свое представительство в МВФ, чтобы получить власть, аналогичную той, что имеют США. Комиссар ЕС по экономической и валютной политике Педро Сольбес призывает правительства 15 стран отказаться от своих мест в руководстве фонда и выдвинуть единого представителя от ЕС. Реализация идеи Сольбеса позволит ЕС получить более 15% голосов в руководстве МВФ, что даст блоку право вето при принятии важнейших решений – например, о предоставлении кредитов странам, испытывающим финансовые и экономические трудности. Сегодня США, у которых 17,2% голосов, являются единственным акционером фонда, имеющим право вето. Несколько раз они использовали его, ограничивая выделение средств, и демонстрировали таким образом международному финансовому институту свою власть.

У ЕС нет такой возможности. В общей сложности у стран ЕС 34% голосов, однако они распределены между девятью делегациями, голосующими независимо. Германия, Великобритания и Франция имеют по одному месту, другие страны ЕС входят в блоки со странами, не являющимися членами союза. Больше всего голосов среди европейских стран имеет Германия (6%), однако это существенно меньше 15%, необходимых для того, чтобы заблокировать любое решение. Голоса в руководстве МВФ распределены в соответствии с долей страны в капитале фонда. Теоретически страна может взять в кредит сумму, в три раза превышающую ее долю в капитале МВФ. Но на практике фонд в последние годы выдавал гораздо большие суммы странам Азии и Латинской Америки, в которых разразился кризис.

Если ЕС перетасует свои голоса, их число существенно уменьшится с нынешних 34% и, соответственно, уменьшится сумма, которую страны союза смогут взять в кредит. Директор Института международной экономики Фред Бергстен считает предложение Сольбеса хорошей идеей. «Одна страна не должна управлять миром, и это [уравнивание влияния] уже происходит в торговле», – говорит он. Перед Сольбесом, однако, стоит непростая задача: не исключено, что Германия и Великобритания не захотят отказываться от своих мест, да и США идея появления равного по силе партнера вряд ли придется по душе.

Вначале было ЭКЮ, но неудачно. Многие считают, что Сорос атаковал в 1992 г. фунт, на основе которого предполагалась ЭКЮ и похоронил идею общеевропейской валюты в то время.

Говорят также, что китайцы, которые из деятельности Сороса сделали выводы, разорили его при попытке обвалить в 1997 г. гонконгский доллар. После этого Сорос разочаровался в глобализации и написал очень эмоциональную книжку.

После ЭКЮ европейцы пошли на единую валюту в ее нынешнем виде. На евро было произведено со стороны США и подконтрольных им игроков (НАТО, глобальные спекулянты) достаточное количество атак. Однако в целом Европа оказалась готовой и, несмотря на обвалы курса евро после Югославии и Косова, ввела наличный евро достаточно уверенно.

Новость, которая явилась информационным поводом для начала этой ветки, на мой личный взгляд подтверждает устойчивость позиций ЕС по отношению к США в деле непростого и многогранного противостояния евро и доллара.

Давайте подумаем. Статус мировой валюты, не менее важной и сильной, чем доллар, евро не обретет лишь на том, что будет обслуживать рынок стран ЕС (самый емкий в мире), что евро вытеснит доллар из стран ЦВЕ, что в евро номинируется все большее количество долгосрочных облигаций, что, может быть, ряд значимых стран (Китай, может быть.... и Россия, и др.) переведут свои резервы, или их часть, в евро.

Чтобы стать действительно мировой валютой, евро должен быть вклинен в трансфертные операции, проводимые основными рычагами глобализации. А этот процесс, т.е. глобализацию принято отсчитывать от Бреттон-Вудских соглашений, когда были приняты первоначальные стратегические в этом направлении решения и созданы основные «органы глобализации» – ВТО, МВФ, ВБ.

При таком подходе попытка ЕС установить как минимум не меньшую степень контроля над МВФ, чем есть сегодня у американцев может рассматриваться именно как свидетельство того, что евро успешно прошел стадию внедрения в наличный оборот, что распространение евро на страны ЦВЕ, Северную Африку и бывшую зону франка не вызывает серьезных опасений у руководства ЕС и оно намерено реализовать серию шагов по резкому усилению своего присутствия в контролируемых ныне Соединенными Штатами перечисленных глобальных организациях.

МВФ – очень показательный пример. Едва ли не притчей во языцех является исключительная зависимость решений руководства МВФ от воли США. И вот, по этой важной точке американского глобального влияния, проводит свою атаку Европа. Было бы неразумно полагать, что здесь идет «борьба двух миров», суть в ином – геополитической и геоэкономической целесообразности. Волей и напряжением стратегической мысли Америки из МВФ был создан очень доходный инструмент. Третьи страны побуждаются МВФ-ом к тому, чтобы брать кредиты Фонда в среднем под 7-15 % годовых.

Здесь стоит обратить внимание, что согласно регулярно публикуемой ООН статистике, средние темпы роста в третьих странах 2-3% в год. При такой ситуации проблематичным становится не просто выплата кредитов, а даже само их обслуживание. На более понятном языке это и называют долговой ловушкой. Третьи страны вынуждены снова брать новые кредиты, таким образом генерируется спрос на доллары, в которых кредиты Фонда выдаются.

С геоэкономической точки зрения «глобализация», если применять этот термин – это борьба за ресурсы. В случае в МВФ Европа борется за очень серьезные ресурсы, которые к тому же крайне необходимы Америке в ее нынешней ситуации.

Обязательно, в той или иной форме, стоит ожидать агрессивных европейских инициатив и по отношению к иным глобальным организациям.

Нельзя забывать, что ФРС – это ЧАСТНАЯ американская корпорация, хотя и очень специфичная, поскольку получает со всего мира монопольный доход за счет эмиссии валюты единственной в мире сверхдержавы, а также за счет эмиссии долговых обязательств этой сверхдержавы.

К примеру, ФРС в 2001 году получила чистую прибыль в размере 31.87 млрд. долл. Из них 27.14 млрд. долл. было перечислено в казначейство США. В основном прибыль ФРС была сформирована за счет операций с государственными ценными бумагами 30.54 млрд. долл. Об этом говорится в официальных материалах ФРС. Но реально ФРС зарабатывает больше – просто нам трудно пересчитать выгоду от хождения доллара вне Америки, а эти данные по понятным причинам ФРС не публикует.

Интересно, что при таких прибылях по тем же данным операционные расходы 12-ти региональных резервных банков, входящих в ФРС, в прошлом году составили 1.78 млрд. долл. Очень эффективная корпорация! А ее директор Алан Гринспен должен быть в почете у основных акционеров ФРС – ряда крупнейших американских банков.

И как раз в силу того, что ФРС – это чисто американская фирма, а не международная организация, такого легкого формального повода как в случае с МВФ у Европы не будет.

Слабость ФРС кроется в ее силе – в долларе. Угроза доллару как глобальной валюте – это и есть угроза ФРС и ее роли в Америке.

Николай фон Крейтор

Источник: www.whiteworld.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. МОПЧ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Internationale Gesellschaft fuer Menschenrechte
International Society for Human Rights
Societe Internationale pour les Droits de l'Homme
Sociedad internacional para los Derechos Humanos
International Sekretariat IGFM, Borsigillee 16, D-60388 Fnmknirt/Mair
Tel +10 (49) 69 420 1080, Fax +10 (49) 69 420 10833

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВООЗАЩИТНАЯ СЕКЦИЯ

Адрес для писем: 127560, г. Москм, а/я 24 тел./факс (095)236-58-48, E-mail: b_vs@km.ru

ОБРАЩЕНИЕ

«Об узурпации сионистской мафией государственного права эмиссии рублей в России»

За время «перестройки» по России пронеслась невиданная инфляция. Сейчас инфляция ползёт тихой сапой, неторопливо, ибо всё в основном с помощью инфляции уже разворовано. В официальных Средствах Массовой дезинформации, находящихся под контролем сионистской мафии, причин для инфляции придумывают множество: беспорядки в экономике, структурная перестройка, ошибки в управлении страной и прочие дезинформирующие обывателя версии.

На самом деле основная причина инфляции – это преступная деятельность международной сионистской финансовой мафии. Суть преступной деятельности сионистской финансовой мафии проста до предела. Это обыкновенное фальшивомонетничество. Деньги печатают. Нагло печатают, беспардонно, согласованно, сколько им надо. В Америке сионистская мафия печатает доллары. В России та же самая сионистская мафия печатает рубли. Сейчас в Европе наконец-то сионисты взяли власть над почти всеми европейскими странами, ликвидировали национальные валюты и теперь будут нагло печатать евро. Сионисты (глобалисты) узурпировали власть в независимых национальных государствах Европы, подготавливая финансовую базу для установления «нового мирового порядка». В своё время глава сионистов Ротшильд заявлял: «Меня не интересует, кто правит данным государством. Дайте мне возможность управлять финансовой системой этого государства, и я буду управлять этими руководителями».

Что это такое, деньги? Деньги это средство оценки любых ценностей: товаров, работ, услуг. Если килограммовые гири – это средства оценки веса, то деньги – средство оценки ценностей. Процедура денежной оценки аналогична процедуре взвешивания веса на весах. На одной чаше весов

- товары, работы и услуги в натуральном измерении (штуки, тонны, метры, киловатты и пр.), на другой чаше весов

- деньги (доллары, рубли, фунты и пр.).

Предположим на какой-то момент времени общий объём денежной эмиссии составил 3000 млрд. руб. Представим себе, что в течение календарного месяца, когда объём товаров, работ и услуг практически не изменился, Центробанк напечатает ещё 3000 млрд. руб. Что будет? Весы они и есть весы. Так как объём товаров, работ и услуг не изменился, а денежная масса выросла вдвое, то цены, грубо говоря, вырастут в 2 раза. То есть инфляция составит 100%.

Тем самым финансовая мафия украдёт у каждого гражданина страны половину тех средств, которые у него находились в кармане, в Сбербанке или в стеклянной банке. Украдёт тихо, без приставления ножа к горлу, без выстрелов, без физического насилия. Вот так работает сионистская финансовая мафия. Для того, чтобы смочь это делать, мафии надо захватить право печатать деньги. А потом на эти из воздуха сделанные деньги покупать всё и всех. И всех русских и нерусских холуев, которые охраняют за деньги сионистских хозяев и всех продажных государственных чиновников, которые служат за эти деньги сионистской мафии.

Инфляция и экономические кризисы не являются причиной чего-то. Они есть средство захвата сионистами власти и собственности. Инфляция и кризисы повсюду создаются сионистами умышленно.

В США Центральный банк (его называют Федеральная резервная система) – это не государственная организация, а частная контора сионистской мафии. Борьба сионистской мафии за захват Центробанка в США велась длительно и упорно. Были убиты 3 президента: А.Линкольн, У.Мак-Кин-ли, Д.Кеннеди. Был убит конгрессмен МакФэдден и брат президента Кеннеди – Роберт Кеннеди. Было два покушения на Вице-президента Джексона и Госсекретаря Сьюарда. Об этой борьбе подробно описано в книге Ральфа Эпперсона «Невидимая рука». Несколько цитат из этой книги:

Томас Джефферсон утверждал: «Если американский народ когда-либо позволит частным банкам контролировать эмиссию долларов, то сначала посредством инфляции, а потом – дефляции, банки и корпорации, которые вырастут вокруг такого Центрального Банка, будут отнимать у людей собственность до тех пор, пока их дети не проснутся бездомными на земле, которую завоевали их отцы» (гл. 12).

В 1816 г. Томас Джефферсон в письме к Джону Тейлору сделал ещё одну попытку предостеречь американский народ: «Я считаю, что банковские учреждения более опасны для наших свобод, нежели постоянные армии. Они уже создали денежную аристократию, которая ни во что не ставит правительство. Следует отобрать у банков полномочия на эмиссию и вернуть их правительству, которому они принадлежат по праву».

В избирательной кампании 1912 г. 26-й президент США Теодор Рузвельт сказал: «Позади видимого правительства на троне сидит невидимое правительство, которое ни в малейшей степени не доверяет народу и не несет никакой ответственности. Уничтожение этого невидимого правительства, разрушение безбожной связи между коррумпированными дельцами и коррумпированными политиками – вот в чем задача государственного деятеля» (с. 47).

А вот один из результатов экономического кризиса. После кризиса в США 1929 г. распределение собственности и денег изменилось резким образом в пользу сионистской олигархии. Около 16 000 банков США разорились. 100 из 14 100 банков (менее 1%) стали контролировать более 50% банковских активов США. 14 крупных банков стали владеть 25% депозитов страны. Вот вам и кризис. Кому-то горе, кому-то баснословные барыши.

В 1982 г. правительство США было должно Федеральной резервной системе (сионистской финансовой мафии) 1 070 241 000 000 \$. За этот долг американские налогоплательщики заплатили сионистам в виде процентов 115 млрд. \$ только за один год.

В 1992 г. государственный долг США составил уже 5 000 000 000 000 плюс проценты. Соответственно выросли налоги. В то время как расходы Центробанка сводятся к покупке типографской краски и оплате труда печатников долларов (с. 42). Такой безпредельной наглостью люди обладать не могут. Такими качествами может обладать только сионистская мафия – дети дьявола (от Иоанна 8:44).

В России захват сионистами Центробанка прошёл незамеченным под шум дезинформации сионистской мафии о демократии, правах человека, правовом государстве. Сейчас по телевизору спокойно передают такие перлы: «Правительство России взяло кредит Центробанка в размере...». До какого мракобесия мы дожили. Ничего себе, Правительство берёт кредит у ЦБ. Да кто он такой, этот Центробанк? Это сионистское государство внутри Российского государства. Кто им позволил узурпировать право печатать рубли? Как государство дошло до того, что берёт деньги в форме кредита у незаконной конторы, которая эти деньги печатает из воздуха? А потом всё государство (как в США) остаётся в астрономическом долгу у этой криминальной сионистской конторы, занимающейся фальшивомонетничеством.

Если мы вспомним, в России за время «перестройки» сионистская мафия напечатала астрономическое количество рублей. Совсем недавно счёт шёл на миллионы рублей. Не забыли? Потом эта мафия провела деноминацию денег и сократила три нуля, и вместо миллионов рублей стали тысячи. Помните об этом? Но эти нули никуда в воздух не улетели. Сионистская мафия напечатала это безумное количество рублей и присвоила их себе. Кто-то на них скупил всю астрономическую госсобственность бывшего СССР, а ведь госсобственность – это также деньги, только в материальном выражении. И эта собственность принадлежала народу. А её украли сионистская мафия. У нас у всех украли. К каждому залезла в карман. Это наглое и преступное нарушение Прав каждого Человека. За первые годы «перестройки» сионисты украли у народа все его сбережения. Все те денежные накопления, которые трудящиеся накопили за всю свою жизнь, в одночасье превратились в ничто.

О том, сколько сионистская мафия напечатала рублей за время «перестройки» в России, никаких официальных данных народу не даётся. Но масштаб напечатанных из воздуха денег можно грубо оценить исходя из масштабов роста инфляции, так как рост инфляции пропорционален росту напечатанной денежной массы. Для такой приблизительной оценки можно взять рост цен на какие-либо типовые товары. Для примера возьмём такой важный продукт, как хлеб. До «перестройки» буханка чёрного хлеба стоила 18 коп. Сейчас стоит примерно 6 рублей. С учётом деноминации и

сокращения трёх нулей это не 6 рублей, а 6 000 рублей в старых рублях. Разделим 6 000 руб. на 18 коп. Получаем рост цены на хлеб в 33 000 раз. То есть сионистская мафия напечатала денег примерно в 30 000 раз больше, чем был общий объём денежной массы до «перестройки». Данная оценка конечно же грубая, но в отсутствие официальных данных она позволяет примерно представить масштабы содеянного. И ведь кто-то стал владельцем этого астрономического объёма денег, напечатанного из воздуха. И эти кто-то на эту же сумму обворовали всю страну.

На заре появления первых денег такого не могло быть в принципе. Первые денежные монеты были или серебряными, или золотыми. Они были неподвержены инфляции, так как их реальная стоимость определялась их собственным качеством и собственным весом (см. иллюстрацию на стр. 163). Потом вместо серебряных или золотых монет стали выпускать бумажные деньги, но эти бумажные деньги имели чёткое золотое или серебряное обеспечение. То есть бумажные деньги имели фиксированный золотой или серебряный эквивалент, и в любой момент времени гражданин мог обменять бумажные деньги на соответствующий объём золотых или серебряных денег. В этих условиях, прежде чем выпустить новый объём бумажных денег на сумму о стоимости, например 10 тонн золота, государство должно было эти 10 тонн золота добыть и поставить на рынок. Иначе бы вновь выпущенные бумажные деньги не были бы обеспечены.

Как только еврейская финансовая олигархия добилась отмены реального обеспечения бумажных денег, появилась возможность самого лёгкого обогащения и обворовывания граждан.

Сегодняшние доллары, рубли и евро ничем не обеспечены. По ним нет никаких гарантий и никто из правительства не несёт ответственности перед народами за их взлёты и падения.

Посмотрите на курсы иностранных валют. Чем определяется курс доллара по отношению к рублю? Экономикой? Темпами роста? Уровнем эффективности производства? Да ничего подобного. В США сионистская мафия печатает бумажки-доллары, в России – та же самая международная сионистская мафия печатает бумажки-рубли. Никакого материального обеспечения (золотого, драгметаллами и т. д.) ни доллары, ни рубли давно не имеют. Есть только две группы бумажек, у которых разный объём эмиссии. А дальше есть рынок, спрос и предложение. Если надо поднять курс доллара по отношению к рублю, то не надо ничего экономически предпринимать. Надо просто допечатать побольше рублей. И делается это всё строго согласованно, по указанию сионистского центра. Видите, как всё просто. Это у них называется монетаризмом.

Теперь сионистская мафия узурпировала право печатать бумажки-евро. Появились третья мировая валюта и третий центр мировой эмиссии. Теперь они могут устанавливать любые нужные им курсы валют. Это им очень важно, так как доллар на самом деле – такая же ненадёжная бумажка, как и рубль. Но теперь они могут курс долларовой бумажки поддерживать на любой высоте. В то время как реальная стоимость доллара постоянно падает, несмотря на его высокий курс по отношению к рублю. Теперь сионистская мафия отняла у европейских государств и финансовую и политическую самостоятельность. Это у них называется глобализмом.

Но все эти долларовые, рублёвые и европирамиды не могут продолжаться долго. Если бы не «перестройка», за счёт которой США закачали в Россию в обмен на реальные ресурсы зелёные бумажки на сумму более 150 млрд. долларов, доллар давно бы уже рухнул. Появление евро оттягивает гибель доллара. Но всё это ненадолго. После Европы им двигаться будет уже некуда. В Китае сионистов никто не пустит. Рано или поздно разразится общемировой финансовый кризис такой силы, что его последствия будут хуже взрыва 1000 атомных бомб. Единственный выход из этого тупика сионисты видят в развязывании Третьей мировой войны. На войну всё можно списать, виноватых не найдёшь. Именно этим они сейчас и занимаются под лживым лозунгом борьбы с терроризмом.

Сионистская мафия (называющая себя ныне глобалистами) – это и есть международный террорист номер 1. И взрывы башен в США – это их рук дело. Именно им это выгодно, больше никому. Именно поэтому преступное сионистское правительство США вчера бомбило Югославию, сегодня пробомбило Афганистан и разжигает войну между Пакистаном и Индией. А завтра хочет бомбить всех и вся, разместив свои военные базы уже на территории бывшего СССР. Если мы не остановим Третью мировую войну, то ужасы её имеет шансы пережить только Китай и то под очень большим вопросом. Глобалисты ведут дело к полному уничтожению цивилизации на Земле.

Мы не собираемся ждать мирового кризиса и Третьей мировой войны. Мы не хотим жить в таком преступном мире! Этим преступлениям сионистской мафии надо поло-

МЫ ТРЕБУЕМ:

1. Придать Центральному Банку России (ЦБ РФ) статус полностью государственного предприятия.
2. Поставить деятельность ЦБ РФ под полный контроль Правительства, Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания РФ и под общественный контроль.
3. Полной гласности и отчётности в работе ЦБ РФ. Народ вправе знать полный объём эмиссии рублей. Это непосредственно затрагивает интересы и права каждого гражданина России. Каждая новая необеспеченная эмиссия рублей – это украденные деньги из кармана каждого гражданина.
4. Обеспечить рубль золотом, драгметаллами и другими материальными активами.
5. Привлечь к уголовной ответственности всех руководителей Центрального Банка России и других официальных лиц, участвовавших в преступных финансовых махинациях ЦБ РФ, включая Ельцина, Чубайса, Гайдара, Черномырдина, Лившица и др.
6. Создать государственную комиссию по расследованию преступных деяний ЦБ РФ за период «перестройки» с целью определения количества напечатанных из воздуха рублей, куда они были направлены и что на них было приобретено. Приобретённую с помощью этих «липовых» рублей собственность конфисковать в пользу государства.

7. Изгнать из России американский доллар, евро и другие иностранные валюты.

Президент Русской Национальной Правозащитной Секции

Международного Общества Прав Человека

В.С. Барышенко

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).